

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУВПО «МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЗАПАД-ВОСТОК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

Йошкар-Ола, 2008

**Основан в 2008 г.
Выходит один раз в год**

ББК Ф2я53
УДК 32(1-15)=32(1-11)
З 300

Редакционная коллегия:

<i>Г.В. Рокина</i> (главный редактор),	<i>Е.В. Колесова,</i>
<i>А.А. Ярыгин,</i>	<i>Ю.С. Обидина,</i>
<i>Г.Ф. Горбашова,</i>	<i>М. Даниш</i>
<i>Т.Н. Иванова,</i>	(Словацкая Республика),
	<i>Т.Г. Нефёдова</i>

Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским советом МарГУ

ISBN 978-5-94808-442-8

© ГОУВПО «Марийский государственный
университет», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кафедра всеобщей истории Марийского государственного университета открывает этим выпуском издание научно-практического ежегодника, посвященного актуальным вопросам зарубежной истории и историческим и культурным параллелям Запада и Востока. Ежегодник продолжает традицию издания кафедральных сборников – «Социально-политические и культурные процессы в странах Европы и Америки в средние века и новое время» (отв. редактор – А.В. Рандин), 1990 г., «Социально-политическая борьба в странах Европы и Америки в средние века и новое время» (отв. редактор – А.А. Ярыгин), 1991 г.; «Политика и культура стран Европы и Америки» (отв. редактор – А.А. Ярыгин), ч. 1-2, 1994, 1996 гг.; «Актуальные проблемы всеобщей истории» (отв. редактор – Г.Ф. Горбашова), 2006, 2007 годы.

Первый номер ежегодника является отражением научно-исследовательской деятельности преподавателей кафедры всеобщей истории и сотрудничества с университетами и научными учреждениями Словакии, Италии, Поволжья, Ставрополя и Москвы.

В первом разделе опубликованы статьи молодых ученых Марийского госуниверситета и Чувашского госуниверситета, посвященные актуальным вопросам древней и средневековой истории. Археологические изыскания Е.Е. Воробьевой и С.А. Курочкиной, проведенные в Марийском Поволжье и Астраханской области, стали основой их научно-теоретических работ, отражающих важнейшие положения будущих докторских диссертационных исследований. Работа Ю.С. Обидиной продолжает проблематику представлений о бессмертии в античном обществе, которая стала своеобразной «визитной карточкой» этой молодой и перспективной исследовательницы. Работа доцента кафедры всеобщей истории Чувашского госуниверситета М.Н. Красновой написана в русле гендерных исследований и посвящена важнейшему институту Древней Индии – браку и семье.

Второй, наиболее обширный раздел ежегодника, включает исторические исследования, посвященные проблемам новой и новейшей истории.

Раздел открывается статей профессора, заведующей кафедрой всеобщей истории Чувашского госуниверситета Т.Н. Ивановой, посвященной актуальным проблемам историографии Великой французской революции.

Особое место в разделе занимают публикации ученых из Словакии и Италии. Братиславская исследовательница Даниэла Кодайова в своей работе рассуждает о различных сторонах восприятия России в чешском и словацком обществах второй половины XIX века. Эта публикация продолжает традицию издания в университете материалов международной комиссии историков России и Словакии, посвященных истории русско-словацких связей (Русские и словаки в XIX-XX вв.: контакты, взаимодействие, стереотипы. – Йошкар-Ола, Москва, 2007).

Австро-венгерский «блок» раздела включает также работу известного ученого из Ставрополя И.В. Крючкова, посвященную экономическим проблемам Венгрии. Вопрос о судьбах австро-венгерских военнопленных на территории Марийского края раскрывает в «дебютной» работе аспирант А.А. Кугуелов.

Итальянский ученый, доцент Института славистики университета г. Урбино В.И. Кейдан свое исследование посвятил одному из малоизвестных

сюжетов подготовки заговора анархистов накануне приезда русского императора Николая II в Рим. Итальянский ученый широко известен в кругах исследователей культуры Серебряного века работами, посвященными творчеству русских эмигрантов в Италии. В разделе «Хроника», развивая эту тему, опубликована информация о новом итальянском Интернет-ресурсе «Русские в Италии», подготовленная студенткой V курса А. Кирилловой.

Работа аспиранта А.Г. Туманова о русских источниках по истории Викторианской Англии является своеобразным итогом обучения на кафедре и участия в спецсеминаре по истории Викторианской Англии под руководством заведующей кафедрой, доцента Г.Ф. Горбашовой. Статьи молодого ученого и признанного специалиста по истории Великобритании XIX века открывают еще одну тему, соответствующую концепции ежегодника, – история формирования представлений русского общества XIX в. об Англии и англичанах.

Новейшая история Запада в данном разделе представлена статьями Т.И. Ивановой и Т.Г. Нефёдовой. Примечательно, что исследование Т.Г. Нефёдовой, выполненное с использованием современных источниковедческих приемов, проведено совместно с выпускником кафедры истории и права педагогического института А.Д. Огородниковым.

Завершает раздел публикация молодой ученой из Чувашского университета М.А. Широковой, в которой дается оценка советскому вузовскому учебнику по новой истории стран Азии и Африки.

Междисциплинарное сотрудничество с кафедрой всеобщей истории с философами Марийского государственного технического университета и Чувашского государственного университета нашло отражение в специальном разделе ежегодника «Методологические и философские проблемы исторической науки».

В ежегодник, в отличие от предыдущих изданий кафедры, включен раздел, в котором публикуются документы и материалы по различным периодам истории. Доцент кафедры всеобщей истории Е.В. Колесова подготовила публикацию архивных материалов о судьбе известного ученого Н.В. Никольского. Научная сотрудница лаборатории гендерных исследований С.А. Баканычева, занимающаяся изучением национальных диаспор и автономий в Республике Марий Эл, подготовила к публикации свидетельство холокоста из личного архива Л.И. Васильевой.

Мы надеемся, что наше издание станет интересным и важным не только для узкого круга специалистов, но для всех тех, кого интересует история взаимодействия Запада и Востока в самых различных проявлениях общественно-политической, экономической и повседневной жизни.

Г.В. РОКИНА, главный редактор

Древняя и средневековая история

Е.Е. ВОРОВЬЕВА

**К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ НА ПРИМЕРЕ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА НАСЕЛЕНИЯ МАРИЙСКОГО
ПОВОЛЖЬЯ ВО II-I ТЫС. ДО Н.Э.**

(методологический аспект)

В последние годы в археологии все больше стала выявляться значимость комплексов поселенческого характера. Однако следует заметить, что в силу специфики археологического материала в своих построениях исследователь вынужден оперировать субъективно. Одним из средств, позволяющих отчасти преодолеть субъективизм, является правильная научно обоснованная система описания – «точное описание археологических фактов и наблюдений»¹ при сопоставлении с данными других научных дисциплин, например, этнографии, лингвистики.

Научное познание базируется на изучении объектов, с которых и начинается исследование и формирование фактов². В связи с этим для анализа домостроительства населения Марийского Поволжья во II-I тыс. до н.э. наиболее значимым археологическим объектом является *поселение* – система жилищных объектов, и *жилище* как система взаимосвязанных между собой элементов (подобъектов): стена, пол, перекрытие, входное устройство, внутренняя планировка. Этнографический же источник содержит информацию о внешних признаках поселения (месте расположения, типе заселения), планировке и деталях интерьера жилого сооружения.

Попытаемся рассмотреть более подробно соотношение совпадающих параметров археологических объектов и этнографического материала такой категории материальной культуры, как домостроительство.

Поселение – это «комплекс археологических объектов, расположенных на территории, служившей местом обитания человеческого коллектива»³. Причинная обусловленность формирования поселений может быть самой разной. Если, например, в I тыс. до н.э. большинство поселений представляли собой оборонительную крепость, то во II тыс. до н.э. существовало несколько факторов формирования поселения, причем, среди них была одна главная, если не единственная, – экономическая. Кооперация в трудовой деятельности вела к необходимости иметь повседневные контакты и в силу этого селиться либо рядом, либо на одном месте. Об уровне домостроительной техники свидетельствует мощность культурных напластований стратиграфического слоя поселений. Следует оговориться, что мощность культурных напластований в пределах одного стратиграфического слоя и остатках строений в какой-то мере показывает, насколько долговременным было данное место обитания. Археологически фиксируется тип поселения и характер расположения жилищ на одном поселении (в один или два параллельных ряда).

Выбор местообитания (прибрежно-речное расположение поселений, а также приовражный и водораздельный типы заселения), групповое расположение нескольких поселений, характер расположения жилых сооружений от-

носителем друг друга на одном поселении, описанные этнографами XVII – начала XX вв.⁴ находят полные аналогии при анализе поселений I тыс. до н.э.

Следующим важным объектом исследования домостроительства древнего населения является жилище. В археологическом аспекте жилище рассматривается, прежде всего, как «вещь», искусственно созданная и заключающая в себе изолированное от природной среды, специально организованное пространство, которое человек приспособил для своего обитания, своей жизнедеятельности⁵. Изучение объектов материальной культуры должно базироваться на исследовании «внутренней жизни» вещей. «Внутреннюю жизнь» жилища формирует ряд значимых конструктивных элементов, среди которых можно выделить самостоятельные и дополнительные объекты. К самостоятельным объектам относятся: 1) объемно-планировочные элементы, т.е. крупные части, на которые можно расчленить весь объем жилого сооружения, например, части жилища между основными расчленяющими его стенами; 2) конструктивные элементы, т.е. элементы, определяющие структуру жилища (перекрытие, основание жилища, отопительное устройство (очаг) и способ связи жилого пространства с окружающей средой (устройство входа-выхода) и; 3) строительные материалы, т.е. сравнительно мелкие детали, из которых состоят конструктивные элементы. Впервые конструктивная схема жилища была использована при исследовании жилых сооружений Прикамья Е.М. Черных⁶.

Жилое пространство было не только сопоставлено с внешним миром, но и противопоставлено ему, поскольку важнейшей характеристикой любого жилого сооружения является его ограниченность от остального мира⁷. В связи с этим функционально значимым является такой конструктивный элемент как входное устройство (средство связи внутреннего и внешнего пространств). От того, где расположен вход, зависит не только внутренняя планировка жилища. На конкретном археологическом материале входное устройство удается определить достаточно точно лишь в тех случаях, когда сохраняются его отдельные детали (ниши расположены выше или глубже по отношению к уровню пола, пандусы и т.п.) или дополнительное оформление (навес, тамбур, коридор). На территории Марийского Поволжья входы-выходы (жилое сооружение имело 2-3 входных устройства) в жилых постройках II-I тыс. до н.э. обнаруживаются по выступам или коридорам, соединяющим между собой жилища. Этнографами прослежена связь расположения входа с функциональной характеристикой стен жилища и отдельных частей жилого пространства (правая-левая половины, передняя-задняя стена и т.п.). В этнографических свидетельствах конца XIX – начала XX вв. отмечается наличие в жилом сооружении нескольких входов-выходов, что объясняется тремя причинами:

1. Как запасной выход в случае опасности.
2. Как условный разделитель жилого пространства на две сферы.
3. Мировоззренческая традиция⁸.

Этнографически известно, что вид и характер интерьера в жилом сооружении диктовал обычай. В культурах традиционного типа за каждым предметом в интерьере, помимо его чисто утилитарных значений, скрывается значение символическое⁹, т.е. наиболее устойчивой из всех элементов, составляющих жилище, следует считать внутреннюю планировку¹⁰. Консервативность, традиционность внутренней планировки определяется ее зависимостью от хозяйственных и социальных функций¹¹. Совершенно очевидно, что внутреннее устройство жилой постройки, исследуемой археологами, можно

раскрыть только в результате привлечения и сравнения с этнографическими материалами более позднего периода. На протяжении II-I тыс. до н.э. для жилых построек на территории Марийского Поволжья характерны типичные простейшие интерьеры с тремя обязательными конструктивными элементами: очагом, хозяйственными ямами и боковыми нарами-лежанками.

Археологический материал дает лишь документальные данные об отдельных элементах внутренней планировки. Так, можно установить только наличие, характер и местоположение *очага* – важного конструктивного элемента внутренней планировки жилища.

Лингвистические данные показывают, что очаг всегда рассматривается человеком как центр жилища: «...по степени освоенности человеком различаются не только дом и лес, являющиеся крайними точками противопоставлений, но и разные части поселения, соответственно – жилища, дома. Применительно к дому центром является очаг, где с ритуальной и хозяйственной точки зрения, сырое, неосвоенное, нечистое превращается в вареное, освоенное, чистое, где находится огонь, именно с очагом связаны важнейшие обряды...»¹². Как можно заметить, очаг выполнял важную хозяйственную функцию приготовления пищи, обогревание, освещение.

Надо еще отметить, что очаг имел не только хозяйственную значимость. Очаг может быть организационным центром, поскольку каждый социум в пределах более крупной общности старается обособиться, если не в своем жилище, то хотя бы у своего очага.

Для многих народов, в том числе и для населения Марийского Поволжья во II-I тыс. до н.э., характерны многоочажные жилища. Вполне возможно, что в подобных жилищах функции очагов были разграничены. Так, например, с уверенностью можно говорить, что очаги, которые устраивались в коридоробразных входах жилищ II тыс. до н.э., имели явно техническое назначение: в холодное время нагревать воздух, опускающийся в котлован жилища. Анализ топографии находок в очажных ямах может свидетельствовать о принадлежности данной части жилища к мужской либо к женской половине.

Важное место во внутреннем интерьере жилого сооружения занимали устроенные вдоль стен места отдыха (нары-лежанки). Как свидетельствуют этнографические источники, в ночное время они служили для сна и отдыха, а в дневное – были местом домашней работы. Определить конструкцию нар-лежанок в большинстве случаев не предоставляется возможным, поскольку основным материалом для их изготовления служило дерево¹³. Археологически местонахождение нар можно установить по следам столбов-кольев и изредка по характеру культурного слоя.

Надо оговориться, что все вышеизложенное касалось именно жилой постройки. Понятие это является частью более обширной категории – постройка. Для древних периодов известны, в основном, жилые постройки, но встречаются также сооружения общественного, хозяйственного, культового (так называемые «дома мертвых») назначения. Критерии распознавания построек разного функционального назначения будут, видимо, отличаться для каждого хронологического периода. Весьма вероятно функциональное назначение построек будет вести к типологическому различию жилых сооружений.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что при сопоставлении материалов II-I тыс. до н.э. (археологические источники) и XVII – начала XX вв. (этнографические источники) домостроительства необходимо учитывать целый ряд условий. Прежде всего, не следует забывать, что этнографический материал в несколько раз субъективнее археологического (в ар-

хеологии отражается не более 20% всего этнографического материала). Проводить сравнение в технике строительства жилых сооружений и выявлять особенности домостроительства на определенной территории по археологическим источникам и этнографическим данным периода средневековья и нового времени следует осторожнее. Практика показывает, что техника строительства жилых сооружений любого народа на определенной территории формировалась и совершенствовалась не только в собственной среде, но и под влиянием пришлого населения и соседей.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что для полноценного сравнения археологических и этнографических материалов в исследовании домостроительства следует использовать анализ в трех структурных уровнях: микроуровень (анализ отдельных построек, выявление функционального назначения и времени бытования отдельно по археологическим и этнографическим источникам), уровень целого памятника (поселение как единый и сложный социальный организм), макроуровень (региональные исследования синхронных памятников)¹⁴.

Примечания

- ¹ Каменицкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (Возможно-сти формализованного подхода) – М., 1975. – С. 17.
- ² Генинг В.Ф. Структура археологического познания: Проблемы социально-исторического исследования. – Киев, 1989. – С. 58-65.
- ³ Там же.
- ⁴ Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш, вотяков. – СПб., 1781. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб., 1799. – Ч. 1. Лаптев. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. – М., 1861. Харузин Н.Н., Очерк истории развития жилища у финнов. // Этнографическое обозрение. №20-25. СПб., – 1895. Никольский Н.В., История мари (черемис). – Казань. – 1920. и др.
- ⁵ Массон В.М. 1991. Вопросы социологической интерпретации древних жилищ и поселений // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. – М., 1991. – С. 110-112.
- ⁶ Черных Е.М. Жилища племен Прикамья (I тыс. до н.э. – п.п. II тыс. до н.э.). Дис... канд. ист. наук. – М., 1992. – С. 35.
- ⁷ Байбурин А.К. Жилища в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983. – С. 184.
- ⁸ Никольский Н.В. История мари (черемис). – Казань, 1920. – С. 11.
- ⁹ Байбурин А.К. Жилища в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983. – С. 8-9.
- ¹⁰ Черных Е.М. Жилища племен Прикамья (I тыс. до н.э. – п.п. II тыс. до н.э.). Дис... канд. ист. наук. – М., 1992. – С. 66.
- ¹¹ Смирнов А.К. Периодизация памятников городищ и дьяковской культур I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Автореф. ... докт. ист. наук. – М., 1991. – С. 10.
- ¹² Бузин В.С. Поселения и жилища мезолита-раннего металла Лесной зоны Европейской части СССР /социологический аспект/. Дис... канд. ист. наук. – Л., 1988. С. 26.
- ¹³ Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев XIX века. – Йошкар-Ола, 1956. – С. 71-72.
- ¹⁴ Шапова Ю.Л. Естественнонаучные методы в археологии. – М., 1988. – С. 151.

С.А. КУРОЧКИНА

ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ ГОНЧАРОВ НА КЕРАМИКЕ С СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

Говоря о гончарном производстве золотоордынского города, мы пытаемся «привязать» керамические изделия к определенной гончарной мастерской либо к мастеру-керамисту. Но как это сделать? Ведь в письменных источниках сведения подобного рода отсутствуют. Мы попытаемся это сделать, используя материал, полученный в ходе археологических раскопок.

Интерес к отпечаткам пальцев на керамических изделиях в научной литературе возникал неоднократно. К примеру, М.В. Воеводский на основании размерных особенностей отпечатков пальцев пытался выяснить, чьей рукой – мужской или женской – оставлены отпечатки пальцев на изделиях древних гончаров¹. Затем работа в данном направлении была продолжена А.А. Бобринским и И.А. Гей. Они обратились к изучению строения кончиков пальцев, полагая, что в особенностях их строения проявляются возрастные и половые отличия древних гончаров. Поэтому они сделали акцент на изучении особенностей роста ногтевой пластины в длину, а также на те изменения, которые происходят при этом в толщине ногтя у мужчин и женщин различного возраста².

Отпечатки пальцев гончаров также неоднократно встречаются на золотоордынских керамических изделиях. Практически все отпечатки пальцев гончаров находятся на нижнем прилепе ручек сосудов больших форм: это хумчи либо большие одноручные тарные кувшины. Правда, в нескольких случаях были исключения, когда подобного рода отпечатки сохранились на сосудах меньшего размера, в частности, на корчаге и на одноручном горшке.

Какую информацию о золотоордынском гончарстве мы можем получить, изучая отпечатки кончиков пальцев гончаров на сосудах?

Можно ли, используя отпечатки кончиков пальцев на ручках сосудов, «привязать» изделия к одному мастеру-керамисту, к определенной гончарной мастерской либо группе мастерских, или более углубить наши знания вообще о формах организации ремесла в золотоордынском городе?

Ответить на поставленные вопросы с определенной долей уверенности можно, лишь используя материалы с крупного археологического объекта. В качестве такового мы привлечем гончарную мастерскую №9 с Селитренного городища, которое является остатками столицы Улуса Джучи – города Сарай ал-Махруса. Сейчас это село Селитренное, находящееся в Харабалинском районе Астраханской области.

В ноябре-декабре 2005 года на юго-восточной окраине села Селитренное в ходе раскопок была исследована часть гончарной мастерской, в которую входят двухкамерный горн для обжига красноглиняной керамики, предпочная яма горна, часть двора мастерской с деревянным забором, участок капитальной сырцово-кирпичной стены. Вероятно, во дворе мастерской была устроена площадка, на которой сосуды сушились перед обжигом в горне, и куда сосуды выставлялись после обжига. В ходе раскопок было обнаружено большое количество обломков красноглиняной гончарной керамики. Нумизматический материал датирует этот район города 1330-1350-ми годами³.

К слову, данный участок городища исследовался в 1922 г. Ф. Баллодом, определившим его как производственную зону Сарая и назвавшем его «Черепяное поле», которое было занято керамическими мастерскими⁴.

Из материалов гончарной мастерской №9 для работы были взяты ручки крупных красноглиняных сосудов с отпечатками пальцев. Всего было обработано 26 ручек сосудов.

В ходе исследования керамического материала мы столкнулись с проблемой «нечитаемости» отпечатков. Почва в районе Селитренного городища сильно засолена, и за прошедшие столетия керамика пропиталась солями. Поэтому образцы керамики были обработаны раствором соляной кислоты. Затем очищенные фрагменты керамики были сфотографированы цифровым аппаратом «Vivitar». Компьютерная обработка готовых фрагментов была сделана заведующим кабинетом криминалистики и экспертом-криминали-

том юридического факультета Марийского государственного университета Гусевым В.П.

Начиная работу, мы поставили перед собой несколько вопросов: почему отпечатки пальцев ставили на сосудах крупных форм, с какой целью они сюда помещались? Принадлежат отпечатки на сосудах одному мастеру или нескольким?

Но в ходе обработки керамического материала мы не только смогли «привязать» сосуды к одному или нескольким мастерам-керамистам, но и исследовать трассологические следы, оставленные инструментами гончаров. Сравнение и совпадение трасс в следах пальцев рук гончаров и следов обработки гончарными орудиями на сравниваемых экспонатах позволило нам отнести ряд изделий к одному и тому же мастеру. Также полученные выводы мы смогли использовать для подтверждения существования на данном участке такой формы организации ремесла в средневековом городе, как «корханэ».

На 7 из 26 образцов хорошо «читались» только следы пальцев, а на 15 – только следы от орудия труда.

Первое, что мы сделали – сравнили на образцах совмещение трасс в следах пальцев и выяснили, что отпечатки на 5 из 7 рассмотренных образцах принадлежат одному мастеру. Это Мастер X.

Отпечатки на двух образцах «выпали», поэтому условно считаем, что это два разных мастера.

Сравнив совмещение трасс в следах пальцев, мы с уверенностью говорим, что в мастерской работало, по крайней мере, три мастера.

Затем мы сравнили на образцах совмещение трасс в следах обработки поверхности сосудов гончарным орудием и получили такие результаты.

Следы на 11 из 15 рассмотренных образцов принадлежат одному мастеру. Это Мастер Y. Также просматривается еще одно совмещение трасс на двух образцах. Это Мастер Z.

Отпечатки на еще двух образцах «выпали», поэтому условно считаем, что это два разных мастера.

Сравнив совмещения трасс в следах обработки поверхности экспонатов гончарным орудием, считаем, что здесь просматриваются, по крайней мере, следы от четырех разных орудий.

Но все же: сколько мастеров работало в этой мастерской; мог ли один мастер использовать разные орудия?

На данный момент мы получили условно 7 мастеров-керамистов.

Второе, что мы сделали – попытались совместить все следы – и от пальцев, и от орудий труда – на рассматриваемых образцах. То есть, используя две группы совпадений, мы «привязываем» сосуды к одному из 7-ми мастеров-керамистов.

Подобное совмещение произошло только на двух образцах. Значит, эти два сосуда по «пальчикам» принадлежат Мастеру X, а по «обрабатываемому орудию» – Мастеру Y. Получается, что данные сосуды сделал один и тот же мастер. Поэтому мы «объединили» обоих «условных» мастеров и их изделия.

Следовательно, из 26 рассмотренных образцов с определенной долей уверенности мы смогли «привязать» к одному мастеру 11 изделий. Это Мастер 1. Далее, еще два изделия принадлежат Мастеру 2. И у нас остается еще 4 изделия, на которых не произошло никаких совпадений. Вероятно, они могли быть сделаны 2, 3 или 4-мя разными мастерами, а возможно, и нет.

По крайней мере, мы с уверенностью можем сказать, что в найденной гончарной мастерской в 30-х гг. XIV столетия, как минимум, работало 2 мастера-керамиста, но их число могло быть и больше (до 6).

Все рассмотренные отпечатки пальцев находятся на ручках больших сосудов – это хумчи и одноручные тарные кувшины. Отпечатки оставлены на нижнем прилепе ручки и число их колеблется от 1 до 3.

Почему они ставились именно здесь и на таких больших сосудах? На этот вопрос нельзя дать однозначного ответа. Но можно предположить, что это могла быть либо мета мастера-керамиста, либо знак, отмечающий сосуды определенного объема.

Итак, исследуя отпечатки, оставленные на ручках крупных тарных сосудов, мы выяснили, что в данной конкретной мастерской в 1330-50-е гг. работало несколько мастеров – от 2 до 6.

В рассматриваемой гончарной мастерской №9 с Селитренного городища двухкамерный горн имел рабочий объем камеры обжига более 20 м³. В этой мастерской, вероятно, изготавливали и обжигали только неполивную керамику таких форм, как амфоровидные кувшины, хумы, хумчи, дигири, кувшины, корчаги, афтоба, горшки, туваки, миски, тазы, трубы. Это стандартный ассортимент местной мастерской любого золотоордынского города. Обработанные керамические материалы позволяют говорить, что объем продукции, выпускаемой мастерской, был значителен. Сохранившихся фрагментов керамики – более 30 тыс., не считая археологически целых форм.

Исходя из таких объемов продукции и такого количества мастеров-керамистов можно предположить, что данная мастерская относится к той форме организации производства, которую называют «корханэ».

Ранее Г.А. Федоров-Давыдов высказал предположение, что в нижневолжских золотоордынских городах существовало три формы организации керамического производства.

Первой формой организации ремесла являлись индивидуальные мастерские с узкой специализацией и небольшим объемом производства.

Второй формой организации ремесла были усадебные мастерские. В одной усадьбе могли соединяться незначительные по объему производства разного вида, например, гончарное, ювелирное, косторезное и т.п. Работа велась на хозяина, специализация была узкая.

Третьей формой ремесла были большие мастерские со многими горнами с техническим разделением труда, работавшие по единому порядку и под единым началом. Несколько десятков ремесленников здесь были объединены в одну мануфактуру, принадлежавшую какому-нибудь богатому и видному лицу. Применялся здесь подневольный труд⁵.

В настоящее время с Селитренного городища получено много нового материала. Анализ данного материала позволил Е.М. Пигареву в дополнение к схеме, предложенной Г.А. Федоровым-Давыдовым, выделить четвертую форму организации керамического производства. Предложенная им схема выглядит так.

Первая форма организации керамического ремесла – индивидуальная мастерская с узкой специализацией труда, принадлежит она городскому мастеру. В такой мастерской имеется один горн несложной конструкции и небольшого объема.

Вторая форма организации керамического ремесла – усадебная мастерская, принадлежащая горожанину средней руки, в зависимости у которого были 2-3 мастера или подмастерья. В такой мастерской было несколько

разных по конструкции горнов и более широкая специализация. Часть продукции шла на обеспечение потребностей населения усадьбы, а остальная, большая часть, была направлена на городской рынок.

Третья форма организации керамического ремесла – крупная усадебная мастерская, которая принадлежала крупному вельможе или купцу. Для нее характерно наличие большого количества горнов разных видов и широкий ассортимент выпускаемой продукции для обеспечения потребностей рынка. В зависимости у владельца находилось до нескольких десятков человек.

Четвертая форма организации керамического ремесла – большое вне-усадебное производство (мануфактура, фабрика), которое могло принадлежать хану или члену ханской семьи. Такие мастерские назывались «корхан»⁶. В «Тарих-и Вассаф» записано: «Было постановлено, чтобы каждый из царевичей довольствовался исчисленными тысячами [людей] и собственными мастерскими (карханеха-и-хасс) в Бухаре и Самарканде»⁷.

Это было огромное производство с принудительным трудом специалистов разных профилей под единым началом. Такие предприятия оснащались большим количеством горнов разных конструкций, предназначенных для выпуска широкого ассортимента керамических изделий в большом объеме. Их работа была направлена на рынок, и трудились здесь десятки и сотни человек. Для бесперебойной деятельности здесь была создана единая система снабжения топливом, сырьем, людскими резервами и отлажена система сбыта готовой продукции. Такое предприятие могло принадлежать человеку с очень высоким социальным статусом и неограниченными возможностями⁸.

Именно к этой, четвертой, форме организации керамического ремесла и относится мастерская №9.

Итак, изучая отпечатки кончиков пальцев гончаров на ручках сосудов с определенного археологического объекта, мы можем получить информацию такого рода, как: 1) к какой форме организации керамического ремесла относится данная мастерская; 2) каков был объем данного производства; 3) какой видовой ассортимент выпускала мастерская; 4) сколько мастеров-керамистов работало в мастерской.

Все это, безусловно, дополняет и расширяет наши знания о керамическом производстве в нижневолжских городах Улуса Джучи.

Примечания

¹ К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны европейской части РСФСР / М.В. Воеводский // Советская археология. – 1936. – №1.

² Первые итоги изучения отпечатков кончиков пальцев на керамике / Бобринский А.А., Гей И.А. // Гуманитарная наука в России: соровские лауреаты. Т. 2: История. Археология. Культурная антропология и этнография (Материалы Всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук, 1994 г.). – М., 1996. – С. 183-189.

³ Пигарев Е.М. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище в Харабалинском районе Астраханской области в 2005 г. – Астрахань, 2006. – С. 4-10.

⁴ Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (Результаты археологических работ летом 1922 года) / Валлод Ф. // Татарская археология. – 1998. – №2 (3). – С. 109-134.

⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – С. 168.

⁶ Пигарев Е.М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище). Автореферат дисс... канд. ист. наук: 07.00.06. – Казань, 2008. – С. 17-18.

⁷ Петрушевский И.С. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV в. – М.; Л., 1960. – С. 132, прим.

⁸ Пигарев Е.М., 2008. – С. 18.

**ВЛИЯНИЕ КАСТОВОГО СТРОЯ И ГЕНДЕРНЫХ УСТАНОВОК
НА ФОРМЫ БРАКА В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ**

В древней Индии не существовало единой формы брака. В законоведческой литературе их насчитывается обычно восемь¹. Брак *брахма* выражался в простом дарении отцом дочери; он мог быть следствием как особой заинтересованности отца в том, чтобы породниться с определенной семьей, так и зависимости от жениха или его отца. *Дайва* – дарение дочери жрецу, исполнившему для отца жертвенный обряд, мог быть и проявлением благочестия, и простой платой за службу, когда других средств у жертвователя не было. *Арша* носил форму покупки невесты; в качестве выкупа указываются бык и корова или две их пары.

Праджпатья предполагал женитьбу на равных условиях без каких-либо особых обязательств. Отец выдает дочь замуж без приданого и без выкупа, при этом говорят: «исполняйте обязанности (мужа и жены) в согласии»². *Асура*, подобно арше, предусматривал покупку невесты, но сумма калыма устанавливалась не обычаями, а самими договаривающимися сторонами. *Гандхарва* основывался на добровольном союзе женщины и мужчины и не требовал согласия родителей. Такой брак часто совершался без всяких обрядов, кроме устного обещания. Разумеется, для традиционной Индии такой брак был большой редкостью. *Ракшаса* был похищением женихом девушки из отцовского дома (хорошо знакомое нам умыкание). Наконец, восьмой формой брака пайшача считалось овладение женщиной спящей, опьяненной или безумной. Не совсем ясно, что в данном случае имеется в виду; возможно, какой-нибудь местный брачный обряд³.

Обычно отец семейства решал все дела, включая выдачу дочери замуж. Первые четыре вида, будучи одобрены отцом, считаются законными: брахманический, праджпатийский, арша, дайва. Для остальных требуется согласие как матери, так и отца⁴.

Как явствует из вышеописанного обзора, брак с приданым, обычный в более позднее время, распространения еще не получил. Не исключено, что первоначально перечисленные формы брака бытовали у разных племен, но в литературе они все рассматривались как законные, хотя не в равной мере, для разных варн. Первые четыре допускались преимущественно для брахманов, гандхарна и ракшаса – для кшатриев, асура – для вайшьев и шудр.

Все священные сочинения не одобряют асуру, при котором невесту просто покупали у отца, хотя «Артхашастра» безоговорочно признает этот брак.

Брак ракшаса, то есть посредством умыкания, особенно широко практиковался у воинов.

В «Камасутре» обозначен следующий момент, в котором говорится, что после омовения и обеда с родителями будущей жены мужчина обязан взять ее в жены, выбрав одну из четырех разновидностей брака⁵ (подразумеваются, видимо, брахманический, праджпатийский, арша, дайва). Следовательно, мужчина в совокупности со своей семьей и родственниками мог выбирать форму для заключения брака, но мнение родителей будущей супруги тоже принималось во внимание. Причем не только отца невесты, но и ее матери.

Не ко всем формам древние законоведы относились одинаково; в своих оценках их добродетельности они сильно расходятся, лишь восьмую – *пайша-*

чи – единодушно осуждают. Последние три брака названы именами демонов, среди которых *пайшачи* считались наиболее низкими и отвратительными⁶.

Согласны древние авторитеты только в том, что жениху полагалось достичь периода зрелости, а невеста должна была быть намного моложе его⁷. Считалось, что в идеальном браке возраст невесты должен составлять треть возраста жениха, значит, мужчине двадцати четырех лет следовало жениться на восьмилетней девочке. Хотя изначально Веды запрещали вступать в брак женщинам ранее 15–20 лет, а мужчинам за 25 и даже за 30. Но брахманы так ловко переиначили Веды, что стало возможно вступить в брак в любом возрасте⁸.

Указанные формы брака закреплялись тысячелетиями и строго охранялись от каких-либо новых веяний.

Устанавливалось четыре вида браков: брак отроков, брак младенцев, брак детей и брак во чреве. В последнем случае венчались не молодые, а их беременные матери⁹.

Сознание общности происхождения и столь длительного родства ее членов порождало кастовое самосознание, т.е. чувство взаимосвязи, сплоченности, и, в конечном счете, способствовало консолидации касты как особой социальной общности. И, естественно, что определенные традиции брачных связей поддерживались и передавались в течение многих поколений. Традиционные генеалогии каст могут восходить к историческим лицам тысячекратнолетней давности и даже к героям индийского эпоса¹⁰.

Каждый индеец принадлежит определенной семье, в которой каждый, в зависимости от пола и возраста, занимает то или иное положение. Все достаточно взрослые члены семьи знают о своей принадлежности к более крупной группе близких родственников, внутри которой они, как и в семье, не заключают брачных связей.

Брак в условиях кастового общества приобретает особую социальную значимость. Брачные контракты заключаются между семьями. При этом воля и желания самих брачующихся учитываются не всегда. Более того, брак по любви, по выбору самих брачующихся с традиционной точки зрения бессмыслен и даже аморален. Аморален потому, что с позиции кастовой ортодоксии выглядел бы легализацией половых влечений и связей. Не случайно жених и невеста в продолжение длительного, многоступенчатого брачного церемониала стараются всячески подавить в себе чувства симпатии к партнеру и показать себя безгласным и равнодушным объектом брачного контракта¹¹. Например, если мужчина и женщина делают любовные намеки, тайно ведут любовную беседу, то она подлежит штрафу, а с мужчины он взимается в двойном размере¹². Если беседа велась в месте, пользующемся сомнительной репутацией, то денежный штраф мог быть заменен плетью¹³. Превалируют в брачных союзах интересы брачующихся семей. Тут опять же сказываются исключительно кастовые установки, которые ставят благополучие своей общности превыше всего, превыше своих собственных интересов.

Семьи рассматривают браки своих членов как важнейшую социальную функцию и руководствуются при выборе брачных партнеров установившейся в данном кастовом подразделении традицией. Брачного партнера ищут в семьях других, вполне определенных подразделений касты, как делали их прадеды и более отдаленные предки. Особенно тщательно выбирают жен: мужчина и его семья должны обратить внимание на девушку из хорошей семьи, у которой еще живы родители; она должна быть из одной с мужчиной касты и вар-

ны, иметь добрый нрав и быть красивой. В «Камасутре» также описывается внешность добродетельной жены: с хорошими волосами, ногтями, зубами, красивыми губами, недопустимо ни одно телесное уродство, нежелательно слабое здоровье. Есть характеристики девушек, на которых не следует жениться: те, кого скрывают от глаз; те, которые имеют неблагозвучное имя; те, у которых низко опущен нос, а ноздри вывернуты вверх; девушки, которые сложены, как мужчины; сутулые; те, кто тем или иным образом обезображены, не достигшие половой зрелости¹⁴. «Рамайна» также рисует эталон примерной жены, называя ее не иначе как: «дивнобедрая», «ясноокая», «лунолика», «тонкостанная»¹⁵. Здесь влияние гендерных установок, которые предписывают и даже навязывают свой стереотип по поводу того, как должна выглядеть идеальная жена.

Для совершения брака с достойной девушкой родители и родственники мужчины должны указать родителям девушки недостатки всех мужчин, которые могут пожелать взять ее в жены, в то же самое время расхваливать и даже преувеличивать достоинства родственников и родителей своего друга, чтобы он понравился родителям девушки, особенно ее матери. Один из друзей должен выдать себя за астролога, и посулить в будущем новой семье огромное счастье и богатство. Другие же друзья могут попытаться вызвать ревность у матери девушки, рассказав ей, что их другу представилась возможность взять в жены еще лучшую девушку, чем ее дочь. Тут просматривается один любопытный момент: несмотря на то, что всем в семье распоряжался отец, мать играла не последнюю роль в определении судьбы дочери, так как семья, ее внутренний мир – удел женщины. Однако, в «Махабахарате» описана ситуация, где возможность зарождения брака зависит от решения отца (когда Шантану пытается добиться руки Сатьявати), о согласии матери не упоминается¹⁶. Из этого можно сделать вывод, что женщина играла определенную роль в судьбе дочери, хотя в письменных источниках пропагандируется исключительно решение отца в этом вопросе. Получается, что патриархальные гендерные установки имели место быть.

Мужчина не должен жениться всякий раз, когда ему хочется этого¹⁷. Этому должно предшествовать какое-либо предсказание, знак или знамение. Когда девушка достигает брачного возраста, родители должны красиво нарядить ее и позаботиться о том, чтобы она была на виду. Каждый день, нарядив и украсив дочь подобающим образом, родители должны посылать девушку с подругами на игры, жертвоприношения и брачные церемонии и тем самым показывать ее людям в лучшем виде, поскольку она становится чем-то вроде товара, до тех пор, пока не найдется достойный жених¹⁸. Это влияние гендерных установок, когда девушка, достигнув определенного возраста, должна выйти замуж, а ее родители занимаются подбором подходящего для их семьи (не для девушки, а именно для семьи) жениха. Хотя в «Камасутре» мельком просматривается вариант, когда девушка сама ищет себе мужа. Это возможно в том случае, если девушка обладает хорошими качествами и хорошо воспитана, но родилась в незнатной семье или потеряла состояние, а также, если она лишилась родителей, но продолжает соблюдать правила своей семьи и касты и желает вступить в брак по достижению подходящего возраста. Она должна приложить все усилия к тому, чтобы завоевать сильного и красивого юношу или человека, который сможет жениться на ней даже без согласия своих родителей. Девушка сама должна добиваться этого теми способами, которые сделают возможным желанный ей брак. Это походит на гендерные феминистские установки, когда женщина за-

нимает активную позицию и сама строит свою семейную жизнь. Однако такое бывало довольно редко, потому что для такой традиционной страны, как древняя Индия, с ее кастовой замкнутостью, это было чересчур нехарактерно.

Брак в кастовом обществе представляет мельчайшее экзогамное подразделение кастовой структуры и мельчайшую же функциональную его единицу. Группы в десятки и сотни семей образуют, как было сказано, более крупные экзогамные общности внутри касты, более или менее строго локализованные, например, кулы, кунбы, кханданы. Эти, в свою очередь, составляют организационные слагаемые еще более крупных экзогамных единиц, например, тхоков, мулов, нукхов и т.д., вплоть до крупнейших в касте экзогамных общностей, как бхайбандх, бирадари, готра. Естественно, что как бы ни была крупна экзогамная группа, браки внутри нее исключены¹⁹. Браки в кастовой среде преимущественно моногамны.

Почти в такой же пропорции у большинства каст преобладает патрилинейность в счете родства и наследования, и вирилокальность брачных союзов. Показателем кастового престижа во многих случаях является строгость запрета повторных браков для вдов в большинстве каст – кастовая установка, так как даже патриархальный тип отношений не ставит женщину в столь жесткие, даже можно сказать суровые, рамки.

Обязательным условием первых браков является девственность невест. Если женщина уже имела сексуальные отношения с мужчиной до вступления в брак, это как минимум достойно упрека²⁰, а в большинстве случаев это является определяющим моментом при заключении брака. Обычно такую женщину стараются не брать в жены. Результатом союза, где невинная девушка выходит замуж внутри своей касты и в соответствии с предписаниями религии, будет выбор Дхармы и Артхи, рождение потомства и незапятнанная честь²¹. В «Махабхарате» описан эпизод, где бог Солнца просит родить Сурью сына, а после рождения ребенка обещает вернуть ей девственность²² – показатель важности целомудрия незамужней женщины. В «Рамаяне», например, Рама требует доказательство того, что сыновья его жены Ситы – сыновья бога и она непорочна. Он требует доказательство того, что она хранила ему верность, живя в доме другого мужчины. Сита доказывает свою непорочность ценой своей жизни, она уходит в недра земли. Рама опечален потерей супруги, но для него все же главное, что супруга доказала свою преданность, пусть даже это закончилось летальным исходом. Здесь особенно явственно прослеживается решающее влияние общественного мнения: Рама утверждает, что никогда не сомневался в чистоте супруги, но, следуя мнению народа, он отвергал супругу. И свою верность Сита доказывала даже не столько мужу, сколько народу, общественному мнению, сила которого была подавляющей. Несомненно, этот момент с целомудрием можно отнести к патриархальным гендерным установкам, в которых роль женщины рассматривается как подчиненная, пассивная. В «Камасутре» упоминается целомудрие жены, которое она обязана хранить будучи в браке. В вышеупомянутом трактате о любви дается перечисление того, что губительно для целомудрия замужней женщины: постоянное пребывание в обществе посторонних людей, особенно дурных женщин; необузданность ее желаний; скверные привычки ее мужа; проживание в другой стране; исчезновение любовных чувств к своему мужу²³. Это влияние патриархальных гендерных установок, которое тщательно контролирует семейную жизнь женщины.

Значение эндогамии, экзогамии, гипергамии как структурообразующих факторов в формах брака древнеиндийского общества можно рассмотреть как исключительное влияние кастовых установок.

Эндогамия – главное и неперемное условие существования касты. Эндогамия превращала касту в закрытую для посторонних общность и препятствовала выходу из нее отдельных лиц. Отдельный индивид, семья или более крупная родственная группа отчетливо сознает свою принадлежность к определенной касте. В поле зрения индийца фиксируются границы распространения самого мелкого, обычно местного эндогамного подразделения его касты в виде подкасты или эндогамной под-подкасты. Именно эту обозримую им общность индиец и обозначает термином *джати*. И практически функционирующая эндогамная общность в кастовой организации – это джати. Члены джати соблюдают в отношении браков не какие-то общие правила и предписания неведомой им священной или законодательной литературы, а традиционно, веками установившиеся именно в их джати отношения между собой и с другими кастами. В осознании интересов джати и готовности защитить их, по существу, и проявляется кастовое самосознание. Брак за пределами джати, как правило, считается тяжким нарушением кастового режима и более тяжким, если нарушается кастовая эндогамия. Отважиться на такой брак – значит подвергнуться риску отлучения от касты, обычно сопровождаемого презрением и социальным бойкотом со стороны всего кастового сообщества²⁴. Линии родства определяют основу структуры касты. Низшее звено касты образует семья. Связь между семьей и джати очень тесная. Для того чтобы понять природу джати, необходимо представить себе, чем является семейная жизнь для индийца. То, что делает человек в качестве члена семьи, лежит в основе его поведения как члена джати. Его семья служит и моделью, и нормой его отношений в джати. Согласно традиции брак не добровольное дело человека. Это его важнейший священный долг²⁵.

Вступающие в брак принадлежали обычно к одной варне и касте. Такой брак считается естественным явлением²⁶. Вступление в брак преследовало три основные цели:

1. Исполнение религиозного долга посредством домашних жертвоприношений;
2. Деторождение, которое обеспечивало счастливую потустороннюю жизнь отцу и его предкам, а также продолжение рода;
3. Ратисексуальное наслаждение.

Для каждой кастовой группы в деревне существовала своя так называемая брачная сеть, т.е. определенная совокупность экзогамных групп, между которыми регулярно поддерживаются брачные отношения. Граница брачной сети и число экзогамных групп в ней могли быть различны для разных каст.

Но запрет на браки вне эндогамной джати отнюдь не означал свободу и произвол внутри нее. Наоборот, вся сложность кастовых брачных норм проявлялась именно во внутрикастовых брачных отношениях, и, прежде всего, в отношениях между экзогамными подразделениями разного уровня и ранга в одной джати. Всякая данная экзогамная группа заключала брачные союзы не со всеми, но только с некоторыми, вполне определенными группами.

Разное социальное положение и разный престижный уровень занимали не только сами касты, но и их подразделения, вплоть до мельчайших. Каж-

дый брахман, например, знал, что в среде брахманов не все равны, а существуют более высокие, менее высокие и даже низкие брахманские касты²⁷.

При господствующей в Индии патрилинейности и вирилокальности браков, т.е. перехода жены в дом мужа, при сложном подразделении кастового общества социальное и престижное положение мужа при браке не меняется. Зато положение женщины может даже повыситься, если престижный ранг мужа выше ранга ее отца. Переходя в семью мужа, жена приобретала его престижный статус, т.е. общественное положение²⁸. Брачный союз до некоторой степени унифицирует родственную принадлежность супругов – здесь просматривается патриархальная установка, в которой положение женщины определяется положением ее мужа, его самореализацией вне семьи.

Гипергамия – это форма брачных отношений преимущественно на внутрикастовом уровне. В гипергамии нагляднее, чем в других брачных правилах, проявляются общие для кастового общества и кастовых установок брачные принципы – анулома и пратилома. В брачных союзах принцип анулома означал «благоприятный». По правилу анулома жену следовало брать не выше себя по рангу²⁹. Пратилома – случай, когда невеста рангом выше жениха. Браки пратилома, если даже престижные различия между брачующимися невелики, обычно не одобрялись, осуждались и обычно наказывались. Строгие наказания были при большой разнице в ранге вступающих в брак, не говоря уже о запретных межкастовых браках. И в любом случае особому осуждению подвергалась женщина – приниженное положение характерно как кастовым установкам, так и гендерным патриархальным. Простейшая форма гипергамии выражалась в том, что в кругу экзогамных общностей внутри своей касты семьи данной экзогамной группы старались, по возможности, выдать дочерей в другие равные или вполне определенные вышестоящие группы этой касты, а невест для сыновей брали из себе равных или даже нижестоящих, в частности, в надежде на лучшее приданое. Иначе говоря, экзогамные группы, семья или более крупные общности, не просто обменивались женихами и невестами, но учитывался престижный ранг соответствующих единиц³⁰.

Ранее уже говорилось о том, что брак и семья в кастовом обществе были преимущественно моногамны. Однако следует сказать и об отклонении от этого правила. Речь идет о полигамии и полиандрии.

Полигамия – явление для древней Индии нетипичное. Двоеженство имело место, но единичные случаи многоженства встречались редко и преимущественно в старших возрастах. Это право мужчины не было категоричным, но определенные условия давали ему возможность решать вопрос по своему усмотрению³¹. На примерах гипергамии можно было наблюдать наиболее распространенную форму полигамии в кастовом обществе. Практиковалась она преимущественно на почве характерного при гипергамии избытка женщин брачного возраста в старших группах или блоках гипергамного комплекса. А случаи двоеженства отмечались преимущественно в кастах, у которых, по традиции, вдова старшего брата становилась второй женой младшего.

Полигамия в Индии была известна, главным образом, в форме двоеженства. В каждой касте могли быть на этот счет свои правила. Кастовые традиции не возбраняли двоеженство в особых случаях. Традиционным мотивом для двоеженства было бесплодие жены, тяжелая ее болезнь, либо рождение ею нескольких детей только женского пола. Из боязни остаться без наследника муж мог взять вторую жену. Жена, не рождающая детей, могла быть переменена на восьмом году, рождающая детей мертвыми –

на десятом, рождающая только девочек – на одиннадцатом³². Причем жена сама должна упросить мужа взять в жены другую женщину. И когда тот женится еще на одной женщине, первая должна предоставить ей главенствующее положение над собой и смотреть на нее как на сестру³³. С этого древнего закона можно увидеть, что патриархальные установки сказались на определении женщины как матери, основная функция которой связана с рождением и воспитанием детей.

Но в некоторых кастах, как уже говорилось, второй женой часто становилась вдова старшего брата. Правда, в большинстве случаев настоящим, законным браком, считался первый. Всякие другие в престижном отношении были ниже его, да и совершаются они без особых церемоний. Сыновьям от первой, законной жены, отдавалось предпочтение в наследовании отцовского имущества.

В «Камасутре» описывается поведение мужа и жен в полигамных семьях: мужчина, который берет нескольких жен, должен быть справедлив к каждой из них, он не должен пренебрегать ими или оставлять без внимания. Жены должны быть дружны между собой, старшая жена должна обучать младшую и покровительствовать ей, младшая в свою очередь обязана почитать старшую жену как свою мать. Жена должна быть услужлива с другими женами своего мужа, дарить их детям подарки, вести себя как их наставница, делать для них украшения. Женщина, которую не любит муж, которая докучает и досаждаёт остальным женам, должна сойтись с женой, которую муж любит более других, чтобы та обучила ее всем способам угодить мужу. В религиозных церемониях, а также в постах и обетах она должна опережать остальных жен, но ей не следует думать о себе слишком хорошо. Если мужу случится поссориться с какой-либо из своих жен, она должна примирить их друг с другом, а если он тайно желает увидеться с другой женщиной, она должна устроить их свидание. Молодая женщина, имеющая добрый нрав и ведущая себя в соответствии с религиозными установками, добивается привязанности мужа и получает превосходство над соперницами³⁴. В полигамной семье любовь между женщиной и женщинами часто приобретает характер единокровной связи. Все жены – во власти мужа, все дети – одна семья³⁵. Так в общих чертах можно характеризовать нетипичную для кастовой среды полигамию. Но и здесь чувствуется подавляющий авторитет мужчины, жены которого обязаны ему беспрекословно подчиняться. Все свои внутренние ссоры и разногласия женщины обязаны были решать внутри себя и не показывать мужу, которому эти конфликты могли доставить дискомфорт. Даже если сравнить по объему написанные в «Камасутре» рекомендации для женщины и для мужчины, то очевидно, что жены обязаны были соблюдать гораздо больше правил и предписаний (рекомендации для мужа составляют всего один небольшой абзац, а рекомендации для женщин изложены на двух страницах).

Гораздо более экзотичной для кастовых брачных норм выглядела *полиандрия*. «Для мужчины многоженство не является противозаконным; для женщин же будет великим беззаконием не ограничиться одним мужем» – опять же бесправное положение женщины по сравнению с мужчиной, характерное и для патриархальных установок. Известно, что за неимением потомства от своего мужа, женщина могла занять желанное потомство от сожительства с деверем или каким-либо другим близким родственником своего мужа, это некий прототип полиандрии, но жена все-таки проживала со своим мужем³⁶. В «Махабхарате» тоже есть ссылка на этот закон:

«Есть древний закон, почитаемый свято:
 Дитя может быть от другого зачато,
 Но отпрыском мужа законного будет,
 Коль к этому рода продление побудит»³⁷.

То есть тут уже прослеживается нечто похожее на феминистские установки, которые разрешают женщине иметь связь вне брака, но при строго оговоренном условии, да и то исключительно в целях продления рода. Но в целом же видно, что это скорее патриархальные установки, так, мужчине разрешено иметь несколько жен, а женщине можно было лишь зачать от другого мужчины ребенка (да и то исключительно от родственника мужа). Все остальное каралось как законом, так и общественным мнением, которое в своем проявлении было строже любого закона.

Межкастовые браки. Руководящим принципом брака в кастовом обществе являлась традиционная кастовая эндогамия. А среди всех традиций этого общества эндогамия была едва ли не самая существенная и живучая. Но обзор браков был бы неполным без рассмотрения редчайших, все умножающихся случаев нарушения кастовой эндогамии и заключения межкастовых браков. Надо иметь в виду, что значительная часть так называемых межкастовых браков, как и гипергамных, происходила не между членами разных каст, а среди различных эндогамных групп, джати или подкаст, внутри касты. Подобные нарушения брачных норм относительно часты в брахманских кастах, которые обычно делились на множество подкаст. Однако в данном случае нарушался основной принцип касты – эндогамия. Поэтому эти браки рассматривались как межкастовые³⁸.

Важным требованием, предъявляемым к сторонам, была принадлежность к одной и той же варне³⁹.

Если обычный эндогамный брак – это был результат привычного течения событий, то межкастовый – всегда нарушение естественного хода вещей. Последний всегда заключался при каких-то чрезвычайных обстоятельствах. Более того, такой брак рассматривался, а в известной мере и являлся посягательством на самые принципы кастовой системы. Ведь без эндогамии каст она просто не могла существовать.

Кто же и при каких обстоятельствах осмеливался нарушать традиции тысячелетий и вступать в решительно осуждаемые кастовым обществом браки? Межкастовый брак – не просто каприз или прихоть брачующихся пар. Все, кто отваживается на такой брак, сознают, что должны быть готовы к социальной реакции на него как в обществе и своих кастах, так и в кругу родственников, и прежде всего родительских семей, да и в своей будущей семье.

Инициатива заключения межкастовых браков принадлежала, как правило, самим вступающим в брак. А в особых случаях сами родители, в силу разных обстоятельств, выступали инициаторами межкастового брака. Эти особые случаи обычно имели экономическую основу. Иногда бедные родители, особенно обремененные дочерьми, не в состоянии были собрать необходимое приданое, чтобы выдать дочь замуж за однокастника, соглашались на межкастовый брак, в особенности в том случае, когда жених оказывался материально обеспеченным⁴⁰.

Большинство межкастовых браков заключалось по правилу анулома, т.е. жених бывал выше кастой, чем невеста. Но случаются и браки пратилома, т.е. постыдные в кастовой среде случаи, когда невеста выше кастой, чем жених⁴¹. Более того, среди межкастовых браков встречались такие, когда партнеры стоят на противоположных по кастовому уровню ступенях

иерархии, иначе говоря, когда мужчины высших или просто чистых каст женились на невестах из неприкасаемых. Наконец, зарегистрированы уже совершенно одиозные в кастовом обществе случаи, когда невеста-брахманка выходила за неприкасаемого. Если мужчина, женившись на девушке, превращается в слугу жены и ее родственников, такое положение называется «сильной связью» (принцип пратилома). Если мужчина вместе со своими родственниками заставляет служить себе жену, мудрые люди называют это «слабой связью» (принцип анулома). Если же мужчина и женщина доставляют друг другу взаимное наслаждение и родственники с обеих сторон уважают друг друга, это называется «связью в собственном смысле слова» (брак между представителями одной варны и одной касты). Мужчина должен сопротивляться как «сильной связи», когда он после свадьбы обязан подчиняться родне жены, так и «слабой связи», которая вызывает лишь всеобщее порицание⁴². В «Махабхарате» также описано то, что любые действия между мужчиной и женщиной должны совершаться в пределах одной касты, не говоря уже браке. Ганга, придя к Пратипе, получает от него отказ, мотивированный тем, что он не может ложиться рядом с женщиной из неизвестной касты⁴³. Это служит ярким свидетельством того, что связь мужчины и женщины из разных каст это нечто экстраординарное и выходящее из пределов дозволенного.

Межкастовая семья – это вообще особый сюжет во всей семейно-брачной проблеме и в индийской социологии. Необходимость согласия невесты на межкастовый брак уже как-то предвещала ее будущее равноправие в семье – единственный случай, когда женщина способна обрести положение, близкое к феминистским установкам. В значительной мере от жены зависит характер отношений между новой семьей и семьями родителей. Во многих межкастовых семьях жена становилась практически распорядителем семейного бюджета. Повышалась ее роль и в воспитании детей. Если в традиционной семье мальчики 10-12 лет уже выходили из-под материнского надзора, то в межкастовой они состояли под совместным надзором обоих родителей до совершеннолетия. И авторитет матери в такой семье выше, чем в традиционной. Если дваждырожденные брали жен из своей и других (низших варн), то старшинство, почет и помещение тих (жен) должно было быть (устроено) согласно порядку варн⁴⁴. Если мужчина имел жен из разных варн, то положение хозяйки дома занимала та, которая была из высшей; дети ее получали преимущественную долю при дележе наследства⁴⁵. Это влияние кастового строя, который предусматривал иерархичность во всех взаимоотношениях.

Межкастовая семья могла оказаться межнациональной или межэтнической и межрелигиозной. Это создает новые, не свойственные эндогамной семье проблемы. Межкастовые браки – это в основном индивидуальный протест против традиций. В межкастовых семьях возникали и особые брачные проблемы для детей. Дело в том, что большинство детей, достигших брачного возраста, вступают также в межкастовые браки. И такие браки, особенно во втором и следующих поколениях, фактически выводили семьи из кастового общества в некастовую среду индийского общества. Но бывали и конфликтные брачные ситуации в межкастовой среде. Эта среда составляла все еще незначительное меньшинство в индийском обществе. В конкретных местных условиях в этой среде иногда было трудно найти брачного партнера среди некастовых, а кастовая среда все еще ревниво оберегала себя от нарушения эндогамии⁴⁶. Невесте из некастовых семей, отвержен-

ных для традиционного общества, бывало трудно найти жениха в кастовой среде. Кажется парадоксальным, но брачный выбор для невест в данной ситуации был едва ли не более ограничен, чем в кастовой среде – для мужчины опять-таки найти жену было гораздо проще, чем женщине мужа, еще один пример строгости кастовых установок, которые в своей приниженности положения женщин были частично близки к патриархальным. Дети в межкастовых семьях иногда упрекали родителей за нарушение ими кастовых обычаев.

Кастовые установки нашли свое отражение в поощрении замкнутости браков и запрещении создания семей представителями из разных варн. В приниженном положении женщины в семье прослеживаются гендерные патриархальные установки. Единственный случай, где более или менее прослеживается влияние феминистских установок – это случай межкастовых браков, когда женщина была по своей варновой принадлежности выше мужчины, потому ее положение в семье было иным, нежели чем в типичной кастовой патриархальной семье. Женщина в такой семье имела равные с мужем права, что абсолютно не характерно для замкнутых кастовых браков.

Примечания

- ¹ Законы Ману, III, 21-42.
- ² Артхашастра, II, с. 1632
- ³ *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия. – М.: Наука, 1969. – С.418-419.
- ⁴ Артхашастра, II, с. 162.
- ⁵ Камасутра. – М.: Наука, 2001. – С. 68.
- ⁶ Артхашастра, II, с. 163.
- ⁷ Артхашастра, II, с. 179
- ⁸ *Миронов В.Б.* Древний Восток и Азия. – М.: Вече, 2006. – С. 609.
- ⁹ *Миронов В.Б.* Древний Восток и Азия. – М.: Вече, 2006. – С. 607.
- ¹⁰ *Крашенинникова Н.А.* Индусское право. – М.: Московский университет, 1982. – С. 30-31.
- ¹¹ *Крашенинникова Н.А.* Индусское право. – М.: Московский университет, 1982. – С. 33.
- ¹² Артхашастра, III, с. 167.
- ¹³ Артхашастра, III, с. 167.
- ¹⁴ Камасутра. – М.: Наука, 2001. – С. 65-66.
- ¹⁵ Рамаяна. – М.: Наука, 1974. – С. 470-475.
- ¹⁶ Махабхарата. – М.: Наука, 1974. – С. 41-43
- ¹⁷ Камасутра. – М.: Наука, 2001. – С. 66-67.
- ¹⁸ Камасутра. – М.: Наука, 2001. – С. 68.
- ¹⁹ *Кудрявцев М.К.* Кастовая система в Индии. – М.: Наука, 1984. – С. 71-73.
- ²⁰ Камасутра. – М.: Наука, 2001. – С. 63.
- ²¹ Камасутра. – М.: Наука, 2001. – С. 65.
- ²² Махабхарата. – М.: Наука, 1974. – С. 105.
- ²³ Камасутра. – М.: Наука, 2001. – С. 63-64
- ²⁴ *Куценков А.А.* Эволюция индийской касты. – М.: Наука, 1985. – С. 79-80.
- ²⁵ *Куценков А.А.* Эволюция индийской касты. – М.: Наука, 1985. – С. 80-81.
- ²⁶ Артхашастра, VII, с. 178.
- ²⁷ *Крашенинникова Н.А.* Индусское право. – М.: Московский университет, 1982. – С. 28-29.
- ²⁸ *Кудрявцев М.К.* Кастовая система в Индии. – М.: Наука, 1984. – С. 89-90.
- ²⁹ Законы Ману, III, 12-13, 44.
- ³⁰ *Кудрявцев М.К.* Кастовая система в Индии. – М.: Наука, 1984. – С. 80-82.
- ³¹ Законы Ману, IX, 46.
- ³² Законы Ману, IX, 81.
- ³³ Камасутра. – М.: Наука, 2001. – С. 76.
- ³⁴ Камасутра. – М.: Наука, 2001. – С. 77-80.
- ³⁵ *Миронов В.Б.* Древний Восток и Азия. – М.: Вече, 2006. – С. 582-584.

- ³⁶ Законы Ману, IX, 59.
³⁷ Махабхарата. – М.: Наука, 1974. – С. 53-54.
³⁸ Кудрявцев М.К. Община и каста в Хиндустане. – М.: Наука, 1971. – С. 140-142.
³⁹ Законы Ману, III, 4.
⁴⁰ Кудрявцев М.К. Община и каста в Хиндустане. – М.: Наука, 1971. – С.156.
⁴¹ Законы Ману, III, 12, 13, 44.
⁴² Камасутра. – М.: Наука, 2001. – С. 67-68.
⁴³ Махабхарата. – М.: Наука, 1974. – С. 28
⁴⁴ Законы Ману, IX, 81.
⁴⁵ Законы Ману, IX, 85-87, 149-155.
⁴⁶ Кудрявцев М.К. Кастовая система в Индии. – М.: Наука, 1984. – С. 102-105.

Ю.С. ОБИДИНА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЕРТИ И БЕССМЕРТИИ В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема смерти и бессмертия традиционно находится в центре внимания исследователей духовной культуры и религии. Следует отметить, что в зарубежных исследованиях она имеет устойчивую историографическую традицию¹.

Особый интерес представляют исследования последних лет, посвященные различным проблемам античной культуры. Это, безусловно, оправдывается тем, что они в какой-то мере восполняют лагуну, которая образовалась в отечественной историографии советского периода.

В новейших зарубежных изысканиях прослеживается вполне определенная тенденция, сводящаяся к попытке дать культурным феноменам «чисто культурное объяснение». Любого рода внешние влияния на данную сферу культуры при этом либо отрицаются, либо признаются в минимальном объеме; предполагается, что каждая отдельно взятая форма культурной жизни (будь то литература, искусство и т.п.) эволюционирует по собственным внутренним законам, в соответствии с собственной логикой развития, заключающейся в вырастании внутри традиции проблем и последующем их разрешении имеющимися средствами. Методологической базой подобных построений служат некоторые антихололистские соображения Карла Поппера – одного из «властителей умов» нынешней западной интеллектуальной элиты².

Несомненно, никто не станет отрицать, что любая сфера культуры имеет свою внутреннюю логику развития. Но все ли объясняется только ей? Стоит ли отрицать значение мощных толчков «извне», от которых во многом зависит, по какому из нескольких альтернативных путей эволюции пойдет данная традиция? Сведя все многообразие разнонаправленных импульсов к «профессиональным», едва ли не чисто техническим проблемам (пусть даже в греческом, более широком понимании слова *τέχνη*), мы, во-первых, обедним понимание феномена античной культуры, стушаем ее неповторимость, коренящуюся в конкретно-исторических условиях ее возникновения и функционирования³. Во-вторых, отдельные области культурного творчества, трактуемые как замкнутые, самодовлеющие традиции, окажутся при таком подходе висящими в некоем «вакууме», не допускающем их тесной взаимосвязи друг с другом и с жизнью.

Если обратиться ко всему комплексу представлений, связанных со смертью и идеей бессмертия в древнегреческом обществе, то становится очевидно, что в зарубежной историографии они группируются вокруг двух основных тем: погребальный обряд и представления о загробной жизни.

После серьезных изысканий зарубежные исследователи пришли к выводу, что хотя вопрос о погребальном обряде и связан тесно с представлениями о посмертном существовании, но в большей степени отражает социальные отношения, нежели определенные верования⁴.

Благодаря результатам, полученным в предшествующие годы, в зарубежной историографии стало возможно на новом теоретическом уровне изучать стоящие перед наукой вопросы. При этом большое влияние на ученых оказывает подход, характерный для социальной антропологии, и все чаще применяются структуралистские методы, позволяющие добиться новых интересных результатов.

Исследования представлений древних греков о существовании после смерти ведутся по трем основным направлениям:

- 1) проблема существования в Аиде;
- 2) исследование статуса умершего;
- 3) изучение надгробных памятников и основанных на нем реконструкций.

Особенно активно эти проблемы разрабатывались в 80-е годы XX века.

Практически весь комплекс вопросов, связанных с проблемами смерти и бессмертия, отражен в исследованиях Р. Гарлана⁵. Будучи приверженцем теории Ван Геннепа, автор пытается ответить на вопрос, как древние греки воспринимали смерть и своих умерших. Исследование ограничено архаическим и классическим периодами и построено, главным образом, на материалах Аттики.

Этим же проблемам был посвящен доклад Х. Сорвинс-Инвуда на симпозиуме «Греческий ренессанс VIII в. до н.э.: традиции и инновации»⁶. Основная мысль автора заключается в том, что отношение к смерти в архаическую эпоху менялось в сторону более тревожного и индивидуального ее восприятия, по контрасту с более древним ее пониманием как неизбежной участи, части жизненного цикла мира и общины. Согласно архаическому мировоззрению все в этом мире имеет свой удел, и каждый человек имеет свою долю жизни и следующую за ней неизбежную долю смерти. Этой концепции, как считает автор, противоречат представления об особой участи, доставшейся героям, которые избегают смерти и обретут блаженное существование (идея героизации умершего). Автор считает, что сдвиги в представлении о загробном мире свидетельствуют об архаической эсхатологической революции.

Помимо комплексных проблем, зарубежные исследователи рассматривают и более узкие на конкретных источниках. Дж. Микалсон⁷, исследовавший афинскую народную религию, отметил неясность и запутанность представлений о смерти и бессмертии. Автор выделяет следующие аспекты: продолжает ли душа существовать после смерти, где она обитает, имеют ли умершие представление о жизни живых и существуют ли в загробном мире награда и воздаяние.

Большинство античных эпитафий, отмечает Дж. Микалсон, практически ничего не сообщает о загробной жизни. Как правило, в них нет ничего конкретного, говорится о достоинствах умершего, оплакивается его смерть. Создается впечатление, что даже имеющиеся упоминания дома Персефоны или Плутона – дань поэтической традиции, а не характеристика существующих представлений. На то, что душа достигает Аида, с точки зрения автора, указывают многочисленные находки в могилах табличек, содержащих проклятья врагам и адресованных Персефоне. Такие таблички находят в Аттике, Беотии, Эпире, на Кипре и Эвбее, в Великой Греции и на Сицилии, начи-

ная с V в. до н.э. Однако этот источник указывает скорее на озабоченность земными делами, а не загробным существованием. В целом, считает Микалсон, эта позиция была наиболее характерна для афинян в классическую эпоху.

Р. Гарлан рассматривает и другой важный источник – изображения на стелах. По-видимому, существовала вера в воссоединение после смерти. Часто встречающиеся мотивы рукопожатия на рельефах интерпретируются автором как встреча в Аиде. Другой популярный сюжет – загробная трапеза. Обычно изображается умерший, возлежащий на ложе, перед ним в правой части рельефа – стол с пищей, в левой – на ложе сидит женщина. Автор считает, что эта сцена воплощает идею героизации умершего⁸.

Большой интерес представляют исследования С. Хамфрис, которая предприняла попытку связать проблему смерти и бессмертия с проблемой времени⁹. Автор ставит следующие вопросы: что значит умереть вовремя и что представляет собой время в мире умерших. Анализ источников показывает существование представлений о том, что счастлив человек, погибший во цвете лет на поле боя. Такой уход из жизни является составной частью «достойной смерти» и наградой за доблесть и благочестие. Такой человек обретает героическое бессмертие, но в то же время в мире живых должен остаться вечный памятник (курган либо статуя) над могилой. Все эти представления, отмечает автор, демонстрируют тенденцию трансформировать умершего в нечто перманентное: вечности памяти соответствует долговечность знака над могилой. С. Хамфрис выделяет три пути реализации этой тенденции:

1) умерший идентифицируется с долговечным материальным объектом, который обычно представляет собой изображение человека либо хранилище остатков тела;

2) умерший может быть реинкорпорирован в общество в качестве предка или посредством перевоплощения;

3) после смерти человек может начать новую жизнь в мире умерших.

С. Хамфрис подчеркивает, что время в мире умерших отсутствует. Об этом свидетельствуют представления о тождестве сна и смерти, о том, что у умерших нет памяти, трудов, а следовательно, и земледельческого цикла, вечности наказания. Существование вне времени после смерти связано с подобным существованием богов (боги имеют прошлое, но не имеют будущего). Ассоциация их с безвременьем предполагает негативное суждение о времени: существование в нем несовершенно, неполно, затемняется ожиданием конца. С этой точки зрения жизнь приравнивается к смерти, а смерть – к жизни.

Исследование мистики берет начало с работ Ф. Кюмона и Р. Резенштейна¹⁰. Большое значение для изучения мистических мотивов в древнегреческой религии, особенно в архаическую эпоху, имеют работы М.П. Нильссона¹¹. Особое внимание в них уделено соотношению рациональных и мистических элементов в религиозных воззрениях греков.

В последнее время за рубежом проблема мистики вновь оказалась в фокусе внимания. Причем не только увеличилось число работ, посвященных мифам и символам мистерий, анализу структуры и функционирования конкретных религиозных сообществ, но произошел и определенный качественный скачок, выразившийся в появлении обобщающих, теоретических монографий, а также в попытках установить место мистических представлений в религиозной и духовной жизни античного мира. Такой подход позволяет выявить общие и специфические черты мистерий, связать их трансформацию с ходом истории, определить, как данные верования соотносились с поли-

тикой, идеологией, общественной психологией и, что наиболее интересно нам, выражали надежды на лучшее существование после смерти и служили залогом бессмертия.

Из наиболее крупных работ следует назвать монографию известного религиоведа В. Буркерта «Античные мистические культы»¹². Целью автора являлось не историческое, а сравнительное изучение культов, наиболее отчетливо связанных с мистикой, их типологизация – выявление устойчивого стереотипа представлений, позволяющих выделить тип особого религиозного мировоззрения.

Одновременно В. Буркерт опровергает некоторые штампы, распространенные в исследовательской литературе. К ним относятся утверждения, что мистические религии характерны прежде всего для поздней античности, что они в подавляющем большинстве имеют восточные корни, что их спиритуалистический дух тесно связан с христианскими представлениями.

Эту монографию следует рассматривать как один из вариантов обобщающих исследований по мистическим культам. Другой представлен двумя книгами, носящими более конкретный характер. Они содержат очерки религиозных верований в Греции архаического и классического периодов и при эллинизме. Материалы по мистике в них также систематизированы и обобщены, однако воспринимаются прежде всего как часть системы, элемент религиозной картины мира.

Этапы возникновения и развития мистических культов даны в другой книге В. Буркерта «Греческая религия. Архаическая и классическая». В ней автор выделяет в мистериях три основные черты: 1) аграрные функции, уходящие корнями, очевидно, в первобытные праздники; 2) обязательность инициаций; 3) сексуальный аспект. В книге фиксируется внимание на наиболее известных тайных сообществах, а также уделяется внимание проблеме орфизма.

О возрастании интереса к мистическим культам в эллинистический период свидетельствует исследование Л.Г. Мартина «Эллинистические религии»¹³. Автор связывает мистерии эллинизма прежде всего с женским началом в религии, поэтому, устанавливая их истоки, он обращается к культам богинь. Автор также считает, что для позднего эллинизма больше характерен синтез, а не реформация мистических культов.

Следует также отметить работу немецкого ученого Дитера Лауэнштайна, посвященную Элевсинским мистериям¹⁴. Это исследование не имеет аналогов в мировой научной литературе не только потому, что в нем впервые воссоздан ход этого религиозного праздника на основе античных источников и материалов новейших археологических исследований, а скорее потому, что в нем – попытка понять опыт и переживания мистов. К сожалению, исследование перегружено элементами эзотерики и в этой связи носит весьма специфический характер и не всегда может быть адекватно понято неподготовленным читателем.

Наиболее известное исследование истории раннего пифагореизма принадлежит перу Ф. Корнфорда¹⁵. Школа Пифагора представляет, согласно его мнению, «главное направление, противодействующее научной тенденции». Сама пифагорейская школа развивает научное направление, однако в отличие от милетских философов пифагорейцы имеют в основе своих философских построений иной тип религии, в центре которой находится фигура Диониса. Дионисийская религия была реформирована в орфизме, пифагореизм же представляет собой «результат интеллектуализации основного содержания орфизма»¹⁶.

Взгляды Ф. Корнфорда были подвергнуты критике Т. Рейвеном, автором книги «Пифагор и элеаты»¹⁷. Т. Рейвен полагает, что религия – только аспект пифагореизма. Он характеризует Пифагора не только как великого религиозного реформатора, но и как выдающегося ученого.

Научную сторону пифагореизма подчеркивает Ф. Клеве в книге «Гиганты дософистической философии»¹⁸. Клеве уделяет большое место пифагорейской доктрине переселения душ. Однако философская суть пифагореизма в работе Клеве остается нераскрытой: хотя автор и говорит о религиозной стороне пифагореизма, доктрину переселения душ он соотносит с астрономическими наблюдениями пифагорейцев, совершенно игнорируя ее связь с орфическими представлениями.

Более обстоятельно основывается трактовка пифагореизма как синтеза религии и науки в работе У. Гатри «История греческой философии»¹⁹. Это наиболее полное исследование пифагореизма за последние годы. Хотя Гатри и подчеркивает (и обстоятельно показывает вслед за Рейвеном) дуалистическую природу пифагореизма и тем самым оспаривает монистическую трактовку пифагореизма, его позиция весьма близка к позиции Корнфорда.

Таким образом, можно констатировать, что в мировой литературе пифагореизм изучен в самых различных аспектах. Однако поставленный Ф. Корнфордом вопрос о связи пифагореизма с орфизмом не получил своего разрешения. Орфизм или идентифицировался с религиозными составляющими пифагореизма, или игнорировался при акцентировании внимания на научной стороне пифагореизма. Практически без внимания до сегодняшнего дня остается вопрос о доктрине метемпсихоза у пифагорейцев. Кроме того, совершенно игнорируется идея бессмертия души как в пифагореизме, так и в орфизме. Другими словами, на повестке дня до сих пор стоит ряд вопросов, разрешение которых помогло бы пролить свет на многие стороны развития античной религии, философии и духовной культуры. Почему именно орфизм выступил предпосылкой философского учения? Какие именно идеи касательно бессмертия души позаимствовали пифагорейцы у орфиков? Почему доктрина метемпсихоза не прижилась в греческом сознании, хотя постоянно присутствовала в качестве подводного течения практически во всех философских системах греков, начиная с Пифагора и Эмпедокла и заканчивая неоплатониками и Оригеном.

Идея метемпсихоза в зарубежных работах рассматривалась в русле общих исследований религиозных верований и философских представлений греков с различных точек зрения. Профессор М.П. Нильссон считает, что учение о душепереселении является продуктом «чистой логики» и что греки создали его потому, что были «прирожденными логиками» (Eranos. 39 (1941) 12)²⁰. С М.П. Нильссоном, действительно, можно согласиться в том, что как только люди принимают учение о «душе» как о чем-то отличном от тела, то у них естественно возникает вопрос, а откуда эта «душа» берется, естественным ответом на который будет следующий: она приходит из великого обиталища душ в Аиде. Свидетельства того, что подобный способ аргументации действительно имел место, можно обнаружить и у Гераклита и в платоновском «Федоне» (Гераклит, фр. 88 Diels; Секст Эмпирик. Три книги пирроновых положений. 3, 230; Платон. Федон, 70 с – 72 d).

Существуют и синкретические точки зрения по этому поводу. Например, Целлер, которого нельзя упрекнуть в недостаточной исторической критике, пришел к заключению, что учение о душепереселении стоит вне всякой связи с теми философскими системами, в которые оно допущено, так что

было бы незаметно, если бы его вовсе вычеркнуть из греческой философии (Zeller, I, 52–53).

Особый интерес представляют исследования, посвященные практике суицида в античном мире. С тех пор как в XIX в. к самоубийству стали относиться как к важной общественной проблеме, велось немало дискуссий, в которых принимали участие психологи, социологи, люди искусства и общественность. К античности в этих спорах обращались в чисто риторических целях, подбирая из ее арсеналов аргументы для подкрепления современных точек зрения. Особенно часто обращались к античности те, кто взывал к пониманию и терпимости в отношении самоубийства, указывая на античное общество как на образец честного отношения, принятия и даже восхваления добровольной смерти.

У древних самоубийство не могло быть оправдано. Разумеется, античные источники отображали факты очень избирательно: случаи самоубийств, дошедшие до нас благодаря этим источникам, прошли через фильтры древних предубеждений. Этой проблеме посвящено специальное исследование Антона ван Хофа²¹. С нашей точки зрения, интересно отношение древних греков к суициду в отличие от стойко негативного отношения к нему в христианстве (душа самоубийцы не может обрести после смерти покой).

Таким образом, в зарубежной историографии в последние годы сделано обобщение изученной проблемы и намечены перспективы дальнейшего развития. И все же комплекс воззрений, связанный с представлениями о бессмертии, хотя и изучен зарубежными исследователями достаточно полно и основательно, оставляет много дискуссионных вопросов.

Несмотря на обилие изданий по частным вопросам, все ощущаемое становится отсутствием обобщающего исследования, которое бы на новом уровне современных знаний вобрало бы в себя все достижения историографии.

Кроме того, за большим количеством аналитических исследований совсем осталась без внимания важнейшая проблема – взаимосвязь формирования и развития духовной культуры общества с идеей бессмертия. Выявление характеров этой взаимосвязи, а также анализ ее эволюции позволит оценить не только общее значение учения о бессмертии для античной религии и культуры, но и подчеркнуть уникальность данной концепции, а также выделить способы и формы влияния этого учения на формирование христианских верований, а через них – и на европейскую модель личности.

Примечания

¹ История исследований начинается с публикации в 1658 г. книги Т. Броуна «Гидротафия, или погребения в урнах» (Browne Th. Hydrotaphia, or urne-burial. L., 1658). Отношение к смерти той эпохи, к которой принадлежал исследователь, во многом обуславливало и проблематику изучения. В XVIII веке основное внимание уделялось положению тела и вопросам воскрешения, в XIX веке предпочтение отдавалось изучению культа предков и связанным с ним представлениям. В XX веке в центре внимания оказался погребальный обряд. Подробнее об этом смотри соответствующие историографические обзоры в сборнике: Личность и общество в религии и науке античного мира. Современная зарубежная историография. М., 1990.

² См. в русском переводе: *Поннер К.Р.* Ниццета историцизма. – М., 1993. – С. 169–174.

³ Подробнее об этом смотри: *Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. – Л., 1985.

⁴ Подробнее об этом см.: Личность и общество в религии и науке античного мира. Современная зарубежная историография. – С. 92.

⁵ Анализ концепции автора см.: Личность и общество в религии и науке античного мира. – С. 93.

⁶ Резюме доклада см.: *Согомонов А.Ю.* Раннегреческий полис и героический век: столкновение двух эпох в VIII в. до н.э. // Вестник древней истории. №. – С. 230–245.

⁷ *Mikalson J.D.* Athenian popular religion. L., 1987. P. 78–90.

- ⁸ *Garlan R.* The Greek way of death. N.Y., 1985. P. 23.
⁹ *Humphreys S.C.* The family, women and death. Comparative studies. L. Etc., 1983. P. 145-151.
¹⁰ См.: Личность и общество... – С. 76.
¹¹ *Nilsson M.P.* A History of Greek Religion. Oxford, 1925; Nilsson M.P. Greek Popular religion. New York, 1940; Nilsson M.P. Greek Piety. Oxford, 1948.
¹² См.: Личность и общество. – С. 77.
¹³ См.: Личность и общество. – С. 83.
¹⁴ *Лауэнштайн Д.* Элевсинские мистерии. Пер. с нем. – М., 1996.
¹⁵ См.: *Cornford F.M.* From Religion to Philosophy. N.Y., 1957.
¹⁶ Cornford F.M. Op. cit. S. 214.
¹⁷ См.: *Raven T.K.* Pythagoreans and Eleatics. Cambridge, 1948.
¹⁸ См.: *Cleve F.M.* The Giants of Presophistic Greek Philosophy. The Hague, 1969. Vol. 2.
¹⁹ См.: *Guthrie W.K.C.* A History of Greek Philosophy. Cambridge, 1965. Vol. 2.
²⁰ См. подробнее об этом: *Доддз Е.Р.* Греки и рациональное. М.-СПб., 2000. – С. 157-158.
²¹ *Антон ван Хоф.* Женские самоубийства в античном мире // ВДИ. 1992. №. – С. 18-43.

Новая и новейшая история

Т.Н. ИВАНОВА

КОНЦЕПЦИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В.И. ГЕРЬЕ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Владимир Иванович Герье (1837-1919 гг.) – известный русский ученый, профессор Московского университета, воспитавший целую плеяду учеников, создавших славу отечественной историографии всеобщей истории в зарубежной науке. В 2007 году в Москве состоялась научная конференция, посвященная 170-летию со дня рождения историка, которая была посвящена различным сторонам его многообразной деятельности¹. Можно безусловно констатировать, что в последние годы начинается новый этап объективного изучения научного наследия В.И. Герье, творчество которого в советской историографии оценивалось прежде всего через призму марксистской историографии.

Одним из основных направлений научных исследований Герье являлась история Великой французской революции. Даже в советской историографии признавался его приоритет в данной области. В.М. Далин считал, что «заслуга Герье в том, что он первым ввел изучение истории французской революции в университетский мир»².

Однако оценки концепции русского историка всегда сопрягались с его политическими позициями. Так, Б.Г. Вебер писал: «Герье первым из русских либералов начал конкретную разработку [...] характерного для тогдашнего русского либерализма противопоставления неревolutionного якобы пути России революционному пути Франции»³.

В постсоветской историографии на смену идеологизированным концепциям пришел плюрализм теорий и оценок, однако это совпало с определенным снижением интереса к истории Великой французской революции. В результате последние развернутые оценки работ Герье на историю революции относятся к 80-м годам XX века⁴. Назрела необходимость с точки зрения современных дискуссионных вопросов историографии определить место Герье в русской историографии революции.

Владимир Иванович Герье приступил к изучению французской революции уже сложившимся исследователем, сразу после защиты докторской диссертации. Его предыдущие работы были никак не связаны ни с истори-

ей Франции, ни с изучением народных движений⁵. Что же побудило молодого ученого обратиться к негласно запрещенной тогда в России теме? Определенное воздействие оказала складывавшаяся либеральная традиция трактовки революции, представленная отдельными высказываниями и обще-теоретическими построениями С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина⁶. Во время заграничной командировки Герье познакомился с Г. Зибелем, известным в том числе, своей работой об истории французской революции, однако лекций по данной теме немецкий историк не читал. Большое воздействие на молодого ученого произвела книга А. Токвиля «Старый порядок и революция» (1856), которая в условиях смягчения цензурных запретов стала одним из первых произведений о революции, развернутый анализ которой появился в русской прессе⁷.

Однако мы считаем, что решающим фактором явилось стремление Герье систематизировать преподавание всеобщей истории в Московском университете. В студенческие годы Герье столкнулся с тем, что курсы по кафедре всеобщей истории читались не систематически и не охватывали всех периодов истории. Так, на первом курсе он слушал лекции П.Н. Кудрявцева по античной истории; на втором курсе Т.Н. Грановский, уже тяжело больной, успел прочитать несколько лекций, на третьем – всеобщая история вообще не читалась. «Было время – я тогда сидел на этих скамьях, – рассказывал позже студентам Герье, – когда нельзя было читать в университете курса истории французской революции»⁸.

Острый интерес к Великой французской революции русской общественности, смягчение цензуры, новый университетский устав 1863 года – все это делало возможным включение в университетский курс проблем революции. Показателен тот факт, что, несмотря на отсутствие какого-либо циркулярного распоряжения о включении истории французской революции в университетские программы, в конце 60-х – начале 70-х годов практически одновременно историю революции начинают читать М.Н. Петров в Харьковском, В.В. Бауэр – в Петербургском и В.И. Герье – в Московском университетах. Однако архивные материалы и воспоминания современников неопровержимо свидетельствуют о том, что несомненное первенство принадлежало Герье, который в сентябре 1868 года начал чтение курса лекций о Великой французской революции⁹.

Работы Герье, посвященные революции, можно разделить на несколько групп.

Первая группа – это лекционные курсы Герье. К сожалению, они сохранились лишь в рукописи или были литографированы студентами. Мы проанализировали четыре рукописных и девять литографированных курсов Герье, относящихся к периоду с 1868 по 1903 год.

Вторая группа работ – это шестнадцать статей, опубликованных Герье в журналах «Вестник Европы», «Исторический вестник», «Русская мысль», энциклопедии Брокгауза и Ефрона, относящихся к периоду с 1877 по 1903 г. В отличие от лекционных курсов, содержащих общую картину революции, статьи посвящены в основном историографии революции.

Третья группа – это монографии Герье, в которых он освещает сюжеты, до того не изучавшиеся столь подробно: «Понятия о власти и народе в наказах 1789 года» (1884) и монография о Мабли на французском языке (L'abbé de Mably. Moraliste et politique. Paris, 1886). В монографиях «Идея народовластия и Французская революция 1789» (1904) и «Французская ре-

волюция 1789-1795 гг. в освещении И. Тэна» (1911) Герье обобщает и перерабатывает ранее опубликованные статьи.

Эти три группы работ отличаются и методически, и методологически. В рамках статьи невозможно дать подробный анализ каждой группе работ Герье, поэтому попробуем охарактеризовать общую концепцию революции в трудах историка, отмечая эволюцию его взглядов по той или иной проблеме.

Свои исследования по истории революции Герье начинал, опираясь не столько на источники, сколько на подробное изучение историографии. В архиве историка имеются его выписки из сочинений более 40 авторов, писавших о Великой французской революции¹⁰. Сохранились свидетельства о работе Герье в архиве в Париже, однако, в отличие от его учеников Н.И. Кареева и П.Н. Ардашева, он не упоминает о своих архивных изысканиях и анализирует в основном опубликованные источники: произведения французских просветителей, законодательные документы, сборники наказов 1789 года.

В своих первых лекционных курсах и статьях Герье широко опирался на труды предшественников, популяризируя достижения зарубежной историографии. На страницах «Исторического вестника» и «Вестника Европы» он знакомит русского читателя с крупнейшими произведениями по французской революции видных зарубежных историков. Историографические обзоры были непременной частью его лекционных курсов, наиболее видным историкам Герье посвящал отдельные статьи.

Особое внимание в этих обзорах Герье уделял условиям появления того или иного произведения, ведь «всякое сочинение есть не только дело индивидуального творчества, но и плод той эпохи, той теории, того мировоззрения, под влиянием которого писал историк»¹¹. Герье считает, что «подобно тому, как эпоха революции, Людовика XVIII и Карла X объясняет нам взгляд, который мы находим у Тьера, так и эпоха Июльской революции объясняет нам взгляд Бюше и Ру»¹².

Русский историк осуждал А. Тьера, Ф. Минье и Ж. Мишле за «героизацию» якобинского террора. Статью о Мишле Герье озаглавил «Народник во французской историографии», считая, что «оптимизм» Мишле при описании якобинцев не способствовал установлению истины¹³. Более приемлемой Герье казалась позиция Г. Зибеля, который, по его мнению, был свободнее от политических мотивов, чем французские историки, и поэтому более объективен в своих оценках¹⁴. Очень высоко Герье оценивал А. Токвиля: «Его нельзя назвать только историком, — писал Герье о французском ученом, — это слишком мало, и нельзя назвать философом — это слишком отвлеченно, и не политиком — это слишком напоминает политическую деятельность. Он принадлежит к числу тех редких людей, которым удастся усматривать силы, движущие обществом, и, подобно королям, устанавливая законы, управляющие жизнью народов»¹⁵. Влияние концепции Токвиля на Герье в его ранних работах очень велико, однако русский ученый не во всем соглашается с авторитетом. Так, он считал, что революцию невозможно было предотвратить реформами: «Монархия встретила бы в 1750 году те же затруднения, которые придали перевороту 1789 года такой трагический характер, т.е. сделалась бы жертвой борьбы между феодализмом и демократической революцией»¹⁶, — считает он.

И. Тэна Герье считал самым выдающимся и самобытным из мыслителей Франции во второй половине XIX века. Он написал о Тэне целый цикл статей, позже переработав их в монографию. Труд Тэна «Происхождение со-

временной Франции», по мнению Герье, «представляет собой крутой переворот в разработке истории революции»¹⁷. В особую заслугу Тэну Герье ставит то, что французский ученый не ограничился рассмотрением политической истории революции, как Токвиль, а написал то, «что недоставало до него – то была внутренняя, социальная история Франции во время революции»¹⁸. «Это скорее история французского общества, чем государства», – считает историк. Удалось же это Тэну, по мнению Герье, благодаря применению «научного метода», использованию законов психологии, статистики, нового архивного материала. Важным открытием Тэна Герье считает то, что «картина уличного, революционного движения, написанная “художником-психологом”», а также психологическое объяснение типа якобинца – “центральной фигуры революции”»¹⁹. Однако Герье упрекает Тэна в односторонности, предвзятости, считая, что «указывая у изображаемых им деятелей и во всей их партии только низкие фанатические мотивы, он уменьшил предмет своего изображения; изгнав из описанного им мира все возвышенные чувства и всякий идеализм, он дал повод к упреку, что показал не всю истину»²⁰. Не соглашался Герье и с оценкой Тэном французского Просвещения, считая, что Тэн заметил только уродливые патологические черты культуры XVIII века, но не понял «ее великой, разумной стороны». «Пренебрежение к философии, к началу разума вследствие поклонения положительным знаниям увлекло Тэна до того, что он забыл о плодотворных принципах, которые культура XVIII века завещала истории»²¹. Герье считает, что Тэн мало места уделил «главному актеру» – третьему сословию. «Важнейшему деятелю революции каких-нибудь 30 страниц из 400!» – возмущается он.

Однако критические замечания в адрес Тэна сглаживаются в книге Герье «Французская революция в освещении И. Тэна», вышедшей в 1911 году. Герье не скрывает причин изменения своего отношения: «Печатаемая в свое время свои критические очерки о книге Тэна о революции, я был далек от мысли, что мне придется быть очевидцем аналогичного потрясения в России»²². Н.И. Кареев в своей рецензии на книгу Герье указывает на почти полную тождественность взглядов русского историка и Тэна: «революционное движение 1905-1906 гг. так же сильно отразилось на мировоззрении автора, как в свое время Французская коммуна 1871 г. на мирозерцании Тэна»²³.

Приступая к непосредственному изложению хода революции, Герье считал необходимым дать ее предысторию. Основные задачи изучения революции для него заключаются в «генетическом объяснении революции» как события, «корни которого теряются в глубине предшествующих веков, ход, характер и цель которого определяется ходом и свойством всей истории французского народа»²⁴. Необходимо революцию «классифицировать и прибегнуть к сравнительному методу», чтобы «привести ее в связь с всеобщей историей и указать ее место в общем процессе человеческой цивилизации»²⁵.

С XVI века во Франции начинается «разлад» между феодальными принципами, на которых было построено здание французского государства и потребностями нового строя»²⁶. Этот строй Герье называет государственным, видя в нем отличие от феодального в системе учреждений. Необходимость перемен во Франции была очевидной и закономерной. «... Франция сохранила еще все начала, которые составляли сущность жизни в средние века: католицизм – в религии, феодализм – в политическом устройстве, корпоративные начала в обществе»²⁷. Задачи революции Герье видит в политиче-

ском преобразовании государства, в предоставлении прав и свобод гражданам, в уравнивании сословий, в участии народных представителей в управлении.

Герье утверждает, что достаточно было «нескольких правительственных указов», чтобы стереть с лица Франции все остатки феодального строя. Но противоречая сам себе, заявляет, что даже Фридрих Великий со всеми его деловыми качествами не смог бы предотвратить во Франции исторически закономерную революцию²⁸. Чтобы объяснить это противоречие историк противопоставляет французскому революционному пути путь «монархической» революции, которым прошли страны Восточной Европы под эгидой «просвещенного деспотизма» и под влиянием гения их монархов (Петра I, Фридриха Великого). Королевская власть остановилась в своем развитии, не в силах отменить привилегии, т.к. сама основывалась на этих привилегиях «собственные притязания»²⁹. «Беда ... не в существовании династии, а в том, что она не приняла на себя «новой соответствующей роли»³⁰. Герье считает, что дело не в личности последних французских королей, а в отличии восточно-европейских стран с их «исторической молодостью нации» и «несложностью государственного организма» от Франции с ее развитым общественным мнением, философской литературой, привилегиями многочисленных государственных учреждений³¹. В этих построениях Герье явно видно влияние концепций С.М. Соловьева и Б.Н. Чичерина.

При этом историк не отрицает закономерность революции в историческом процессе: «реформа значит – исправление, революция – переворот, изменение к лучшему»³². Герье указывает, что «подобная узурпация (революция – И.Т.) совершалась каждый раз, когда в истории появлялось какое-нибудь новое религиозное или политическое начало»³³.

По его мнению, перед французским народом стояло две задачи: 1) культурная – осуществление философского идеала; 2) политическая – довершение централизации страны и искоренение привилегий³⁴.

В своих исследованиях революции и в лекциях Герье особое внимание уделяет анализу взглядов французских просветителей, считая, что ошибки их теорий привели к неверному пониманию идеи народовластия в широких кругах французского народа. Герье начинал эру конституционализма с Монтескье, считая его представителем «одного из величайших интересов человеческой цивилизации – политической свободы». Монтескье, по мнению Герье, – «самый зрелый представитель политической науки в то время». Но принцип разделения законодательной и исполнительной власти у Монтескье привел, по мнению Герье, к невозможности единства власти. Монтескье «забыл о правах монарха», о том, что монарх – «представитель народа». Эта ошибка повторилась в конституции 1791 г. и привела к свержению монархии во Франции³⁵.

Ученый отмечал, что «Монтескье является защитником конституционной монархии, а Руссо – демократической республики ... М[онтескье] ищет средств к осуществлению идеи полит[ической] свободы..., а у Р[уссо] – идея равенства и притом – относительно гос[ударственной] власти»³⁶. Герье считал искажением верховной власти предложенный Руссо принцип «полновластия народа», прямого участия народных масс в управлении государством. По его мнению, только народное представительство имеет реальные корни. Поэтому теория полновластия народа и равенства привели к анархии в период революции, а позже – к установлению диктатуры. Именно Жан-Жака Руссо обвиняет Герье в том, что «величавый в своем начале и своей цели исторический переворот» вызвал «печальные явления» и

«необузданность демократической страсти» на последнем этапе революции³⁷. Называя философию Руссо разрушительной, Герье говорил о другом пути преобразования общества: «Научными средствами исправить общество, исцелять недуги, – вот задача государства!.. Дело не в том, чтобы разорвать общество, как требовал Р[уссо] и его последователи – социалисты, а в том, чтобы дать те средства человеку, которыми бы он мог избавиться от зла, созданного прогрессом и цивилизацией». В чем же видел эти средства Герье? «Дать массе как можно больше знаний, свободы, но не власти. В этом заключается справедливое основание верховной власти народа»³⁸.

В первых лекционных курсах Герье не останавливается на характеристике Мабли. «Открытие» Мабли для Герье произошло в 80-е годы. О жизни и творчестве этого французского философа Герье опубликовал целый цикл статей, а затем обобщил их в монографии, вышедшей на французском языке в Париже. Книга была восторженно принята учеными: «Относительно всего, что касается политических теорий Мабли, мы отсылаем читателя к превосходной книге Герье, где все они резюмированы»³⁹, – писал А. Олар.

У Герье было двойственное отношение к Мабли. С одной стороны, он считал, что французский философ «первым среди современников показал тесную связь морали и политики и доказал, что нравственность – источник и основа общественного счастья». С другой стороны, Герье считал, что Мабли не только предсказал, но «даже ускорил» революцию. Уже «в наказах 1789 года часто обнаруживается след трудов и политических взглядов Мабли»⁴⁰, – пишет Герье.

Сравнивая взгляды Мабли с учениями Монтескье и Руссо, Герье пишет, что теория Мабли «более соответствовала духу его соотечественников»: «Именно Мабли формулировал в своих сочинениях тот средний политический тон, который был осуществлен революцией 1789 года и в общих чертах донныне сохранился в учреждениях Франции»⁴¹. Герье соглашался с Мабли в том, что «не народной массе должна ... принадлежать законодательная власть, а правильно избранным представителям ее»⁴².

Герье критикует Мабли за утопический идеал, «основанный на отречении от личной поземельной собственности и на абсолютном равенстве в общем (коммунистическом) владении землей»⁴³. Частную собственность историк считал основой прочности государства и его стабильного развития. Герье отмечает, что «социалистическая вспышка в прошлом веке – заговор Бабефа, является попыткой практически осуществить идеал, всего обстоятельнее и реальнее изображенный в сочинениях Мабли»⁴⁴.

По мнению Герье, деятели Просвещения воспитали во французском народе «революционный дух», заставлявший все слои общества противиться реформам, исходившим от королевской власти. Силы революции начали действовать не 14 июля и даже не 5 мая 1789 г., а с самого начала царствования Людовика XVI, с реформ Тюрго. «Р[еволуция] особенно замечательна удивительным единодушием, с которым все классы общества принялись за дело, – говорил Герье. – Этим всеобщ[им] увлечением объясн[яется] быстрота и глубина переворота»⁴⁵. Но это единодушие было кажущимся. Ученый указывал, что дворянство и другие привилегированные классы представляли феодальную оппозицию. Отмечая рост экономического могущества буржуазии в предреволюционный период, Герье видел в этом классе различные интересы, указывая на часть буржуазии, покупавшей дворянские титулы и потому примыкавшей к привилегированным классам. «Буржуа-

зия, в свою очередь, свысока смотрела на крестьян», которые находились «в самом бедственном положении»⁴⁶. «Характ[ер] и знач[ение] фр[анцузской] р[еволюции] объясняется положением крестьян», – считал ученый⁴⁷. Определяющим и деятельным фактором революции была земля, т.к. «всякая гражданская реформа в области землевладения, всякое изменение прежних отношений между помещиками и крестьянами пошатнули бы положение церкви и нанесли бы ей чрезвычайно чувствительный ущерб»⁴⁸, т.е. возможны были лишь революционным путем. «Больш[инство] видит в рев[олюции] полит[ический] перевор[от], меньшинст[во] привет[ствует] в ней перевор[от] социальный, – указывал Герье, – часть добывается иного распредел[ения] прав, др[угие] иного распредел[ения] собств[енности]»⁴⁹. Таким образом, подводит итог Герье, в революции «одни искали свободы, другие искали равенства, третьи – хлеба». При этом Герье отдельно говорит о пролетариате, подразумевая ремесленное население Парижа, страдающее «от случайной дороговизны и застоя в работах»⁵⁰.

Особое внимание при определении требований отдельных классов Герье уделял исследованию наказов 1789 г. «Это колоссальная фотография тогдашнего настроения французского народа», – писал он⁵¹. Однако Герье призвал к осторожности при пользовании наказами, указывая, что, вырывая из них отдельные фразы, можно прийти к противоположным выводам⁵². Поэтому он настаивал на комплексном использовании наказов. Герье внимательно изучил шесть томов опубликованных во Франции наказов («Archives Parlementaires de 1787-1860»). При их изучении он одним из первых в русской историографии применил статистический метод. В архиве Герье сохранились статистические таблицы⁵³, каждая из которых обобщает указы одной провинции с указанием отношения населения к важнейшим вопросам. Таблицы представляют собой черновые листки небольшого размера, сверху написано название провинции или населенного пункта (всего 27 географических названий). Вертикально помещены вопросы, по которым анализировались указы: «земельный вопрос», «королевская власть», «сословия», «представительство от нации», «цели собрания [Генеральных штатов]», «о собственности», «дворянские привилегии», «представления о конституции». Напротив каждого вопроса обобщено содержание наказа.

Герье сетует, что при обобщении первичных наказов в указы бальязей их содержание не только усреднялось, но и прямо искажалось. При их составлении часто использовались образцы, рассылавшиеся из Парижа, что также искажало волю местного населения. При составлении наказов на собраниях брали верх «представители крайних мнений», образованные литераторы, адвокаты, мелкие чиновники и приходские священники. Поэтому в наказах трудно увидеть волю простых жителей, в них много противоречий и контрастов⁵⁴. Из анализа наказов Герье приходит к выводу, что руководящим классом революции, навязавшим французскому народу «идеи меньшинства» и позже ставшим во главе движения, был «класс» литераторов, адвокатов, мелких чиновников. Они старались провести в жизнь идеи Просвещения, не считаясь с реальной обстановкой во Франции, полностью порывая с прошедшей историей, и в этом, считал Герье, одна из причин тех бед, которые постигли Францию. Истоки этого историк видит в политической неразвитости народных масс, ведь «за исключением небольшого числа доктринеров, ... они не знали, что такое свобода и вовсе не хотели той революции, которую подготовляли»⁵⁵. Он не отказывал революции в закономерности, считая ее естественным последствием предшествовав-

шей истории Франции, но указывал, что она могла принять более «законные» формы, если бы Генеральные штаты, действуя в союзе с королевской властью, не прибегли к «узурпации», а сохранили те элементы старого порядка, которые, по его мнению, были еще жизнеспособны⁵⁶.

В ранних работах, не обозначая четкой даты начала революции⁵⁷, историк считал, что поворотным был момент, когда депутаты третьего штата провозгласили себя Национальным собранием (этот термин Герье применял по отношению к Учредительному собранию): «Рево[люция] заключалась в том, что наряду с прежн[им] государем был провозглашен ... новый государь ... – Национальное собрание. Между двумя госуд[арями] столкновение было неизбежно»⁵⁸. Но в этот момент, отмечал ученый, между двумя властями существовало примерное равновесие. Положение изменилось после взятия Бастилии, которое «обеспечило Н[ациональное] с[обрание] и развязало ему руки» по отношению к королевской власти. Решающее значение в победе Национального собрания оказало парижское население. Но получив поддержку в борьбе против королевской власти, Национальное собрание оказалось бессильным перед народными массами. Герье упрекал деятелей Национального собрания в неспособности подавить «анархию». «Вмешательство» народа в дела правительства принимает 3 формы: 1) «неорганизованная анархическая масса», т.е. стихийное движение городских низов, которое «проявляет свою волю непосредственно»; 2) «насильственная деятельность» крестьян, поднявшихся после 14 июля; 3) «коммунальный принцип»⁵⁹. Под «коммунальным принципом» Герье подразумевал различные организации народных масс, возникшие в городах. Это парижские секции, которые «узурпировали власть ... как совершенно самостоятельные политические органы»⁶⁰, клубы, коммуны в провинциях. Особо Герье говорил о Парижской коммуне, которая стала «новым правительством», «органом Парижа». Париж имел и свои вооруженные силы – национальную гвардию – и постепенно начинает противопоставлять себя остальной Франции⁶¹.

После событий 5 октября 1789 года «во Франции явились три государя: король, который был в плену у г. Парижа, другой государь – Национальное собрание, захватившее диктатуру, но в сущности бессильное, популярное и всесильное по отношению к старому порядку, но бессильное, когда шло в разрез с общественным мнением; наконец третий государь – Парижская коммуна»⁶².

Герье, хотя и обвинял Учредительное собрание в бессилии перед народными массами, в попустительстве «анархии», все же высоко оценивал реформы этого периода революции. «Преобразовательная деятельность Национального собрания представляет зрелище величавое, поражает единством плана. В деятельности Национального собрания мы видим непосредственное выражение философской и политической культуры, идей XVIII века»⁶³. Важным ученый считал то, что в результате этой деятельности «произошел существенный экономический переворот. Масса французского народа, в то время занимавшаяся земледелием, т.е. преобладающее во французском народе крестьянство – было освобождено от феодальных поборов, вследствие этого примкнуло к Национальному собранию». Однако «Декларация прав гражданина и человека» и, особенно, конституция 1791 г. вызывали критику со стороны Герье. «Новые принципы, – считал он, – были проведены абсолютно и отвлеченно», стали разрывом с предшествующей историей Франции⁶⁴.

Это привело к тому, что «новый порядок» был крайне неустойчив. Одна из причин заключалась в теоретических недостатках конституции 1791 г., восходивших еще к учению Монтескье о разделении властей: «между двумя органами, из которых состоит правительство, нет равновесия», – указывал Герье. С другой стороны, «новому порядку» угрожала «анархия» внутри страны: «... толпа действовала ... автономно, не признавая закона, увлекаемая своими страстями. Свои отрицательные последствия имел и декрет 4 августа, расцененный крестьянами как «призыв к захвату и поощрение к грабежу». Да и сам «новый порядок» отличался тем, что был создан «революционным путем ..., путем узурпации власти»⁶⁵, «войны бедных против богатых»⁶⁶.

Немалое значение имело и то, считал ученый, что «новому порядку» противостоял «старый порядок в остальной Европе». «Французская демократия, которая существовала в 89 [году], была слишком проникнута своими идеями, чтобы могла удержаться в своих пределах, считая их общечеловеческими абсолютными принципами, – указывал Герье. – Потом, одержав победу, эта молодая Французская демократия слишком чувствовала свою силу, требовала экспансивности и потому, если бы даже она не была вызвана, то со своей стороны начала бы пропаганду, со своей стороны вступила в бой со старой Европой». Герье считал, что при таком положении «новый порядок не мог устоять, произошла новая катастрофа, и тогда то из этого положения дел развилась вторая революция; подготовительной эпохой к этой революции было 10 августа 92 года, а затем эта вторая революция продолжалась до конца XVIII столетия, до учреждения военной диктатуры»⁶⁷.

Герье подробно останавливался на событиях 1792 года, приведших к свержению монархии, которое, по его мнению, было ошибкой. Он указывал на ведущую роль в подготовке этого события городской массы. Свою роль сыграло и сельское население, которое было «склонно к монархии», но уже равнодушно к ней». Итак, «в 1792 г. во Фр[анции] монархия б[ыла] свергнута во имя прин[ципа] народовл[астия]. Новое государство могло принять 2 формы: народов[ластие] умеренное ... или народовл[астие] с деспотич[еской] госуд[арственной] властью, ... диктат[ура] во имя народа»⁶⁸. Не выделяя конкретно периодов революции, Герье делит ее на два больших этапа, две революции – это революция 89 года, совершенная «посредством поддержки со стороны всего французского народа» и якобинская революция, «которая была произведена не только против старого порядка ..., но и против революции 1789 г.»⁶⁹. Потребность в твердой власти диктовалась внешними условиями – начавшаяся война требовала напряжения, сильной власти, не стеснявшейся в средствах. В этой обстановке Франция сделалась жертвой якобинской диктатуры».

В лекционных курсах 70-х гг. Герье оправдывал установление якобинской диктатуры внешней опасностью, опасением реакции со стороны аристократов, умеренностью и пассивностью жирондистов, неспособных на решительные действия. Позднее он приходит к выводу, что «террор не есть порождение опасности, в которой находилась Франция ..., террор есть результат внутреннего процесса, порождение предшествующего развития внутри», внешняя опасность лишь содействовала успеху «террористов»⁷⁰.

Под якобинцами Герье подразумевал партию последователей Руссо, выступавшую за установление равенства в ущерб свободе, за сильную государственную власть. «Сила якоб[инцев] в их союзе с чернью, на кот[орую] они опирались..., но ... демос для них лишь средство»⁷¹. Герье подчеркивал, что якобинцы не тождественны с санкюлотами, представлявшими интересы народных

низов Парижа, это лишь секта, рвущаяся с их помощью к власти⁷². Отношение Герье к «жестокому» Робеспьеру и его последователям отрицательное. Он считает, что «Фр[анцузская] рев[олюция] с помощью Роб[еспьера] совершила переворот. До тех пор все дальн[ейшие] шаги были прогресс[ивны] и в культ[урном] и в человеческом отн[ошении]»⁷³. Идеи Руссо, проводимые Робеспьером на практике были покушением на права и свободы личности, на частную собственность. Герье утверждал, что не имущественное положение является основным признаком принадлежности к якобинской партии и «не отрицание собственности было движущим началом террористов». «Богатые и достаточные люди могут спасти себя от гибели, если они якобинцы, а бедные, чтобы участвовать в добыче, должны быть якобинцами»⁷⁴.

«Имущество подверг[алось] преследованию не столько во имя братства, – считал историк, – сколько во имя государственной власти». Герье отмечал, что, например, разделение общинных имуществ совпадало с интересами централизации государства. Централизацию Франции, завершённую якобинцами, ученый считал выполнением исторических заветов. Но Герье негодует, что «государство, кот[орому] поклон[ялись] якоб[инцы], это госуд[арство] без религии .., не позволяющее ни мало ... уклонений в убеждениях.., не позволяющего ни малейшего отступления от уровня.., ... основанное на убеждении, что люди не грешат»⁷⁵. «Под угрозой смерти, – возмущается Герье, – должны были осуществиться свобода, равенство и братство; свобода, конечно, не допускает этого условия; но еще меньше допускает его братство: по принуждению нельзя быть братом, а можно быть только рабом»⁷⁶.

Среди самих якобинцев Герье выделял несколько партий: робеспьеристов, «не настоящего якобинца» Дантона и его последователей, а также «якобинцев Коммуны». Раскол среди якобинцев вызвал ослабление власти Робеспьера, «подавившего санкюлотизм». Социальная база якобинцев сужается, их популярность среди населения падает.

В 80-е гг. отрицательное отношение Герье к якобинскому периоду усиливается под влиянием идей Тэна, основанных на вычленинии некоего «психологического типа» якобинца. Якобинцев обвиняет Герье в анархии, военных неудачах, «печальных последствиях» так «величаво начавшейся революции». Якобинец для Герье – характернейший тип революции, ее фатум и рок, «квинтэссенция» социальной злобы, накопившейся в недрах народа и, одновременно, «квинтэссенция» того стремления к абсолютной государственной власти, которое лежит в основании истории Франции. Переворот 9 термидора, по мнению ученого, был следствием раздоров среди якобинцев, «страна перестает выносить систему террора, без которой якобинцы не могли держаться»⁷⁷.

Термидорианский переворот стал, по словам Герье, «возвращением Жиронды», т.е. умеренных. «Во Фр[анции] ... могла теперь утверд[иться] свободная респуб[лика] ... Наступили 5 лет переходной эпохи, эпохи колеб[аний] и волнений, периодических восстаний и узурпации правит[ельственными] органами». Однако эпоха Директории привела не к установлению «свободной республики», а к «военной диктатуре» Наполеона. Причины этого были, по мнению Герье, в следующем: «судьба Фр[анции] была после 9 термидора на острие меча – ей грозило, с одн[ой] стороны, белое, с др[угой] – красное знамя. Ее задача заключ[алась] в том, чтобы создать нейтральную государ[ственную] власть, кот[орая] могла б избавить ее от дилеммы, спасти ее от эмигр[антов], от якоб[инцев]. Умиротворение различных слоев Франции удалось совершить Наполеону, который «приучил под св[оим]» железн[ым] ярмом старую Фр[анцию] ужиться с новой». Таким образом, подводит итоги Герье,

Наполеон «оказал рев[олюции] великую услугу – закончил ее. Консолидировал ее результаты... Создал сильн[ую] центр[альную] власть, основ[анную] на идее народовластия. Но он не исполнил второй части рев[олюционной] программы, он ... не дал своб[одных] учрежд[ений] бур[жуазии]»⁷⁸.

Позже Герье писал: «революция завершилась первым консулом, т.е. она была до известной степени доведена до конца. Она была осуществлена если не во всех отношениях и направлениях, то в самых существенных». Чуть дальше он иронизирует: «Что касается до народовластия, то и ему Наполеон дал другое направление. Он удовлетворил своих современников ..., тем, что дал французскому народу власть народовластия..., власть над другими народами»⁷⁹.

Подразделяя французскую революцию на революцию 1789 года и якобинскую, Герье считал, что задачи первой революции носили общечеловеческий характер, поэтому французская революция «отозвалась всюду, везде нашлись люди, в которых она возбудила энтузиазм, которые были в восхищении от того, что было высказано и выставлено на вид во Франции»⁸⁰. Идеи конституционализма и либерализма Герье считал детищем 1789 года. Революция «была, по крайней мере, в своем начале, действительно освободительным движением, избавившим миллионы французских крестьян от пережитков старины и стеснительных сервитутов и сделавших их свободными собственниками земли»⁸¹, – писал Герье. Провозглашением принципа равенства «она оказала великую услугу всему человечеству»⁸². Однако вслед за Токвилем он считает, что «во многих отношениях она служила продолжением векового исторического движения в истории Франции»⁸³. Новый порядок, по мнению Герье, можно сравнить с колоколом, который уже был отлит в эпоху старого порядка, но невидим под формами, разбитыми позже революцией. Герье подчеркивал международное значение французской революции: «принципы 1789 г. явились политическими догмами либерализма», «исходным пунктом для повсеместного пробуждения демократического принципа». С другой стороны, революция стала «катастрофой феодализма», и это также имело общеевропейское значение»⁸⁴.

Однако «не следует из истории брать практических правил – это особенно нужно заметить при изучении французской революции», – оговаривается Герье. Вторая, «якобинская» революция носила, по его мнению, местный характер и объяснялась особенностями исторического развития Франции. Но и этот период имел важные международные последствия: «завоевательное стремление Франции оставило и плодотворные следы в истории европейских государств. Более всех выиграли непосредственные соседи Фр[анции] – Италия, Испания и Германия. Италия осв[ободилась] от феод[альных] отношений, Испания была пробуждена столкновением с Фр[анцией] из своего векового застоя... Итальянская и германская нации стали понимать себя, как нечто цельное в своем историческом развитии»⁸⁵.

Подводя итоги значению революции, Герье писал: «Фр[анцузская] рев[олюция] и вообще история научили нас, что политич[еские] и общественные учрежд[ения] не могут быть основаны на доктринах и отвлеч[енных] системах, а не реальн[ых] историч[еских] условиях. Всякая насильств[енная] попытка водворить эти принципы ... порождает диктат[уру]». С другой стороны, «принципы 89 года имеют значение не только как требование разума, но как двигатели и формула прогресса. Без идей вообще нет прогресса», – заключал историк⁸⁶.

Таковы в основных положениях особенности трактовки Герье истории революции. Характерная ее черта заключалась в широком привлечении трудов

зарубежных историков революции. Концепция Герье складывалась не только на основе изучения источников, но в значительной мере, под влиянием концепций С.М. Соловьева, Г. Зибеля, А. Токвиля, И. Тэна. Однако, было бы неверно представлять Герье только как компилятора чужих произведений. Он не безоговорочно принимал достижения зарубежной историографии, аподвергал их критическому анализу, сопоставляя с собственными изысканиями и идеологией русского либерализма. Так, Герье подробно обосновывал тезис о противоположности пути революции во Франции преобразованиям просвещенных монархов Восточной Европы. Герье рассматривал французскую революцию в широком охвате всей европейской истории XVIII века. Его подчеркивание преемственности старой Франции с новым строем, долгого «эмбриологического» развития революции имело целью доказать, что революция является лишь одним из вариантов более общего и более приемлемого эволюционного развития общества.

Стремясь охватить все стороны революции, Герье, тем не менее, основными считал идейные и политические мотивы, не уделяя внимания рассмотрению социально-экономической истории. На первом плане у него стояла борьба за политические права. Наиболее приемлемой формой государства он считал конституционную монархию. Преобразования Учредительного собрания заслуживали в его устах высокой оценки. Осуждая «анархию», к которой привело непосредственное вмешательство народа, Герье не отрицает, что именно под давлением народных масс, при их непосредственной поддержке и активном участии были осуществлены основные завоевания революции. В целом, Герье высоко оценивал революцию как «прогрессивное начало по отношению к старому порядку».

Нельзя не заметить определенную эволюцию взглядов В.И. Герье под влиянием революционных событий в России. В ранних работах он осуждает монархию за неспособность к реформам, затем считает монархию «самым национальным элементом политического развития Франции», полагая, что ее деятельность вела к постепенному развитию нового строя». В 1911 году он, противореча собственным ранним высказываниям, видит причины революции не в недостатках старого строя, «недостатки требовали реформ, а не революции», а в «революционном духе», обуявшем руководящие классы французского общества»⁸⁷.

Подобные высказывания привели к тому, что в советской историографии взгляды Герье оценивались критически, как умеренно-либеральные и даже консервативные. Герье критиковали за противопоставление пути революции во Франции реформационному развитию просвещенного абсолютизма в Восточной Европе, за расширение хронологических рамок революции, за недостаток внимания к социально-экономической проблематике, за осуждение им якобинского периода революции.

Любопытно заметить, что некоторые положения концепции Герье, которые в марксистской историографии подвергались суровой критике, вполне созвучны взглядам некоторых современных исследователей революции.

Произошедшая в постсоветской историографии «смена вех» привела к отказу от единой марксистской концепции революции в пользу плюрализма взглядов и мнений. Так, хронологические рамки революции в учебниках расширились до 1799 года, а некоторые исследователи включают в нее и «наполеоновскую эру»⁸⁸. Вполне в духе Токвиля и Герье звучит высказывание о том, что «революция не только не прервала, но в чем-то даже усилила преемственность между Францией «старого» и «нового» порядка»⁸⁹.

В современной историографии снижается интерес к социально-экономической истории и расширяется проблематика, связанная с интеллектуальной историей, историей политических реформ, изучением «психологии толпы». Так, некоторые оценки роли толпы в изложении Тэна (а за ним и Герье) не противоречат выводам современных ученых⁹⁰.

Сразу после перестройки началась переоценка роли некогда идеализированных марксизмом революционеров – Робеспьера, Сен-Жюста, Марата и др. Ряд исследователей считает общую направленность постсоветской историографии либерально-консервативной⁹¹, что точно соответствует определению политической позиции Герье.

Герье критиковали за то, что на его концепцию революции оказывали воздействие политические события в России, однако и некоторые современные исследователи, осознанно или нет, связывают историю Французской революции с Октябрьской революцией 1917 года, с советским периодом, с перестройкой и т.д.

В концепции революции Герье прослеживаются интересные замечания, которые позже стали предметом специальных исследований в работах современных ученых: о выделении еще до революции среди буржуазии прослойки, которую можно назвать «новым дворянством», о нескольких различных течениях среди якобинцев, несовпадении ряда требований якобинцев и санкюлотов, о роли популизма и демагогии политических лидеров в манипулировании общественным мнением и т.д.

Все это позволяет нам по-новому взглянуть на оценки Герье в отечественной историографии революции. Не стоит ставить ему в вину либерализм или консерватизм, а стоит помнить о том, что свои работы Герье писал для русского читателя, исходя из русской действительности и не скрывал своей озабоченности воздействием «уроков революции» на Россию.

Важнейшей заслугой Герье стало то, что он первым начал систематическое чтение лекций по истории революции в русских университетах. В них он знакомил студентов с новейшими достижениями историографии, ставил проблемы, а не навязывал свою точку зрения, что способствовало пробуждению интереса к революции и появлению научных исследований Н.И. Кареева, П.Н. Ардашева и др. Лекционные курсы Герье в отсутствие других работ русских историков по французской революции в 60-70-е гг. XIX в. имели не меньшее значение, чем солидные монографии.

В своих статьях об историографии революции, опубликованных в журналах, он, популяризируя достижения современной ему науки, познакомил с историей революции широкую общественность. Герье был пионером в исследовании творчества Мабли и в статистическом изучении наказов 1789 года.

Когда Герье в 1904-1911 гг. переработал свои лекции и статьи в монографии о революции, его концепция была уже далеко не новым словом в историографии. Она проигрывала на фоне появившихся к тому времени талантливых, основанных на архивных изысканиях, исследованиях И.В. Луичко, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, П.Н. Ардашева и др.

Поэтому нам представляется неверным оценивать роль Герье в русской историографии французской революции, исходя только из анализа его поздних работ. Деятельность Герье по популяризации истории революции, его лекции и научные работы при всех своих недостатках и достоинствах были той необходимой ступенью в становлении русской историографии Французской революции, без которой невозможен был ее последующий расцвет.

Концепция Великой французской революции В.И. Герье сыграла значительную роль в становлении отечественной историографии революции. Некоторые положения этой концепции не потеряли своего значения, и проблемы, затронутые Герье, и сейчас представляют поле для дискуссий современных ученых.

Примечания

- ¹ См.: Мир историка: Владимир Иванович Герье. Материалы научной конференции. Москва 18-19 мая 2007 г. – М.: ИВН РАН, 2007. – 132 с.
- ² Далин В.М. Историки Франции XIX-XX веков / В.М. Далин. – М.: Наука, 1981. – С. 66.
- ³ Вебер Б.Г. Первое русское исследование французской революции XVIII в. / Б.Г. Вебер // Из истории социально-политических идей. – М., 1955. – С. 645.
- ⁴ Автор данных строк в ранних работах также не избежал обязательных в то время идеологических штампов при рассмотрении концепции революции Герье. См.: Иванова Т.Н. О начале изучения Великой французской революции в университетах России // Вестник Ленинградского университета. Серия история, язык, литература, 1984. Вып. 2. № С. 104-106; Она же. В.И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России: Автореф. дис. ... к.и.н. Л., 1984.
- ⁵ См.: Герье В.И. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862; Он же. Очерк развития исторической науки. М., 1965; Он же. Лейбниц и его век. СПб., 1868 и др.
- ⁶ См.: Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // С.М. Соловьев. Собр. сочинений. СПб.: Общественная польза. Б.г. СПб. 1108; Чичерин Б.Н. Очерки истории Англии и Франции. М., 1858. С. 226; Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф.47 (Барсуков Н.П.). Ед.хр. 1. №88; Кавелин К.Д. Лекции по энциклопедии правоведения. Л.53. и др.
- ⁷ Подробнее см.: Иванова Т.Н. Оценка книги А. Токвиля «Старый порядок и революция» в русской буржуазно-либеральной историографии второй половины XIX – начала XX вв.» // Эпоха Великой французской революции: проблемы истории и историографии. К 200-летию юбилею революции. – Чебоксары, 1989. – С. 26-39.
- ⁸ Герье В.И. Лекции по новой истории (Французская революция). 1898-1899 гг. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф.70. К.18. Ед.хр. 5. Л.4.
- ⁹ Подробнее см.: Иванова Т.Н. В.И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России (по материалам лекционных курсов Герье) // Великая французская революция и Россия. – М.: Прогресс, 1989. – С. 153-164.
- ¹⁰ ОР РГБ. Ф.70. К.19. Ед.хр. 4-7.
- ¹¹ Герье В.И. Новая история. 1883-1884 гг. – М.: Лит. Татарина, 1884. – С. 445-446.
- ¹² Герье В.И. История Франции XVIII века. Последнее десятилетие. Литография. – М., 1888. – С. 41.
- ¹³ Герье В.И. Народник во французской историографии. Жизнь и сочинения Мишле // Вестник Европы, 1896. №. – С. 135.
- ¹⁴ Герье В.И. Лекции по новой истории. 1868-1869 гг. – М.: Лит. И. Волкова, 1869. Л. 52.
- ¹⁵ Герье В.И. История XVIII века. Курс лекций, читанный в осеннем полугодии 1887 г. Автограф // ОР РГБ. Ф.70. К.15. Ед.хр. 6. Л. 52.
- ¹⁶ Герье В.И. Современная историография. Франция // Исторический вестник 1880. Т.2. Июнь. С. 530.
- ¹⁷ Герье В.И. И. Тэн // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1902. Т. XXXIV. – С. 311.
- ¹⁸ Герье В.И. Ипполит Тэн в истории якобинцев // Вестник Европы. 1894. – №0. – С. 525-526.
- ¹⁹ Герье В.И. И. Тэн // Энциклопедический словарь. С. 311.
- ²⁰ Герье В.И. Ипполит Тэн в истории якобинцев // Вестник Европы. 1894. – №. – С. 190.
- ²¹ Там же С. 142-143.
- ²² Герье В.И. Французская революция 1789-1795 гг. в освещении И.Тэна. СПб., 1911. – С. 7.
- ²³ См.: Русское богатство, 1911. №. Отд.2. С. 152-153.
- ²⁴ Герье В.И. Ипполит Тэн в истории якобинцев // Вестник Европы. 1878. №. – С. 538-539.
- ²⁵ Там же. №. С. 245.
- ²⁶ Герье В.И. Республика или монархия установятся во Франции // Сборник государственных знаний под ред. В.П. Безобразова. СПб.: тип. В. Безобразова, 1877. Т. III. – С. 135-136.
- ²⁷ Герье В.И. Лекции по новой истории. 1868-1869 гг. С. 3.
- ²⁸ Герье В.И. Республика или монархия установится во Франции. С. 145, 165.

- 29 Герье В.И. Конспекты лекций по истории XVIII в. 1868-1869 гг. // ОР РГБ. Ф. 70. К. 14. Ед.хр.1. Л.18 (об).
- 30 Вестник Европы. 1878. №4. – С. 555.
- 31 Герье В.И. Республика или монархия установится во Франции. – С. 165-166.
- 32 Герье В.И. Новая история. 1876-1877 гг. – М.: Лит. Харахоркина, 1877. – С. 4.
- 33 Вестник Европы. 1878. №0. С. 533.
- 34 Герье В.И. История XVIII в. 1877-1878 гг. // ОР ГБЛ. Ф.70. К.14. Ед.хр. 3. Л. 76(об).
- 35 Там же. Л. 63.
- 36 Герье В.И. Лекции по новой истории. 1868-1869 гг. – С. 58.
- 37 Герье В.И. Понятия о народе у Руссо // Русская мысль. 1882. №. – С. 212.
- 38 Герье В.И. Лекции по новой истории. 1868-1869 гг. – С. 30, 50.
- 39 Олар А. Политическая история французской революции. 1789-1804 гг. Изд-е 3-е. – Пг.: Книгоиздательство Петроградского совета, 1918. – С. 8.
- 40 Guerrier W. L'abbé de Mably. Moraliste et politique. Etude sur la doctrine morale du jacobinisme puritain et sur le développement de L'esprit republicain an XVIII siècle. Paris, 1886. P. 2-5.
- 41 Герье В.И. Политические теории аббата Мабли // Вестник Европы. 1887. №. – С. 125.
- 42 Герье В.И. Опыт приложения этики к политике в XVIII веке // Научное слово. 1903. №. – С. 90.
- 43 Герье В.И. Мабли // Энциклопедический словарь. Т. XXXV. 1896. – С. 282.
- 44 Герье В.И. Французский этик-социалист XVIII века // Русская мысль. 1883. №1. – С. 198.
- 45 Герье В.И. Курс о Французской революции с черновыми заметками. 1873-1874 гг. // ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр. 1. Л.11(об).
- 46 Герье В.И. Лекции новой истории. 1868-1869 гг. – С. 7-8.
- 47 Герье В.И. Конспекты лекций по истории XVIII в. 1868-1869 гг. // ОР РГБ. Ф.70. К.14. Ед.хр.1. Л.11.
- 48 Герье В.И. XVIII век. Изд.2. 1877-1878 гг. Б.м. (литография). С. 199.
- 49 ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр. 1. Л.21.
- 50 Там же. Л. 21-22.
- 51 Герье В.И. Новая история. Второй период (Литография). – М., 1887. – С. 289.
- 52 ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр. 1. Л.22.
- 53 ОР РГБ. Ф.70. К 20. Ед.хр. 2.
- 54 Герье В.И. Наказы // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XX. – СПб., 1897. – С. 485-487.
- 55 Герье В.И. Понятия о власти и народе в наказах 1789 года // Идея народовластия и французская революция 1789. – М., 1904. – С. 416.
- 56 Новая история. 1883-1884 гг. – М.: Лит. Татаринова, 1884. – С. 447.
- 57 В своей последней работе о революции В.И. Герье вынес четкие хронологические рамки в само название книги, нигде, впрочем, не объяснив данные даты. См.: Герье В.И. Французская революция 1789-1795 гг. в освещении И. Тэна. – СПб., 1911.
- 58 ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр. 1. Л. 40.
- 59 Герье В.И. XVIII век. – С. 309.
- 60 Герье В.И. Новая история. Второй период. – С. 329.
- 61 Там же. С. 328-329.
- 62 Герье В.И. XVIII век. – С. 315.
- 63 Там же. С. 316.
- 64 Герье В.И. Новая история. Второй период. – С. IX-X.
- 65 Там же. С. 239, 336, X.
- 66 Вестник Европы. 1878. №. С. 257-259.
- 67 Герье В.И. Новая история. Второй период. – С. XV.
- 68 ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр. 1. Л. 72.
- 69 Герье В.И. История Франции XVIII века. – М., 1888. – С. 6.
- 70 Там же. С. 27.
- 71 ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр. 1. Л. 76(об).
- 72 Там же. Л. 79-81.
- 73 Там же. Л. 82(об).
- 74 Герье В.И. Лекции новой истории (Французская революция). 1898-1899 гг. // ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр.5. Л. 20.
- 75 ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр.1. Л. 77(об)-79(об).

- ⁷⁶ Новая история. 1883-1884 гг. С. 447.
⁷⁷ История Франции XVIII века. С. 5-6.
⁷⁸ ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр.1. Л. 83-91(об).
⁷⁹ Герье В.И. История XVIII века. – М.: Литография Ю. Венер, 1903. – С. 503, 518.
⁸⁰ Герье В.И. Лекции новой истории. 1868-1869 гг. – С.12.
⁸¹ Герье В.И. Французская революция 1789-1795 гг. в освещении И. Тэна. – С. VIII, 187.
⁸² Герье В.И. Французская революция 1789-1795 гг. в освещении И. Тэна. – С. VIII, 187.
⁸³ Исторический вестник. 1880. №. – С. 530.
⁸⁴ Вестник Европы. 1878. №. С. 245-246.
⁸⁵ Новая история. 1883-1884 гг. – С. 448.
⁸⁶ ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр. 1. Л. 93.
⁸⁷ Ср.: Герье В.И. Понятие о власти... С. 401; Герье В.И. Французская революция 1789-1795 гг... С. III.
⁸⁸ См.: Ревуненков В.Г. История французской революции. – СПб., 2003.
⁸⁹ Арзаканян М.Ц., Ревякин А.В., Уваров П.Ю. История Франции. – М., 2005. – С. 213.
⁹⁰ См.: Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и революцией. – Новосибирск, 1996.
⁹¹ См.: Бовыкин Д.Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемиические заметки) // Новая и новейшая история. 2007. №. – С. 49-50.

Г.Ф. ГОРБАШОВА

ОТРАЖЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ВИКТОРИАНЦЕВ НА СТРАНИЦАХ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»

Важнейшие события прошлого могут по-новому высвечивать те или иные вехи истории, и каждое поколение стремится дать ответы на вопросы, волновавшие воображение их предшественников. Познание прошлого происходит на основе изучения «свидетельств эпохи», т.е. источников. И это не только документальные, но и литературные памятники, записки путешественников, воспоминания современников. Они не просто сообщают о тех или иных исторических фактах, но передают эмоциональный отклик на них различных людей. Этой группе источников присуща склонность интерпретировать события сквозь призму личного опыта.

Для воссоздания общественных настроений, царивших в той или иной стране, необходимо привлекать материалы прессы. Сотрудники различных журналов писали об интересовавших их проблемах социального развития общества, способствовали формированию образа страны, народа, стереотипов их поведения, образа жизни и т.д. Источники позволяют заглянуть не только в повседневную жизнь отдельных людей, но и во «внутренний мир» эпохи в целом.

В связи с этим нам показалось интересным обратиться к материалам русского «толстого» журнала – «Вестник Европы», который с 1866 г. издавался М.М. Стасюлевичем, отставным профессором истории Петербургского университета. Первоначально журнал идентифицировал себя как журнал «историко-политических наук», представлял собой академическое издание. Структура журнала позволяла освещать ему на своих страницах исторические, политические, социальные вопросы. Профиль журнала расширялся: был добавлен литературный отдел, возрастала роль хроник и обзрений. К 1870 году «Вестник Европы» определял себя как «журнал историй, политики, литературы».

«Вестник Европы» был органом умеренного либерализма, ориентировался преимущественно на либерально настроенную интеллигенцию. Девиз журнала состоял в следующем: «...благополучие страны заключается не в за-

мкнутости, не в отчуждении других народов, а наоборот... в следовании за другими народами по их пути развития и рациональной свободы»¹.

Лучшие представители журналистики в России понимали меру своей ответственности в развитии общественного сознания и старались формировать в России позитивные отношения к тем преобразованиям, которые происходили в странах Европы. Так, один из журналистов того времени писал, что «журнал должен указывать обществу цель. Воспитывать и направлять мысль, возбуждать деятельность в умах и будить их от этой пошлой, растительной бездеятельности, которая составляет величайший недостаток большей части русской науки...»².

«Вестник Европы», выступая за буржуазный процесс, считал, что полезно следовать за другими народами, не отрицать их опыта. Примером может служить Англия, которая на фоне событий в Европе «продолжает развиваться нормально, ... она идет к демократизму..., отмечая свою историю какой-нибудь новой и важной для народного развития реформой, ..., что присуще одним свободным народам»³.

В 1877 году журнал в материалах о выборах в английский парламент выражает полное согласие с мнением бельгийского публициста: «Англия представляет в мире лучшее, чем всякая другая нация, принципы политической свободы и свободы торговли, партийную систему, дух промышленности, – словом, все идеи и изобретения, которые составляют корень и источник всякого усовершенствования для человечества... Если бы она могла присоединить к себе Европу или дать ей в управлении своих губернаторов, то нет сомнения, что страны, ее составляющие, более процветали бы и лучше управлялись, нежели теперь»⁴.

Тем не менее, демонстрируя свое восхищение английской системой, журнал нередко критикует отдельные действия английского правительства, особенно во внешней политике. Это объяснялось тем, что правительство не поощряло занятие «политикой» со стороны редакции журнала. Но чаще всего критика относится только к частным моментам, сама же система и способы, с помощью которых решаются насущные вопросы (в том числе и социально-политического характера), вызывают уважение журнала. При обилии статей, касавшихся вопросов общественных, внутренней и внешней политики, журнал, в первую очередь, «стремился указать на преимущества конституционного образа правления» и весьма осторожно отстаивал идею «европеизации России».

«Вестник Европы», имеющий многочисленных читателей, преимущественно из высшего и образованного класса, публикуя большое количество статей, написанных талантливыми публицистами, полагал, что их знания и мнения «не могут проходить бесследно для русского общества».

Проблемы русского общества являлись своеобразным светофильтром, который направлял внимание и определял отбор фактов. Действие этих фильтров для редакции и сотрудников журнала было двояким. С одной стороны, сохранялось противоречие и даже негативное отношение официальных кругов, представителей различных социальных слоев русского общества к «благоговению перед всем западноевропейским», в частности и к преобразованиям в Англии. Именно поэтому руководство журнала не переставало говорить о «благоразумной осторожности» при сравнении политической жизни и государственного устройства России и Англии. С другой стороны, у русского просвещенного общества существовало стремление пробиться через все «туманы» к Альбиону Королевы Виктории.

Русские публицисты, литераторы, историки, экономисты – сотрудники «Вестника Европы», познакомили читателя с опытом «этой дисциплинированной и деловой нации». Отмечали достижение англичан на «разных поприщах»: в торговле, в приумножении своих территорий, в технических усовершенствованиях и искусстве. Их восхищало богатство Англии, особо выделяли тот факт, что страна представляла величайшую промышленную нацию в мире», «Англия богата, даже очень богата». Впрочем, в статье «Рабочий класс и английское законодательство» отмечалось неравенство в распределении этого богатства между различными классами⁵.

«Вестник Европы», рассматривая положение Англии в последней трети XIX в., выделяя возникшие проблемы, указывает на тот факт, что, сохраняя «свое богатство» (т.е. рост доходов крупной буржуазии Англии), положение рабочего класса ухудшалось. Так, в корреспонденциях из Лондона указывалось, что «спад производства и потеря рынков сбыта привели к росту безработицы. Только в Лондоне насчитывалось около 90000 безработных, а на стороне эта цифра превышала 1 млн человек». Для подтверждения своих утверждений русские журналисты всегда ссылались на наиболее известных и признаваемых в Англии государственных деятелей. Так, в статье «Социальный вопрос в Англии» приводятся слова Чемберлена: «Рабочие от этого богатства не получали ничего. В последние 20 лет ежегодный доход нации увеличился на 60 миллионов, но почти миллион находились на попечении приходских обществ, и другие миллионы людей прозябают на краю той же нужды, не получая пособия. Обширные богатства, созданные современным процессом, распределялись по карманам, отдельные лица и кланы становятся все богаче и придумывают способы расточения денег, которыми они не могут пользоваться. А громадное большинство трудящихся не получили своей доли выгод от благосостояния, которое они помогли создать, и население, равное числу жителей столицы, останется в постоянной нищете»⁶.

В другой статье находим факты, указывающие на то, что массы трудящихся теряли работу и оставались в крайне непрестом, иногда даже в невыносимом положении. «Государственная помощь не идет далее законного попечения бедных; еще менее может сделать частная благотворительность. Армия в 90000 бедных за казенный счет; сверх того, около 500000 людей получают пособия от казны Ирландии, а громадная масса нуждающихся стоит вне этих официальных цифр, пробавляясь ничтожными временными заработками и милостынею»⁷. На страницах журнала авторы высказывают упрек в адрес английских властей за их невнимательное отношение к нуждам низких классов: «остатки средневековых учреждений и порядков упорно сохраняют свое господство, уступая почву лишь шаг за шагом, целью долгой борьбы. Масса населения сознает свои права и добивается реформы; тысячи бездомных поселян и городских рабочих, выброшенных на улицу промышленною и земледельческою аристократией, терпеливо ожидают своей судьбы в разных областях Англии»⁸. Говоря о социальных проблемах, «Вестник Европы», как орган русской либеральной буржуазии, отражая ее стремление к некоторым реформам, отмечал, что в Англии политические партии и их вожди, в том числе и члены кабинета, горячо обсуждают меры к улучшению быта неимущих, столбцы газет наполняются рассуждениями о лондонской нищете, политические деятели заговорили о ней в своих речах, и вопрос о бедных сделался буквально жгучим интересом дня»⁹.

Вместе с тем журнал обращает внимание читателей на тот факт, что предлагаемые проекты социальных реформ, в частности проект Л. Солсбери об устройстве жилищ для бедных за счет государства, представляет собой «нечто вроде государственного социализма», но подробное рассмотрение проекта, по мнению журнала, приводит к убеждению о «чрезвычайной выгоде для собственников, которые... освободятся от законной ответственности за отдачу в наем нездоровых и грязных трущоб», к тому же получать и определенные материальные выгоды, так как будут выкуплены у собственников по соответствующим высоким ценам¹⁰. «Вестник Европы» отмечал, что область для социального реформирования была очень широкой ввиду нерешенных проблем «устройства низких классов». Тем не менее, приняв законодательные акты в этой области (например, закон об улучшении жилищных условий в городах в 1875 г.), правительство продемонстрировало стремление принимать меры к дальнейшему решению жилищной проблемы. После принятия закона и ряда государственных мер наметились сдвиги в разрешении жилищной проблемы: в городах стало меньше трущоб, в рабочих кварталах появились дома, в которых квартиры имели кухни, где были соблюдены все гигиенические требования, имелся водопровод и ваннные комнаты. К домам примыкали маленькие садики для каждого квартиросъемщика. Кроме переустройства рабочих кварталов началось строительство целых деревень для рабочих около фабрик и заводов. Так, в журнале «Вестник Европы» дано описание поселка, построенного около фабрики братьев Кэджбюри: «Коттеджи снабжены санитарными принадлежностями, имеется небольшой огорожок рядом с домом. Эти коттеджи сдавались в аренду рабочим. Владелец требовал от арендаторов соблюдения порядка, на полученные деньги от аренды хозяева периодически делали ремонт, чтобы не допустить снова превращения их в трущобы»¹¹.

Известный русский публицист С.И. Раппопорт отмечал в одной из своих статей, что к концу века даже в сельской местности для сельскохозяйственных рабочих стали строиться типичные сельские английские дома: каменные двухэтажные коттеджи на две квартиры, имеющие водопровод, санузел, палисадник¹².

С.И. Раппопорт считал, что рабочие не только получали хорошее жилье, расположенное в районе их предприятия; время и затраты на дорогу сокращались и могли быть использованы с большей выгодой и пользой. В сельских районах улучшение жилищных условий сельскохозяйственных рабочих, по их мнению, было вызвано необходимостью вернуть их на землю.

Итак, в «Вестнике Европы», особенно начиная с 70-х годов, сравнительно часто появляются статьи, обзоры на тему социально-политического реформирования в Англии. Во многих публикациях журнала дается весьма высокая оценка реформ как «залога расцвета и благосостояния страны», как одного из «средств успокоения умов». Однако редакция, сотрудники журнала указывали на «длительность», постоянно писали о необходимости соблюдать осторожность при проведении реформ, стремились ко всякому сглаживанию классовых противоречий. Именно этим объясняется их отношение к рабочему вопросу. Рисуя тяжелое положение «рабочих людей», указывая на случаи произвола со стороны хозяев, либерально-буржуазный журнал, тем не менее, не делал из этого сколько-нибудь серьезных выводов. Тенденция к «сглаживанию углов» и здесь дает о себе знать. Выход из социальных бед, средства для улучшения жизни и условий труда авто-

ры журнала видели в повышении «образованности рабочих», в улучшении бытовых условий, в мероприятиях правительства.

Так, во всех значительных статьях С.И. Раппопорта в полной мере отражалась позиция журнала. Русский публицист отмечал, что интерес к теме жилищных условий и их улучшения способствовал рассмотрению различных ее аспектов: места проживания (город, пригород, сельская местность), совершенствования условий жизни, комфортности и особенностей проживания. Так, читатели «Вестника Европы» из статей публициста С.И. Раппопорта узнавали о некоторых особенностях проживания в домах, построенных в Лондоне: «Обыкновенно дома в Лондоне были одинакового размера и построены по одному и тому же плану: вследствие этого обитатели одной улицы бывали одного и того же социального происхождения.

Таких случаев, как в большинстве континентальных городов, где в одном доме средние этажи занимали богатые, состоятельные люди, а подвалы и верхние этажи – бедные люди, в Лондоне совершенно неизвестно. Население Лондона располагалось по своему социальному положению улицами, а не этажами. Появились длинные ряды стоящих вплотную домов, отчего Лондон стал городом чрезвычайно растянутым, с низкой плотностью населения. Этим он сильно отличался от Парижа и других континентальных столиц¹³.

Другой особенностью жилищных условий, о которой также пишет С.И. Раппопорт, были коттеджи, которые являлись не только жилищем батрака, но вообще обитателей деревни. Архитектура коттеджей была разнообразной, они строились из песчаника, кирпича, камня. Крыши крыли соломой, черепицей. Коттеджи стояли одиноко, иногда группировались или составляли целую улицу.

Было бы неверным полагать, что журнал сосредоточивал свое главное внимание только на проблемах социально-политического реформирования и его результатах. Уже по первоначальному замыслу, основатели журнала (М.М. Стасюлевича и И.Н. Костомарова) большое место в нем отводили исследованиям, очеркам на темы и сюжеты зарубежной истории. Еще будучи профессором университета, М.М. Стасюлевич читала специальные курсы, посвященные провинциальному быту Франции. Редакция и основные сотрудники «Вестника Европы» стремились приобщить «просвещенное население» России к завоеваниям человеческой мысли, приобретениям культуры, познакомить своих читателей с бытом, нравами, идеями, взглядами, господствующими в различных европейских странах.

Так, в рубрике «Иностранное обозрение», «Корреспонденции из Лондона» журнал помещал статьи, посвященные различным аспектам английской жизни, – обычаям, традициям, роли «образовательного класса», особенностям городской жизни и многим другим вопросам, характеризующим повседневную жизнь различных социальных слоев викторианской Англии. Например, русский публицист, отмечая достоинства и недостатки промышленных городов, писал: «...все лучшие здания, все самые красивые улицы сосредоточены в одном месте, на сравнительно небольшом пространстве, вся же остальная часть города представляет собой утомительно скучную громадную сеть улиц, где жили рабочие, раскинувшуюся на многих квадратных милях. Повсюду над этой сетью высятся гигантские фабричные трубы, беспрепятственно выбрасывающие черные клубы дыма»¹⁴.

Наряду с этим, С.И. Раппопорт представил интересные наблюдения, характеризующие английские города. Интенсивное развитие Великобритании отразилось не только на столице, но и на других небольших городах.

Прежде всего, он обратил внимание на то, что в Англии не было «плохо обитанного провинциализма, преисполненного в иных странах такого трепетного благоговения к столице и ко всему столичному». Лондон, с точки зрения провинциалов, был лишь большим городом с огромным населением, ничем другим не выдающимся перед другими крупными городами. Конечно, в Лондоне было Вестминистерское Аббатство, парламент, Гайд-парк, но и в провинциальных городах было много примечательного. Никаких мод, манер, никаких «умственных» или политических течений английская провинция у своей столицы не заимствовала. Те же самые актеры, певцы, ораторы, которые выступали перед лондонской публикой, выступали и в Манчестере, Глазго, в Бирмингеме и Бристоле, в десятках других городов Англии. Так называемое «английское общество» можно было найти повсюду, не было необходимости «гнаться» за ним в столицу. Высшая аристократия, богатые люди, хотя и имели дома и квартиры в Лондоне, жили чаще в провинции. Лондон, если и привлекал кого-либо из провинции, то «не интеллигента, а рабочего человека, ищущего не развития и образования, а высокого заработка». Подобная ситуация, по наблюдениям С.И. Раппопорта, прослеживается в Центральной Англии, в так называемых «Midlands», объединений нескольких графств, лежащих к северо-западу от Лондона. В целом, русский публицист выделял два типа городов: первый, фабричные, такие как Бирмингем, второй – города так называемой старой Англии. К юго-западу от Лондона можно было перенестись в мир другой Англии. «Фабричные трубы исчезли. Дым и копоть сменялись зеленью полей, рощ и живых изгородей... Вместо каналов с мутной водой появились под тенью ив... разные речонки. Вместо высоких многоэтажных домов новейшей архитектуры попадались одноэтажные невысокие коттеджи». Города цеплялись за старину, как за святыню, не допуская при этом строительства в своих пределах больших заводов и ревностно охраняя старые дома, старые улицы. Даже новые здания строились по старому образцу. Такими городами были, например, Варвик, Стартфорд-на-Авоне. Для них старина была тем же, чем фабрики и заводы для столицы – она их кормила¹⁵.

Сотрудники «Вестника Европы» подчеркивали, что жизнь в провинции ассоциировалась с безмятежностью, достатком, верностью «старой доброй Англии», отмечая при этом, что различные социальные группы индустриализированного британского общества стремились к сохранению традиций, определенного и привычного образа жизни.

Образ англичан формировался у просвещенного русского общества под влиянием статей известных русских публицистов. Так, ведущий публицист И.Е. Уткин в статье «Англия в книге Тэна» обращал внимание современников на «три типа людей, присущих английской нации». Первый тип – это тип здорового сильного и мускулистого человека, второй тип – флегматик, третий тип – это тип сухого, жилистого человека, выработанный тяжелым трудом, «пропитанный энергией».

Автор статьи, используя исследования Тэна, отмечал, что человека первого типа – сильного человека, «огромного роста, большей частью с различным расположением духа», можно встретить и «среди простого люда – солдат, прислуги аристократических домов, и даже среди фешенебельной части населения». У таких людей складывались и особые привычки, и вкусы: они «потребляли огромное количество говядины и овощей без соуса, ... питались обильно и здорово, но удовольствия от такого питания не знали... Как в кушаньях, так и в напитках они не терпели ничего сладкого,пряного,

такой организм не довольствовался французскими винами, ему требовалась водка, пиво, эль, портер»¹⁶.

Второй тип – флегматики. Такие люди, получая известия, не показывали внешним видом произведенный на них эффект, казалось, ничего их не волновало. Им была присуща необыкновенная скупость на слова. Среди них встречались люди образованные, уважаемые, которые с удовольствием принимали у себя дома гостей и присутствовали при самых интересных разговорах, почти не произнося ни слова, не потому что они были невнимательны и рассеяны, – они просто слушали. Если к ним обращались с вопросом, они высказывались в одной фразе и опять замолкали, причем это никого не удивляло, и, чтобы объяснить подобную манеру общения подобного типа людей, говорили, что «они не любят тратить слова».

Третий тип – тип человека «по преимуществу работника», тип человека необычайно деятельного. Подобный тип не останавливается для достижения цели перед какими-либо препятствиями. Природа наделила их таким организмом, что они были способны перенести любые невзгоды¹⁷. Одной из отличительных черт, присущих всем трем типам, на которую обращает внимание Е.И. Уткин, была «наклонность работать», характерная для всей английской нации.

Ссылаясь на размышления Тэна о причинах подобного «сложения характера» англичан, автор пишет, что одной из причин «наклонности работать» являлось «право старшинства и большое количество детей». Вследствие этого каждый невольно должен был напрягать свои силы, чтобы добиться хорошего положения и благополучия. «Факт большого количества детей в семьях, по словам Тэна, говорил о большой смелости и меньшей чувствительности в отличие от народов континентальной Европы. Большей смелости, так как они не боялись обременять себя семьями, они не боялись быть вынужденными работать до самой старости. Менее чувствительны, так как если в Европе родители с ужасом думали о том, чтобы их дети проходили трудную школу жизни и, следовательно, заботились обеспечить их существование и освободить их от работы, в то время как англичане рассуждали, что если они работали всю жизнь, то от чего же не работать их детям»¹⁸. Вторая причина необычной деловитости и энергии англичанина – это суровый климат. Идеалом под английским небосводом была сухая, чистая, хорошо вытопленная квартира, дом, жизнь с верною женою, хорошей хозяйкой, «розовые щеки вымытых и чисто одетых детей». Дом был единственным местом, где человек мог укрыться от неприятностей, невзгод, непогоды. И это все было необходимо англичанину любого класса, любого пола и возраста.

Основываясь на данных, приведенных в статье «Англия в книге Тэна», русский читатель мог сделать вывод, что внешняя сторона человека состоит в тесной связи с его внутренней стороной. Поэтому, если живая внешность отвечала его внутренней живости, легкости, а сонная несколько заspanная фигура русского говорила о его исторической лени и об апатии, педантичное и самодовольное выражение лица как нельзя более связывалось с его внутренними свойствами. То же самое можно сказать и об англичанине. Его внешность ярко отражала внутренние качества: энергичный, настойчивый, упорный, холодный на вид. Непременными чертами типичного англичанина, подчеркивал Е.И. Уткин, являлись холодность, сдержанность в проявлении своих чувств, молчаливость. Он связывал эти качества с глубокомыслием, терпеливостью, выдержкой, целенаправленностью – с основными ценностями – религией, семьей. Но были и такие черты характера, которые у русско-

го вызывали критику, – прагматичность, скупость, расчетливость, а также недоумение. Например, многих поражала холодность в отношениях между членами семьи, бессердечность по отношению к другим, незнакомым людям.

В целом, русский публицист, рассматривая образ англичан, стремился и в этой сфере сгладить «острые углы», объясняя, что «множество нелестных отказов» во многом обуславливалось их натурой, которая протестовала против вмешательства посторонних в их личную жизнь. Многое зависело и от личных качеств людей. Основной особенностью и характеристикой английской жизни и вообще их внутреннего мира была своеобразная двойность, которая проявлялась в сферах их жизни и, особенно, в семейной жизни. Это нашло свое отражение в том, что в своей семейной жизни они были недоступны и холодны для чужих людей, они не сразу пускали людей в маленький, но особенно важный мир – семью. Именно поэтому семейная жизнь английского общества не всегда «заслуживала позитивной оценки». Она не являлась идеальной и образцовой, как и в других странах.

В целом, образ англичан на страницах «Вестника Европы» – это отражение уже сложившегося во многом стереотипа англичанина в русском обществе. Но русские публицисты способствовали обогащению этого образа новыми чертами и характеристиками. На страницах журнала были представлены интересные наблюдения, в частности, раскрывающие образ викторианской женщины и ее роль в формировании и существовании института семьи.

Женщина – жена, мать, являлась краеугольным камнем семьи. На женщине лежало гораздо больше обязанностей, нежели на мужчине. Муж, отец, главным образом, был поглощен материальными заботами, тогда как на жене лежали нравственные заботы. «Узел семьи» заключался в детях, а дети до десятилетнего возраста находились на попечении матери, всецело испытывали влияние женщины¹⁹. Женщина «бросала в ребенка семена», из которых должно было вырасти и раскнуться то или «иное дерево», вот почему было так важно, чтобы женщина была бы не «куклой», а человеком.

Русские корреспонденты «Вестника Европы» отмечали, что не только более чуткое и заботливое отношение к детям, но и тот факт, что женщины привыкли серьезно смотреть на жизнь, еще будучи девочками. Они готовились занять известное положение в обществе, положение жены, налагающее весьма серьезные обязательства. Они знали очень хорошо, что, выйдя замуж, еще не выполняют своего долга, что это только начало, а далее, когда они станут матерями, от них потребуются выполнение иной, более сложной задачи – сделаться разумной воспитательницей своих детей.

Говоря о важной, значительной роли женщины в семье, русские публицисты все же отмечали, что викторианская модель семьи предполагала экономическую зависимость женщины от мужчины. Этот факт очень глубоко укоренился в сознании людей и в своих основных чертах продолжал существовать даже с возникновением нового образа женщины. Даже получив образование, девушки предпочитали «женские профессии» – педагога, медицинской сестры, а после замужества очень часто оставляли работу. Одной из отличительных черт англичанки, на которую обращали внимание русские публицисты, было отсутствие страха превратиться в сухих и претензионных «старых дев», если девушка не выходила замуж. Во Франции и России «старая дева» была существом особенным, принадлежавшим почти ни к какому полу, это «существо», которое не имело никакой цели, кроме злословия, которое не видело смысла жизни. Это тем более было естествен-

но, что в странах континентальной Европы девушкам с малолетства внушали, что единственная цель жизни – замужество. В Англии все было иначе, хотя девушки и стремились выйти замуж – это было естественным желанием, но, не выходя замуж, они не терялись в жизни. Оставаясь в семьях, они не обременяли их, так как непременно становились полезными: они учили детей, делались членами различных комитетов, ассоциацией. Появилась плеяда удивительно «отважных дам – благотворительниц», которые «шли в народ», не гнушались ни общества заключенных, ни компании уличных проституток, ставя перед собой задачу – вернуть этих людей к нормальной жизни. Например, Ан. Ар-вич отмечал, что целью клубов, созданных для девочек и девушек из рабочих семей, было поддержание молодых работниц на «пути честного труда, забота о нравственной поддержке, умственном и профессиональном развитии, учреждение общежитий, занятий, собраний»²⁰. Сотрудники журнала (И. Янжул, Ан. Ар-вич, С.И. Раппопорт) стремились донести до своих читателей мысль о том, что нравственное воспитание и образование представителей «несостоятельных сословий» требует внимания не только государства. Они выделяли тот факт, что система воспитания для девушек и девочек из рабочих семей создавалась на основе благотворительной деятельности представительниц «высших сословий». Жизнь женщин из малоимущих семей оставалась тяжелой: не избавленные от тягот домашних дел, они в то же время пытались зарабатывать деньги, поступая на промышленные предприятия или в услужение.

Большинству статей, несмотря на богатый фактический материал, присущ описательный характер, их авторы осторожны в оценке роли женщины в обществе, они не поднимают вопроса о положении женщины, всячески стремятся сгладить остроту классовых противоречий, акцентируя внимание читателей на главных этапах в жизни викторианки: детство, юность, замужество, ограничение их деятельности сферой частной жизни. Наряду с этим, на страницах журнала высказывались мнения о возможном и необходимом участии женщин в общественной жизни в форме благотворительности, в нетрадиционных формах воспитания молодого поколения (например, женских клубах). Они отмечают появление «женских профессий» и указывают на необходимость усовершенствования системы образования. Особенность публикаций «Вестника Европы» заключается в том, что авторы не ставили перед собой задачи всесторонне осветить характерное для того времени положение женщин к сложившемуся в обществе представлению о них. Они рассуждали о «внутреннем мире» викторианских женщин, оценивали их непростые взаимоотношения с окружающими их людьми, раскрывали облик «респектабельной женщины» и присущие англичанкам позитивные черты характера. Созданный ими образ женщины отличался противоречивостью. В женщине воспитывались качества, делавшие ее пассивной, зависимой от мужчины, но успех в повседневных делах требовал от хозяйки и матери решительных действий. Многие женщины, ощутив узость семейного круга, стали принимать активное участие в работе благотворительных, религиозных и других общественных организаций. Тем не менее, статьи, очерки, опубликованные в «Вестнике Европы», воздействовали на формирование в русском обществе новых представлений о женщине, ее роли в семье и обществе.

Примечания

¹ Вестник Европы. – 1879. – Кн. 12. – С. 438.

² Очерки истории русской журналистики и критики. – Л., 1956. – С. 41.

- ³ Иностранное обострение // Вестник Европы. – 1869. – №7. – С. 402.
⁴ Корреспонденция из Лондона // Вестник Европы. – 1877. – №4. – С. 766.
⁵ Рабочий класс и английское законодательство // Вестник Европы. 1875. – №4. – С. 809.
⁶ Социальный вопрос в Англии // Вестник Европы. – 1884. – №1. – С. 409.
⁷ В Центральной Англии // Вестник Европы. – 1877. – №2. – С. 852-853.
⁸ Вестник Европы. – 1884. – Т. III. – Кн. 5. – С. 386-391.
⁹ Социальный вопрос в Англии // Вестник Европы. – 1884. – Кн. 1. – С. 407.
¹⁰ Социальный вопрос в Англии // Вестник Европы. – 1884. – Кн. 1. – С. 412.
¹¹ Покровская М. Женский клуб по устройству жилищ для бедных за границей // Вестник Европы. – 1898. – Кн. 8. – С. 190.
¹² Раппопорт С.И. В Центральной Англии // Вестник Европы. – 1899. – Кн. 9 – С. 84.
¹³ Раппопорт С.И. Обитатели Лондона и их быт // Вестник Европы. – 1897. – №5. – С. 410.
¹⁴ В Центральной Англии // Вестник Европы. – 1877. – №2. – С. 852-853.
¹⁵ Раппопорт С.И. В Центральной Англии. Заметки и наблюдения. Бирмингем // Вестник Европы. – 1903. – №9. – С. 74-75.
¹⁶ Англия в книге Тэна // Вестник Европы. – 1871. – №3-4. – С. 697.
¹⁷ Англия в книге Тэна // Вестник Европы. – 1871. – №3-4. – С. 697.
¹⁸ Англия в книге Тэна // Вестник Европы. – 1871. – №3-4. – С. 700.
¹⁹ Английские семейные хроники // Вестник Европы. 1871. – №3-4. – С. 306.
²⁰ Ан. Ар-вич. Женские клубы в Лондоне // Вестник Европы. 1900. – №11. – С. 865.

А.Г. ТУМАНОВ

ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Последняя треть XIX ознаменовалась как для Британии, так и для всего мира в целом переходом к империализму, значительными изменениями в общественной и политической жизни, открытиями в науке и технике. Все это способствовало развитию межнациональных и международных отношений. Активизировались научные и культурные контакты между странами.

Англия всегда олицетворялась в России как своеобразный идеал построения западного государства. Некий универсальный образ *классического западного государства*. Весьма важно понять основу складывания таких представлений о Великобритании в русском обществе. Именно от представлений о той или иной стране зависят взаимоотношения сторон в различных сферах. Не случайно в настоящее время правительства большинства стран мира заинтересованы в складывании у своих соседей положительного образа своего государства. Это помогает укреплять экономические, культурные, социальные, политические и научные связи. Конечно, с государством, о котором по большому счету ничего неизвестно, или оно пользуется дурной славой, никто не будет иметь дело. Те же законы работали и в XIX веке. Значительную роль в складывании представления об Англии в России играли периодические издания, в том числе и журнал «Вестник Европы».

Журнал «Вестник Европы» был основан в 1802 году известным российским писателем и историком Н.М. Карамзиным. Деятельность Карамзина в «Вестнике Европы» (1802-1803 гг.) неразрывно связана с общественным климатом начала царствования Александра I, существенным смягчением жесткого цензурного режима, отличавшего царствование Павла I, и с установкой нового императора на реформы. В конце 1803 года Карамзин ради должности историографа покинул основанный им журнал. Особое значение приобретала позиция нового редактора «Вестника Европы». В 1804 году журнал выпускался группой издателей, близких к Карамзину, но уже в 1805 г. «Вестник» был выкуплен М.Т. Каченовским, что ознаменовало собой новую эпоху в ис-

тории издания. В 1808 году «Вестник» ненадолго перешел в руки В.А. Жуковского.

«Вестник Европы» сыграл определяющую роль в становлении русской периодической печати в 1800-е годы. Не будет преувеличением утверждать, что история русской журналистики этого времени – это во многом история именно «Вестника Европы». Журнал выходил два раза в месяц небывалым для той эпохи тиражом – 3600 экземпляров, регулярно издавался в течение 28 лет. Кроме того, «Вестник Европы» Карамзина являлся первым частным политическим журналом в России, сохранявшим значительную степень независимости от идеологической линии государства.

Второй вариант журнала возобновил свой выход в 1866 году под редакцией петербургского профессора истории М.М. Стасюлевича. Воссозданный журнал просуществовал вплоть до 1918 года. В настоящее время идет попытка восстановления журнала и предания ему прежнего статуса ведущего органа, освещающего все основные политические, научные, культурные, экономические события в мире и нашей стране. В 2001 году в свет вышел первый номер возродившегося знаменитого российского журнала, проповедующего идею диалога культур и направлений. Учредители журнала – частные лица: Егор Гайдар, Екатерина Гениева и Виктор Ярошенко.

Для историка, изучающего общественную мысль прошлого, печатное слово имеет первостепенное значение. И, в первую очередь, здесь идет речь о периодической печати. Периодическая печать не только отражает существующие в обществе взгляды и представления, но и сама служит орудием их формирования. Различные виды российской периодической печати играли неодинаковую роль в формировании тогдашних представлений об Англии. Одним из наиболее авторитетных и либеральных печатных органов в России был журнал «Вестник Европы». Структура журнала позволяла ему затрагивать на своих страницах исторические, политические и культурные вопросы. В журнале печатались подробные материалы об английской внутренней и внешней политике, кроме того, в рубрике «Иностранное обозрение» или «Корреспонденция из Лондона» журнал помещал отдельные статьи, посвященные разным аспектам английской жизни. «Вестник Европы» интересен тем, что он не ограничивается голыми фактами, а дает собственную оценку этих событий, знакомит читателей с мнением и взглядами на происходящие в викторианской Англии события различных общественных слоев английского общества.

Значительное внимание в журнале «Вестник Европы» уделено важным для России аспектам жизни британского общества. Это, прежде всего, политическая, социальная и экономическая сферы. Не случайно Н.А. Ерофеев отмечал, что интерес к Англии не ограничивался только возможностью заимствования ее достижений: «Англия, ушедшая далеко вперед в своем экономическом и политическом развитии, служила в какой-то мере моделью, на которую проецировались некоторые проблемы русской действительности. При обсуждении этих проблем опыт Англии – прямо или косвенно – фигурировал часто. Возникла мысль: а как эта проблема решена в Англии и какие получились результаты? Приемлемо такое решение для России или нет?» [2, с. 74]. Конституционная монархия в Британии являлась своего рода недостижимым идеалом для либеральной русской общественности, ведущим органом которой был «Вестник Европы». Неудивительно, что материалы, характеризующие Британскую политическую систему, отражают в основном ее положительные качества. Например: «В Англии сделан был недавно опыт, представляющий собою наглядное опровержение распространенных мнений

о неудобстве парламента для быстрых законодательных мер. В заседании палаты общин, 9 апреля, министр внутренних дел, сэр Вильям Гаркур, внес проект закона об ответственности за незаконное хранение и производство взрывчатых веществ. В полтора часа проект прошел через все стадии, необходимые для сообщения ему силы закона; вслед за тем он передан был в палату лордов и рассмотрен с такой же скоростью, после чего состоялось формальное утверждение его королевской подписью. Чтобы достичь такого поразительного результата, министру достаточно было заявить, что закон нужен немедленно, хотя бы в тот же день» [5, с. 388]. Не меньшего восхищения и зависти, по мнению редакции, вызывает и английская судебная система: «В руках английских судей самые худшие законы получают разумный смысл и остаются без вредных последствий, и никогда не случается там, чтобы и хорошие законодательные постановления извращались практикою в ущерб интересам общества. Доверие к суду и к администрации в такой степени укоренились в Англии, что население может без боязни встречать еще более рискованные исключительные меры, – ибо всякий знает, что применение последних зависит всецело от понимания и доброй совести исполняющих. Наконец, в Англии каждый убежден, что исключительные меры будут отменены тотчас по миновании в них надобности» [5, с. 389]. Во время празднования юбилея королевы Виктории в 1887 году со страниц «Вестника Европы» промелькнула интересная мысль, что благополучие, которого достигла Англия за последнее время, во многом связано с конституционной формой правления в Британии и подчас – занятия королевой роли пассивного наблюдателя за ходом политического процесса: «Английский народ торжественно отпраздновал юбилей полувекового царствования королевы Виктории, и по этому случаю англичане могли с гордостью оглянуться на пройденный путь, на блестящее прошлое, обещающее такие же плоды в будущем. Все английские журналы и газеты переполнены рассуждениями о великих успехах и приобретениях Англии со времени вступления на престол нынешней королевы, и эти рассуждения пыщут самодовольством, в котором нельзя не видеть значительной доли основательности. Роль королевы в этом британском прогрессе была отчасти пассивная, но эта пассивность остается великою и главною ее заслугой» [7, с. 411]. Русские современники следили и за реформами, происходившими в Англии и давали им свою оценку: «Но реформа землевладения едва ли решит все социальные вопросы в стране, где большая часть богатства и труда принадлежит издавна промышленности и торговле» [8, с. 861]. Тщательному анализу подвергалась внутривнутриполитическая и социальная обстановка в Британии: «В Англии социальные вопросы имеют более важное значение чем где бы то ни было: там предстоят еще кризисы, которые давно пережиты в других европейских странах; там готовятся перевороты, – быть может, мирные, – могущие радикально изменить общественное устройство Англии. Феодалная английская аристократия не имела еще своего 4 августа. Остатки средневековых учреждений и порядков усиленно сохраняют свое господство, уступая почву лишь шаг за шагом, ценою долгой борьбы. Масса населения сознает свои права и добивается реформ; агитация против наземных лордов и пагубными для народа привилегиями разрастается все более и более; тысячи бездомных поселян и городских рабочих, выброшенных на улицу промышленностью или землевладельческою аристократию, терпеливо ожидают улучшения своей судьбы в разных областях Англии. Демократическое движение делает непрерывные успехи, завладевая постепенно материальною, общественною жизнью и за-

конодательством. Правительство идет осторожно навстречу новым течениям, стараясь обойти подводные камни и избегать опасных толчков» [9, с. 387]. Особого внимания заслуживает отношение русского общества к весьма болезненному вопросу британской внутренней политики, а именно – к «ирландскому вопросу». Интересно, что борьба за независимость Ирландии поддерживалась русским обществом меньше, чем борьба народов Индии: «Я уже неоднократно говорил, как следует относиться к этим жалобам или, вернее сказать, к этим иеремиадам, которые находили эхо в мире, благодаря корыстной поддержке католиков всех стран. Нет ничего, на мой взгляд, презрительнее лицемерия, не говоря уже о том, что эта манера выдавать себя за угнетенных, наносит ущерб интересам тех, кто в самом деле, угнетен, отвлекая от них интерес, который должен был бы выпасть им на долю. С этой целью я часто приводил примеры мнимой угнетенности Ирландии» [12, с. 817-818].

Весьма интересно отметить и представления редакции журнала о простых англичанах, путешествовавших по миру, о степени их гордости и защищенности: «Каждый гражданин Англии, пребывая в чужой стороне, сознает в себе частицу национальной силы, поддерживаемой энергичным правительством и непобедимыми броненосцами, – он всегда уверен в своей личной неприкосновенности, в твердости своих прав и в надлежащей защите их со стороны метрополии» [6, с. 395]. Отмечая, что «Английские руководящие газеты отлично исполняют дипломатические обязанности – иногда лучше и успешнее дипломатов по профессии» [6, с. 408] или, поражаясь возможностью издавать независимые издания народам колониальной империи – «в самом Лондоне издается индийский журнал, проповедующий освобождение народов Индии. Этот журнал ссылается на пример Англии, которая достигла свободы при помощи непрерывной настойчивости и терпения. Печать, имеющая многочисленных представителей в Индии, пользуется необычайной свободой мнений» [6, с. 409], с завистью характеризуют свободу и значение печатного слова русские журналисты в Великобритании. Похвальных оценок заслуживала и система британского образования. Вот, например, одна из цитат: «Несомненно один факт: что непроходимое невежество бедного населения Лондона начало немного смягчаться под влиянием совета, насчитывавшего в начале нынешнего года сто двенадцать тысяч детей в своих школах» [13, с. 920]. Кроме того, в ряде номеров журнала давалась характеристика современного положения британской науки, литературы и искусства, например, статья А. Геньяра «Наука и литература в современной Англии» [1, с. 200-237]. Это весьма важно, так как простой российский обыватель мог познакомиться и составить собственное представление о развитии культуры и науки в Великобритании, сравнить отечественные достижения с иностранными.

Наиболее остро противоречия двух держав отражены в характеристике журналом внешнеполитических событий последней трети XIX века, хотя еще накануне Крымской войны в России окончательно оформился образ «коварного Альбиона» [2, с. 300]. Соперничество двух величайших империй XIX века проявило себя особо остро в Азии и на Балканах. Этому способствовало резкое обострение англо-русских противоречий в Центральной Азии в 1870-х гг., а также пересмотр итогов русско-турецкой войны 1877-1878 гг., когда Великобритания не дала России воспользоваться плодами ее победы над Османской империей. Российский генеральный штаб ревниво следил за всем, что делалось в британских вооруженных силах. Особое

внимание уделялось тем частям Британской империи, которые могли стать театрами войны в случае столкновения России и Великобритании.

Явной была агрессивность внешнеполитической линии ряда политических деятелей Британии для российских современников: «Кроме небольшого меньшинства, едва ли кто-либо в Англии относится к войне иначе, чем с чувством ужаса. Но они (не одобряющие войны в принципе) готовы исполнить свой долг; они проникнуты решимостью сохранить честь, вверенную их защите и передать потомкам полученную от отцов империю, в нетронутым виде» [3, с. 781]. К тому же, русское общество всерьез опасалось войны с Англией, особенно во время русско-турецкой войны с 1877-1878 гг., что и отражают материалы журнала «Вестник Европы»: «Нам явно угрожает Англия. Английский флот и русские войска остаются вблизи Константинополя, английские войска стягиваются в Европу... вопрос представлялся бы в сущности все в том же виде, а именно, что если только Англия может решиться на войну, то война непременно будет» [14, с. 362-367]. Интересно сравнение канцлера Германии Отто фон Бисмарка, характеризующее борьбу государств и их потенциал, приведенное в одном из номеров журнала: «Борьба между “слоном и китом”» [10, с. 388]. Таким образом, как видно из материалов журнала, в России вину за обострение международной ситуации не беспочвенно возлагали на английское правительство. Российские современники понимали важность колониальной политики для Британии и какие огромные средства, которые тратились на нее: «Афганская война обошлась Англии в двадцать три миллиона четыреста двенадцать тысяч фунтов стерлингов. Не будь этой войны, бюджет Индии дал бы излишек, теперь же он дал дефицит. Это дает понятие о том, во что обходится Англии “имперская политика”» [11, с. 390].

Интересно отношение русского общества к британской колониальной политике в Африке, регионе мира, где интересы России и Англии не сталкивались, особенно во время событий англо-бурской войны. «В лучшем случае Трансвааль только отстоит свою независимость, но Британская империя останется такой же. Трансвааль борется за свое существование». – Так осуждающе рассуждали русские публицисты со страниц журнала [4, с. 372]. Вся европейская печать осуждала создание концентрационных лагерей, а также условия содержания пленных буров. Не были исключением и русские издания. Как известно, царская Россия не имела колониальных владений на территории Африканского континента и не имела экономических интересов в Южной Африке. Осуждая войну Англии, она преследовала свои цели, это был один из этапов «большой игры», которую вели Россия и Англия за свои внешнеполитические интересы. В последней трети XIX века отношения между Россией и Англией складывались очень трудно. Что полно отражено в русской печати данного периода, в частности, на страницах журнала «Вестник Европы». Это было вызвано острыми политическими противоречиями двух государств в Средней Азии, Иране, на Балканах. Со страниц «Вестника Европы» осуждалась внешняя политика Англии во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов, британская политика в Афганистане и Средней Азии, а также и во время англо-бурской войны. Материалы журнала дают возможность проанализировать отношение русского общества к международной политике Великобритании. Как правило, общественность и редакция журнала освещали внешнеполитическую линию Англии с негативной точки зрения.

Итак, журнал «Вестник Европы» является ценнейшим источником по истории викторианской Англии последней трети XIX века. Благодаря тща-

тельному отбору и разносторонности публикуемых в нем материалов ему удавалось освещать происходившие события в различных сферах жизни британского общества. Это не только внешняя политика и экономика, но и культура, наука, образование. Знакомя читателей с Англией, журнал во многом влиял на формирование общественного мнения об этой стране. Помимо таких рубрик, как «Корреспонденция из Лондона», «Иностранное обозрение», отдельным аспектам событий с островного государства посвящены статьи постоянных авторов журнала. Стоит отметить что, несмотря на свой научно-публицистический характер, материалы журнала изложены весьма простым и доступным языком: это во многом объясняется тем, что он был направлен на широкий круг читателей по всей России. Конечно же, либеральный русский журнал восхищался многовековым британским парламентаризмом, судебной системой. И не скрывал желания перенесения ряда институтов, таких как парламент, на русскую почву. В стране с ожесточенным, наделенным абсолютной властью монархом подчас с нескрываемой завистью наблюдали за перипетиями парламентской борьбы в Англии, сменой кабинетов, борьбой партий. Являясь своеобразным эталоном западного государства, олицетворяя в глазах русских современников ценности, чаяния, желания западной цивилизации, Великобритания и события, происходившие в ней, вызывали огромный интерес со стороны читателей. Именно в связи с этим редакция журнала уделяет этой стране столь пристальное внимание. Практически в каждом выпуске значительное место отдано под освещение политических событий с «туманного Альбиона».

В целом, на наш взгляд, материалы журнала весьма конструктивны, с точки зрения подходов к критике происходящего. Хотя ряд событий, особенно касающихся внешнеполитических контактов Англии и России, отражены более выгодно со стороны последней. Но это и не удивительно, так как весьма часто оба государства выступали как конкуренты в большой политической игре, в различных частях света. Отстаивая свои национальные интересы, правительства сторон могли всецело рассчитывать на поддержку абсолютного большинства населения, что и отражает содержание журнала «Вестник Европы». Как это ни странно, будущие союзники по Антанте, в последней трети XIX имели огромное количество не решенных споров и противоречий в своих внешнеполитических отношениях. Однако, несмотря ни на что, диалог никогда не прекращался как на уровне правительственных контактов, так и на частном уровне.

Помимо освещения внутри- и внешнеполитических событий заслугой редакции является стремление показать жизнь простого человека в Великобритании, попытаться передать читателям его переживания, образ жизни, интересы. И это не удивительно, так как в эпоху правления королевы Виктории происходят изменения в повседневной жизни англичан, большее влияние получают представители среднего класса. В моду входят занятия спортом, велосипедные прогулки за город, действуют различные клубы.

Кроме того, широкому кругу российской общественности рассказывалось о литературных и театральных новинках Британии, о научных и технических достижениях, что также было весьма важно, знакомя россиян с культурой столь далекой и во многом не похожей на Россию страны.

Таким образом, журнал «Вестник Европы» – интереснейший источник по истории Англии последней трети XIX века, потому что в нем не только освещены происходившие события, но и потому, что он являлся проводником представлений об Англии в России. Изучая мнение редакции по тому

или иному факту, можно практически полностью понять отношение к нему российского общественного мнения.

Литература

1. Геньяр А. Наука и литература в современной Англии / А. Геньяр // Вестник Европы. – 1876. – Кн. №7. – С. 200-237.
2. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 / Н.А. Ерофеев – М.: Наука, 1982. – 320 с.
3. Иностранное обозрение – Военные настроения в Англии: Речь лорда Сольсбери и Чамберлена // Вестник Европы. – 1898. – Кн. №12. – С. 778-787.
4. Иностранное обозрение – Гаагская конференция и трансваальская война – неудачи англичан в Южной Африке // Вестник Европы. – 1900. – Кн. №1. – С. 336-374.
5. Иностранное обозрение – Исключительные законы в Англии и их исключительный характер // Вестник Европы. – 1883. – Кн. №5. – С. 373-389.
6. Иностранное обозрение – Отношение Англии к державам материка – Внутренние дела во Франции и Англии – Индийская политика // Вестник Европы. – 1884. – Кн. №9. – С. 391-409.
7. Иностранное обозрение – Политические заботы Англии и юбилей королевы Виктории // Вестник Европы. – 1887. – Кн. №7. – С. 398-414.
8. Иностранное обозрение – Социальный вопрос в Англии – Британская нетерпимость // Вестник Европы. – 1883. – Кн. №6. – С. 851-868.
9. Иностранное обозрение – Социальная реформа в Англии // Вестник Европы. – 1884. – Кн. №5. – С. 379-396.
10. Корреспонденция из Лондона: Военные приготовления и боевые силы Англии // Вестник Европы. – 1878. – Кн. №5. – С. 372-388.
11. Корреспонденция из Лондона: Ирландские дела и экономическое положение Англии // Вестник Европы. – 1881. – Кн. №11. – С. 382-401.
12. Корреспонденция из Лондона: Новейшие передраги в «Британской колониальной империи» // Вестник Европы. – 1879. – Кн. №8. – С. 805-820.
13. Корреспонденция из Лондона: Турецкий вопрос и борьба кабинета с оппозицией // Вестник Европы. – 1876. – Кн. №12. – С. 907-921.
14. Хроника – иностранная политика – мир или война // Вестник Европы. – 1878. – Кн. №5. – С. 362-372.

В.И. КЕЙДАН

РУССКИЕ В ИТАЛИИ: ИЗ ИСТОРИИ ЗАГОВОРА НАКАНУНЕ ВИЗИТА НИКОЛАЯ II В РИМ

В дооктябрьский период в оперативной работе европейских спецслужб особое внимание уделялось нелегальным встречам российских революционеров за рубежом, готовившимся заговорам (реальным или мнимым) и инакомыслию во всех слоях общества. Особое место среди источников по указанной теме занимают документы секретных досье, заведенных спецслужбами на русских эмигрантов и их итальянских друзей, хранящиеся в римском Центральном государственном архиве (*Archivio Centrale dello Stato – ACS*). Форматом, по которому были отобраны документы исследования, являются встречи и беседы русских итальянцев, которые проходили во время застолий в римских тратториях, ресторанах и на пирах в частных домах, зафиксированные чутким ухом агентов итальянской спецслужбы. Разумеется, источник (секретная агентура) и адресат (руководство служб безопасности) определили специфику этих текстов – недоверие государства к собственным гражданам и иностранцам в условиях ограниченной демократии, военного положения и угрозы терроризма до 1922 года. Под наблюдением находились не только политически ангажированные иностранцы и их итальянские друзья, но и большинство деятелей культуры российского происхождения, которые *a priori* подозревались в подрывной деятельности. Эти сведения позволяют восстановить некоторые моменты реальной картины

частной и публичной жизни русских эмигрантов в Италии в начале XX века, в частности – попытки революционеров сорвать визит русского императора Николая II в Италию. Эта поездка входила в планы русской дипломатии для получения гарантии *status quo* на Балканском полуострове вопреки планам Австро-Венгрии и Германии.

Первая из документально зафиксированных встреч группы российских и итальянских подданных произошла 7 октября 1906 года в ресторане гостиницы «Эсквиллин» на виа деи Поцци № (Garbatella). В центре ее – русский социалист Иван Тимковский, приехавший в Рим для организации здесь Русской секции Союза трудящихся (*Associazione del lavoro*), и член редакции газеты «Аванти» Паоло Старби, оба – участники съезда Римского Социалистического союза на улице Марморелле (*Casilina*). Аналогичные группы были организованы в Неаполе и Турине. Это первое объединение русских рабочих в Италии просуществовало недолго из-за нелегальности, нестабильности и политической пассивности контингента¹. В самой России революционное движение пошло на спад, и многие активисты радикальных партий вынуждены были эмигрировать.

В январе 1908 на улице Делле Дзюколетте «состоялось собрание представителей всего спектра русских революционеров (от эсеров до кадетов) с целью создания клуба для встреч революционеров всех мастей, под руководством неназванного лица» (и вероятного информатора полиции – ВК), которого, согласно донесению, «всегда можно найти в Траттории, а по вечерам в кафе «Кастеллино» на площади Венеции»². Это была только организационная подготовка. Резкое повышение террористической опасности со стороны российских эмигрантов наступило в 1909 году на фоне разоблачения провокаторской деятельности в руководстве боевой организации партии социалистов-революционеров Евно Азефа. В свою очередь, ощутимый удар по полицейской агентуре нанесли чиновники по особым поручениям Михаил Бакай (1907–1908 гг.) и Леонид Меньшиков (1909–1911 гг.). Выехав за границу, они опубликовали имена около 400 платных осведомителей Охранного отделения, чем причинили непоправимый ущерб всему политическому сыску на много лет вперед. На октябрь 1909 года был намечен официальный визит в Италию российской императорской семьи по приглашению итальянского монарха Виктора-Эммануила III. Российский министр иностранных дел А.П. Извольский получил анонимное письмо, содержавшее резкие угрозы в адрес Николая II, которое было передано руководству итальянской полиции через российского поверенного в Италии барона Михаила Корфа: «Я предупреждаю Вас, что Его Величеству угрожает неизбежная смерть. Заранее организованная группа заговорщиков решила убить Царя. Все участники поклялись совершить эту акцию, во что бы то ни стало. Даже если первое покушение не удастся, будет совершено второе, третье... Мы собрались в Риме в количестве 20 человек: 5 итальянцев, прекрасных стрелков из револьвера, того же типа, из которого был убит Король Умберто; 2 француза, 5 немцев, 5 испанцев, 2 австрийца и поляк. Все двадцать получили университетское образование, это хорошо воспитанные господа, одетые в модную дорогую одежду. Остальные заговорщики рассредоточены по основным австрийским и итальянским городам, находящимся по маршруту следования царской фамилии. Всего нас около сотни. Ни австрийская, ни итальянская полиция не в состоянии помешать нашему заговору. Следовательно, вам не удастся сохранить жизнь вашего Царя. Это обещаем вам мы, анархисты! Если Царь решит направиться в Италию, он будет убит. Наш заговор согла-

сован с Русскими революционными комитетами в Риме, Париже и Петербурге»³.

Это письмо, по-видимому, должно было изменить планы железнодорожного маршрута в пользу морского пути, чтобы создать условия для теракта с помощью подводной лодки. Планы покушения на Николая II в 1907-1911 годах, во время его европейских визитов с помощью микросубмарины и ее технические характеристики опубликованы российским исследователем К.Н. Морозовым в статье «Нет веры в револьверы». Реализация проекта оценивалась в 70 тыс. рублей, которые предполагалось добыть с помощью экспроприации, сорвавшейся из-за ареста осенью 1907 года руководителя всей операции.

Итальянские социалисты, внешне не поддерживавшие террористов, организовали мощную агитационную компанию в парламенте, прессе и в рядах профсоюзов. Был создан специальный «Комитет противодействия царскому визиту», с филиалами во многих городах Италии, устраивавший митинги, демонстрации и распространявший антицаристские листовки⁴. Тем не менее, Николай II прибыл в Италию морским путем через Анкону, оставив семью в России. Сухопутный маршрут до Рима был проделан императором и его свитой по железной дороге, вдоль которой каждые 50 метров стоял карабинер, а все промежуточные станции были оцеплены и закрыты для входа пассажиров. 22 октября король и царь прибыли в Рим. После краткого отдыха торжественная процессия, состоявшая из пяти закрытых автомобилей, которую возглавили оба монарха и мэр Рима Эрнесто Натан, направилась от Царской резиденции на проспекте Кастро Преторио, 68. Проехали по улице Национале до гостиницы «Ла Паче», затем свернули на улицу Пилота, площадь Треви, площадь Испании. Здесь к ним присоединился барон Михаил Корф, поверенный в делах России. Отсюда они двинулись по улице Кондотти, площади Колонна и площади Капраника и достигли Пантеона около 3.30 пополудни. Здесь произошло возложение памятного венка на могилу Короля Умберто I⁵.

Программа пребывания царя в Риме во избежание беспорядков на этом закончилась, на следующий день после краткого банкета в узком кругу придворных монархи прибыли в Раккониджи, королевский замок под Туринном. Здесь их встретила демонстрация противников визита, одним из организаторов которой был 18-летний социалист Пьетро Ненни (1891-1980), будущий лидер партии, который в тот день был впервые арестован.

Несмотря на попытки сорвать переговоры, было заключено соглашение, которое нанесло решающий удар по Тройственному союзу и обеспечило выход Италии из этого блока. Это был секретный договор о совместном противодействии австрийской экспансии на Балканах. Италия обязалась «относиться благожелательно» к русским интересам в проливах, а Россия – к интересам Италии в Триполитании и Киренаике. Таким образом, Извольский, прежде чем уйти с поста министра иностранных дел, добился превращения его устной договоренности с итальянским министром иностранных дел Титтони в формальное соглашение. Здесь, в замке, в обстановке секретности был подписан договор между Италией и Россией о сохранении *status quo* на Балканах и о взаимном соблюдении территориальных интересов, положивший начало перехода Италии из Тройственного союза с Германией и Австро-Венгрией в Антанту.

Этот внешнеполитический разворот четвертый год наблюдал и регулярно комментировал римский корреспондент российской правой газеты «Новое время» Михаил Семёнов. В молодости он слыл левым, сторонником

марксизма, в 1897 году издавал журнал «Новое слово», в котором печатались Ленин, Плеханов и Горький. За публикацию рассказов последнего журнал к концу года был закрыт. В 1904 году он вместе с поэтами В. Брюсовым, Ю. Балтрушайтисом и предпринимателем и переводчиком Сергеем Поляковым стал одним из основателей символистского журнала «Весы». Начиная с 1900 года, большую часть жизни он проводит в Европе, выбрав судьбу вечного студента, скитается по университетам Германии и Швейцарии, изучает философию и историю искусств, но так и не получает никакого диплома⁶.

За восемь месяцев до визита русского императора было совершено преступление, как выяснилось, связанное с будущим приездом монарха. Загадочное убийство иностранца в феврале 1909 года в Риме несколько месяцев держало в напряжении итальянскую полицию, но так и осталось нераскрытым. 15 февраля 1909 года в пансион на улице Фраттина вошел неизвестный, записавшийся в журнале гостей под именем Владимир Тарасов. Он снял номер на четвертом этаже и заплатил задаток за неделю вперед. Вечером того же дня он вновь появился в сопровождении двух мужчин, которые принесли с собой длинный дорожный сундук. Все трое были уже навеселе, так как по дороге зашли в находившийся неподалеку винный погребок «Золотой грот», в чем Тарасов признался хозяйке (отметившей сильный иностранный акцент), и он же приказал горничной принести им в номер кувшин вина и стаканы. К полуночи двое из гостей, пошатываясь, спустились вниз и, сказав, что выйдут прогуляться, удалились. К утру гости не вернулись, но хозяйка, зная, что в номере остался третий гость с тяжелым сундуком и деньги внесены, не волновалась. Дверь в номер была закрыта. Прошла неделя, и жильцы из соседних комнат начали жаловаться на тяжелый запах на 4-м этаже. Вызвали полицейского, и он в присутствии хозяйки и слуг открыл дверь запасным ключом. Запах исходил от сундука, стоявшего у кровати. Полицейский поднял крышку и все с ужасом увидели втиснутый в узкий сундук скрюченный труп молодого мужчины, тронутый разложением.

В течение полутора месяцев труп был выставлен для публичного опознания в специальной морозильной камере под стеклом в морге Поликлиники Умберто I. Все итальянские газеты ежедневно публиковали новые догадки, подозрения и версии относительно жертвы и убийц, впоследствии опровергаемые. Лишь через полтора месяца труп был опознан по этикеткам на одежде и отпечаткам пальцев покойника. Это был первый случай использования дактилоскопии в следственной практике! Им оказался член Польской партии социалистов, Эдмунд Тарантович⁷, сбежавший из краковской тюрьмы, где ожидал исполнения смертного приговора за убийство нескольких полицейских во время ограбления банков. Ради сохранения жизни Тарантович под следствием выдал многих соучастников и организаторов налетов. Есть основания предполагать, что боевая организация устроила побег и направила его в Рим, чтобы дать ему шанс «искупить вину перед товарищами по партии» путем организации покушения на русского императора во время его визита. В случае, если Тарантович останется жив и сумеет скрыться после покушения, ему обещали с чужим паспортом переправить в Америку. Однако агенты Охранного отделения, внедренные в крути российских эмигрантов-эсеров в Италии, получили задание без лишнего шума устранить профессионального террориста. В день его прибытия во время ужина с друзьями в пансионе он был отравлен цианистым калием, добавленным в бокал вина. Так показала медицинская экспертиза.

Итальянская полиция, которая давно вела наблюдение за друзьями Гарантовича и знала об их работе в качестве двойных агентов, была предупреждена об этой операции и не дала довести следствие до конца, чтобы не раскрыть агентурную сеть в среде русских революционеров, о чем позже свидетельствовал миланский квестор А. Бонди⁸.

В мае в газете «Трибуна» было опубликовано факсимиле анонимного письма, автор которого на неправильном итальянском языке предлагал полиции вызвать для допроса по делу об убийстве двух русских, проживавших в Риме: графа Валентина Зубова, историка искусства и коллекционера, и дворянина Михаила Семёнова, журналиста. Зубов к тому времени покинул Италию и не был допрошен, а Семёнов явился на допрос, в ходе которого ему была предъявлена визитная карточка с его именем, найденная при тщательном обыске в номере жертвы.

Протокол допроса, как и все следственное дело об убийстве, через два года было закрыто и по закону впоследствии уничтожено, так как не было доведено до суда «за ненахождением виновников преступления». Во время допроса Семёнов (по его словам) неожиданно опознает по почерку автора анонимного доноса – это российский подданный Моисей Берлянд из Кишинева. В изданном через 30 лет (!) мемуарном очерке Семёнов так описывает их первую встречу и диалог: «Однажды осенним вечером 1909 года сидел я, как обычно, в третьем зале кафе “Араньо”⁹ и читал “Новое время”¹⁰, единственную поступавшую сюда русскую газету. Вдруг подходит к моему столу кудрявый рыжеватый блондин высокого роста, типично еврейской наружности.

– Я вижу, вы русский. Позвольте один вопрос. Я собираю деньги в фонды будущей русской революции и в помощь бедным русским революционерам, – говорит он, доставая подписной лист.

– Я противник революции в России и не симпатизирую русским революционерам, – ответил я¹¹.

– Я и не ожидал другого ответа от человека, читающего эту грязную газету, – парировал незнакомец и, бросив на меня ненавидящий взгляд, удалился¹².

Газета «Новое время» была по преимуществу газетой антисемитской. Я уже достаточно давно жил в Италии, занимался художественными исследованиями и поисками материалов для Института Истории искусств, который мы с моим другом графом Валентином Зубовым задумали открыть в Петербурге».

Как утверждает Семёнов в своем мемуарном очерке, по настоянию Римского квестора он возбудил в Римском трибунале иск против Берлянда о клевете и оскорблении своего достоинства. Через два месяца в еще не до конца отстроенном римском Дворце Правосудия состоялся суд, на котором на стороне Семёнова выступил известный адвокат Иньяцио Шимонелли¹³, а Берлянда защищал сенатор Сальваторе Барцилаи¹⁴. Были допрошены десятки свидетелей защиты, показания которых сводились к тому, что Берлянд просто безответственный болтун, которого надо простить, учитывая его молодость и страдания, выпавшие на его долю на родине (он был свидетелем страшного Кишиневского погрома 1903 г.). Суд, тем не менее, признал подсудимого виновным и приговорил его к четырехмесячному заключению (включая уже отбытое предварительное) и последующей высылке из страны.

Таков один из сюжетов, который дополняет историю подготовки визита русского императора в Вечный город и раскрывает ранее неизвестные факты из жизни русских эмигрантов в Италии.

Примечания

¹ ACS, PS, 1906. b.1 PREFETTURA DELLA PROVINCIA DI ROMA a DGPS. Oggetto: Emigrati russi, riservato. Roma, 1906. – 19 settembre.

² Roma, 16.01.1908. Prefetto di Roma a DGPS. ACS, DGPS, 1908, b.8, fasc.18.

³ ACS, DGPS, 1908, b.8, fasc.18. A.S.E. Roma. 1909.08.16. По данным Охранного отделения, чьи секретные сотрудники уловили ходившие в эмигрантских эсеровских кругах слухи, проект разрабатывался для организации цареубийства и оценивался в 80 тыс. рублей, из-за чего и был отклонен. О возможном авторе проекта известно лишь следующее. В ноябре 1910 года администрация одной из тюрем узнала от своего доносчика о рассказах одного из заключенных о готовившемся эсерами покушении на царя с помощью подводной лодки во время посещения им Италии. Допрошенный, некто Миколитч, показал, что, работая летом-осенью 1907 г. в Барановичской эсеровской организации, он узнал о плане покушения на яхту царя при помощи подводной лодки. По его словам, «весь план покушения был разработан на бумаге в виде вычислений и в виде чертежей», отношение к нему имели члены Барановичского комитета Викентий Мороз (у него хранились бумаги) и Елья Цейтлин. Реализация проекта оценивалась в 70 тыс. рублей, которые предполагалось добыть с помощью экспроприации, сорвавшейся из-за ареста осенью 1907 года руководителя всей операции. Возможно, это письмо должно было изменить планы железнодорожного маршрута в пользу морского пути, чтобы создать условия для теракта с помощью подводной лодки. Ср.: К.Н. Морозов, канд. ист. наук: Нет веры в револьверы: эсеровская террористическая техника и планы «авиационного» и «подводного» покушения БО ПСР на Николая II в 1907-1911 гг.

⁴ Archivio dello Stato di Roma. Questura. 123. Busta 371. Materiali del Comitato nazionale di protesta per la venuta dello Czar. 1909. – P. 108.

⁵ ACS, DGPS, 1909. Письмо барона М.Корфа квестору Рима. 22.08.1909.

⁶ См. о нем: Полное издание воспоминаний: М.Н. Семёнов. Вакх и сирены / Подготовка текста и коммент. В.И. Кейдана; вступ. ст.: В.И. Кейдана и Н.А. Богомолова. – М.; НЛО, 2008.

⁷ Эдмунд Тарантович (1884-1909), мелкий служащий Люблинского муниципалитета, член террористического крыла Партии польских социалистов, совершивший несколько убийств полицейских и государственных чиновников. Находясь под следствием, согласился сотрудничать с Охранным отделением и до отъезда на Запад разоблачивший нескольких боевиков ППС. Важные сведения о Тарантовиче содержатся в тюремном дневнике Ф. Дзержинского: «28 июня 1908. Рядом со мной (...) несколько дней сидел товарищ из Люблина. Ему сообщили, что его узнал провокатор Эдмунд Тарантович и что он обвиняет его в убийстве почтальона и пяти солдат. Виселица верная. Говорят, что этот провокатор выдал целую организацию ППС и настолько занят разоблачениями и показаниями, что следователям приходится ждать очереди, чтобы его допросить. (...) 25 августа 1908 слушалось дело 11 радомчан, обвинявшихся в принадлежности к ППС и в нападении на монополюшки 1. Две женщины оправданы, остальные девять человек, в том числе два предателя, Гаревич и Тарантович, приговорены к смерти. Приговор был смягчен. Одному предателю смертная казнь заменена шестимесячным (!) тюремным заключением, другому – ссылкой на поселение, остальным заключенным – каторжными работами от 10 до 20 лет. Этот Тарантович сидел некоторое время рядом со мной, называя себя Талевичем. Это он жаловался, что приходится умирать в таком молодом возрасте, и уверял, что, если бы ему было 40 лет, за ним было бы не 17 дел, как теперь, а гораздо больше...».

⁸ Bondi Augusto. Rivelazioni Postumi alle «Memorie di un Questore». – Milano, 1913.

⁹ Кафе «Араньо» (открыто в 1870 г.) на улице Корсо в Риме – любимое место встреч литераторов, журналистов, художников и политиков. В первой трети XX века сюда приходили маститые художники и молодые авангардисты. За простыми железными столами с мраморными столешницами в спорах зародился футуризм, здесь обсуждались идеи авангардистских журналов «Valori Plastici» и «La Ronda», сталкивались взгляды классицистов и экспрессионистов. Третий зал, находившийся в самой глубине кафе, называли «святое святых», здесь собирались постоянные посетители. Семёнов встречался здесь с художниками для оценки их картин и оказания посреднических услуг при продаже.

¹⁰ «Новое время», одна из крупнейших русских ежедневных газет, выходила в Петербурге с 1868 года до закрытия большевиками в ноябре 1917 года. Первоначально придерживалась либерального направления, с переходом издания к А.С. Суворину (1876) – консервативного. С 1905 года – орган черносотенцев.

¹¹ Ранее, по признанию самого Семёнова, он примыкал к ленинскому крылу РСДРП и участвовал в распространении нелегальной литературы. Изменение политической ориентации Семёнова произошло, по-видимому, несколькими годами раньше, что отмечено его коллегой по издательской деятельности, С.А. Соколовым, который в 1906 году писал: «...нередко иные органы под маской чистого Искусства скрывают «чистое» черносотенство. Этим последним теперь пахнет очень сильно в «Весах». С.А. Поляков недавно в заседании Литературной комиссии Литературно-Художественного кружка, возражая мне при обсуждении приглашаемых

лекторов, не постеснялся заявить, бия себя руками в грудь, что он желал бы пригласить Грингмута. Один из ближайших участников «Скорпиона» Семёнов (говорят, некогда радикал) открыто называет себя членом Союза активной борьбы с Революцией...». Цит. по: *Богомолов Н.А., К истории «Весов»: Переписка В.Я. Брюсова с Семёновым – «Свет мой канет в бездну. Я вам оставлю луч...»*: сб. публ., ст. и материалов, посвященных памяти В.В. Мусатова. – Новгород, 2005.

¹² Там же.

¹³ Шимонелли Иньяцио (Scimonelli Ignazio), (1875-1928), адвокат по уголовным делам. Оратор исключительной силы и таланта, знаменитый по всей Италии. Умер от разрыва сердца во время произнесения защитительной речи в Апелляционном суде во Флоренции.

¹⁴ Барцилаи Сальваторе (1860-1939), родился в Триесте в еврейской семье, адвокат, сенатор от Триеста с 1890 по 1919 годы.

Д. КОДАЙОВА

ОБРАЗ РОССИИ У С.Г. ВАЯНСКОГО И Т.Г. МАСАРИКА: МЕЖДУ РУСОФИЛЬСТВОМ И ЕВРОПЕИЗМОМ

С тех пор, как Петр I открыл окно в Европу, Россия прошла сложный путь самоидентификации. Составной частью этого процесса было складывание отношений между Россией и Европой. Этот процесс имел два альтернативных подхода: Россия в Европе или Россия вне Европы. Обе альтернативы включали вопрос отношения России к славянским народам. Последователи каждого подхода решали теоретические задачи для объяснения своей версии во взаимных дискуссиях. Апофеозом полемики, которая проходила в 1840-1850-е годы, стали споры западников и славянофилов, в которых прозвучали основные постулаты славянофильства. Согласно им, Россия по своему духу, культуре и православной истории – славянская держава, которой предстоит задача духовно возродить европейскую христианскую цивилизацию и одновременно стать духовным и политическим объединителем славянских народов.

Публикация славянофильских теоретических работ хронологически совпала с процессом национальных движений славянских народов, в которых важную роль сыграла идея славянской взаимности. Революция 1848-1849 годов не оправдала ожиданий, что будут решены национальные, политические и культурные требования народов, что усилило у их политически ангажированных лидеров прорусскую ориентацию. Эта позиция исходила из предположения, что народам, объединившимся вокруг России, удастся решить свои политические задачи. Процесс такого объединения, с политической точки зрения, оставался неясным и открытым. С другой стороны, открыто и прямо декларировалась необходимость культурного сближения и взаимного сотрудничества славян с Россией. Импульсом к усилению русофильской ориентации славян Габсбургской монархии стало участие России в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Целенаправленной кампанией русской и прорусской публицистики стало представление русской, а в действительности империалистической политики на Балканах за освобождение болгар. В славянском мире этот пример стал доказательством готовности России помочь и другим славянам.

Подобное понимание русофильства наиболее ярко проявилось у чехов, особенно в 1860-1870-е годы. Чешское русофильство пережило несколько фаз своего развития: от восхищения Россией, основанного на тех представлениях о России, которые соответствовали интересам собственной чешской политики, однако без глубокого познания России; через фазу познания русской культуры и актуальной политики. И, наконец, оно перешло в фазу,

когда интенсивность русофильства уменьшилась, и сузился круг его сторонников. Именно в этот период, когда наметился отход от некритического отношения к России и замены его реальной оценкой русской действительности, на чешской политической арене появился Томаш Гарриг Масарик. Он приступил к анализу источников русского славянофильства, проявлений и направлений русской духовной культуры и, в первую очередь, православия. Своими работами Масарик способствовал созданию реального образа России конца XIX века. Однако этот образ не отвечал роли России как объединительницы славян. Наоборот, Масарик доказал, отсутствие славянской политики в заграничных политических действиях русского самодержавия.

В словацкой политической и культурной жизни русофильство было представлено интересом к культуре и литературе как часть распространенной идеи славянской взаимности в духе Яна Коллара. У штуровцев в 1830-е годы преобладало полонофильство, в 1840-е годы – интерес к южным славянам. В 1850-1860-е годы, когда потерпели крах несколько вариантов политического сотрудничества словаков с их союзниками в рамках монархии, их лидеры стремились найти словакам надежного партнера для усиления их собственных политических позиций. После неудач в Вене и Будапеште для словаков таким сильным союзником могла стать Москва. В политическом климате Венгрии после образования дуалистической Австро-Венгерской монархии в 1867 году словацкий политический центр – Мартин, принял русофильство и прорусскую ориентацию за свою единственно возможную концепцию.

В мартинском центре с 1870-х годов главенствующее положение занимал Светозар Гурбан Ваянский. К парадоксам русофильства относится тот факт, что в это время, в 1880-1890-е годы, в самой России снижается интерес к славянской проблематике. Лишь небольшая группа русских славистов, общественных и военных деятелей продолжала поддерживать славянскую идею, стоявшая на неоднородной платформе возникающего либерализма и консерватизма, не являющаяся общественной или политической силой. Интерес к славянам, изучение их истории и культуры были для них не политической программой, а формой научной или общественно-научной активности. Причем, для некоторых из них под славянофильством понимался лишь панрусизм. Именно с таким кругом русских славянофилов поддерживал личные контакты С.Г. Ваянский. Он находил у них поддержку для проектов национального движения, финансовую помощь для «Народных новин», возможность публиковать информацию о словацком народе в России, которую он рассматривал как возможность признания словаков, а также как помощь для решения своих собственных финансовых проблем и творческих проектов. Ориентация Ваянского именно на эту группу русских партнеров в итоге повлияла на его характер понимания России. Ваянский даже не допускал возможности исказить образ России как защитницы и объединительницы славян, хотя с русской стороны такая поддержка никогда не была официально декларирована. В своих рассуждениях он исходил из убеждения, что каждое государство имеет свои национальные задачи и стремится их решить. По Ваянскому, национальные задачи России включают и «великую миссию» освобождения славянских народов от «иноплеменного ярма» и предоставление им автономного управления. Именно так, как это Россия уже сделала на Балканах. Ценой великих жертв «сокрушила мощь Турции» и «вступила в борьбу с другими врагами славян»¹.

В статьях Ваянского, опубликованных в «Народных новинах», он неоднократно повторял идею, что Россия выполнит эту миссию и не отречется

от нее. В этом же духе он вел переписку со своими русскими корреспондентами, публиковал статьи в России. В 1908 году редакция газеты «Московские ведомости» опубликовала цикл из 40 писем из Венгрии, принадлежавших перу Ваянского. Это была обширная публикация, посвященная актуальным вопросам жизни словаков, отражавшая одновременно взгляды самого Ваянского на современное положение славян, отношения с Россией и представление ее как подготовленного борца за дело славян. В кругу русских славистов Ваянский был известен как славянский писатель, поэт, представитель угнетенного народа. Тот факт, что редакция предоставила ему столь обширное место для публикации в русской газете консервативного направления, имеющей огромный тираж, не было проявлением бескорыстной любви к венгерским словакам. Это был 1908 год – год Боснийского кризиса, когда мир в Европе в известной мере зависел от того, доведет ли Россия этот конфликт до крайней меры, т.е. до ввода войск. Со славянской стороны зазвучал голос, напоминавший, что Россия уже неоднократно не колебалась мобилизовать армию, когда речь шла о ее интересах и об интересах ее братьев-славян, о ее славянской миссии. Образ России, как он был представлен в «Письмах из Венгрии», выглядел именно так, как это было выгодно самой России. Голос Ваянского, голос известного славянского писателя, был использован в русской политической кампании. По Ваянскому, уже само существование России, даже если она фактически и не вмешивается в дела заграничных славян, является для славян «гарантией жизни и развития». Он верил, что Россия поможет славянам, потому что она не может предать свое племенное братство, «желая исполнить свою историческую роль»². Ваянский не хотел видеть реальную Россию, несмотря на то, что в течение 30 лет, когда посещал Россию 8 раз (1881, 1885, 1887, 1894, 1897, 1909, 1913/1914 гг.) замечал в действительности самые различные детали. Например, детали архитектуры русских храмов и обыкновенных изб, культуру и обычаи путешествия, нюансы русской души, народные обычаи, обычаи гостеприимства и чаепития и др.³

Ваянский никогда не сомневался в принадлежности словаков к Европе, в смысле культурного вклада словаков в европейскую цивилизацию, основанную на христианстве. Однако ему казалось, что словацкому христианству, проникнутому идеализмом, больше присуща восточная, греко-славянская духовность, чем латинский вариант западноевропейского рационализма. Поэтому славяне в целом, не исключая и словаков, инстинктивно тянутся к естественным для себя ценностям и находят их в славянском мире. Положение славянских народов в целом, и словацкого народа в Венгрии Ваянский считал очень специфическим и непонятным для западноевропейских народов, поэтому они и не могут помочь им. Свой выбор ориентации на Россию, а не на Западную Европу, он объяснял и другими аргументами. С одной стороны, разочарованием, которое словаки пережили в 1848 году, когда ожидали внимание Европы к своей судьбе. Однако революция показала, что Европа не собирается выступать в защиту славян. С другой стороны, он аргументировал свою точку зрения тем, что Европа переживает стадию стагнации. Ему казалось, что западная политика, дипломатия, наука, искусство и философия находятся в явном упадке. Силой, которая способна омолодить этот мир, он считал Восток.

Посредническую роль в контактах старой Европы и Востока он отводил славянскому миру. В защиту своей концепции русофильства Ваянский создавал искаженный образ России и представлял его на страницах «Народных новин» и «Словенских поглядов». Он не хотел ни в чем отходить от соб-

ственного образа России, что приводило его к политической конфронтации у себя на родине. Русофильство Ваянского было подвергнуто критике со стороны молодого поколения, объединившегося вокруг журнала «Глас», вступившего на политическую арену национальной жизни словаков на рубеже XIX и XX веков. Гласисты уже знали пример, как в чешском обществе справились с феноменом чешского русофильства, прежде всего благодаря взглядам Т.Г. Масарика. В своих работах, опубликованных в 1880-1890-е гг., он разоблачил бесполезность и политическую нереальность его лозунгов. Тезис о ведущем положении России в славянском мире он опроверг утверждением, что Россия живет своей собственной политической жизнью, вне всякой зависимости от славянства. И нечего ждать от нее какой-либо помощи славянам. На основе знакомства со взглядами Масарика на Россию и русофильство гласисты упрекали старшее поколение в том, что они не смогли найти для Словакии реальный выход, «распространением русофильского фатализма» становилась бессмысленной деятельность интеллигенции, а защита необходимости объединения «убивала оппозиционеров» в Словакии⁴.

Реакция Ваянского на критику молодого поколения была очень раздражительной. Он понимал политическую дифференциацию в Словакии как признак расслоения сил, который в конечном итоге ослабит национальное движение. Отход от политики, основанной на прорусской ориентации, он считал результатом ошибок и незрелости молодых на их пути поиска истины. Он не считал в данном случае возможным смириться с ошибками молодости. Его наказ заблудшей молодежи звучал так: «Пусть будет проклят тот, кто осмелится враждебной ногой наступить на память Аксакова, Погодина, Хомякова, Достоевского»⁵.

В своей программе молодое поколение словацких политиков предлагало альтернативу межславянского сотрудничества в виде чешско-словацкого сотрудничества с реальной политической программой так называемых «малых дел». За критическим выступлением молодых Ваянский видел труды Т.Г. Масарика.

Отношения «Ваянский – Масарик» – это отдельная тема в формировании словацкой политики на рубеже XIX и XX веков, вплоть до смерти Ваянского в 1916 году. Личная дружба, взаимные семейные встречи естественно возникли благодаря общему интересу к России как к благодарной теме общих разговоров. Но именно из-за разницы во взглядах на Россию их отношения охладели. К неординарному пониманию феномена России в европейской политике присоединилось и различное представление о тех последствиях, которые принесет эта политика в национальное движение чехов, словаков и в целом всех славян. Россия как страна, как политический и цивилизационный феномен притягивала их обоих.

Но если у Ваянского образ России был законсервирован в том виде, как это отвечало его представлениям об опоре и об освободителе славянства, то Масарика Россия интересовала в ее действительных реалиях. Россия была предметом его интересов всю жизнь. Он попытался проанализировать позицию России в европейской и мировой политике и доказать нереальность надежд на русскую защиту и поддержку славян. Масарик не считал себя человеком, настроенным антирусски, свое положение в политике он оценивал как сторонника славянской политики. На эту политику он имел иные взгляды, чем это было принято в тот период в чешском и словацком национальном движении. Чешское русофильство Масарик не считал поли-

тикой или политической концепцией. Скорее всего, это были русофильские настроения. Он критиковал чешское русофильство за нескритичность, основанную на слепой вере в воображаемую Россию. Эта вера несет в себе пессимизм и нигилизм, что влияет на цели и методы работы. Но вопреки его аргументам у части чешского общества сохранялись русофильские настроения вплоть до начала первой мировой войны⁶.

Так же как и Ваянский, Масарик искал контакты в России и использовал любую возможность посетить эту страну. Но в результате его путешествий не были составлены путевые записки. Он описывал страну скорее как философ и социолог, а не как писатель. Он обращал внимание на необразованность, проявления православия, социальное положение русского народа, реформы, которые предпринимала власть. Типичным примером различного отношения к русским реалиям у обеих фигур является их отношение к Л.Н. Толстому. Ваянский проявил свое несогласие с Толстым за его критику официальной церкви и институтов самодержавия, чем великий мастер разрушал образ могучей России. Ваянский как бы делил деятельность Толстого на две различные сферы. С одной стороны, Толстой для Ваянского был великим писателем, с другой – критик русских условий жизни. Ваянский советует, чтобы великий писатель меньше философствовал, а лучше бы писал новые романы, которые являются апофеозом русского народа⁷.

Масарик лично видел, как граф Толстой общается с яснополянскими мужиками, и при описании этого свидетельства разоблачал отношение Толстого к простому русскому люду. Толстой приказывал угостить мужиков тарелкой похлебки, неграмотным давал просветительские брошюры и раздавал им мелкие монеты, на которые большинство из них покупали водку. Деятельность толстовцев и той части русской интеллигенции, которая вместо распространения просвещения и образования для народа издавала для него теоретические трактаты о православии, обставляла свои дома наподобие сельских изб, носила мужицкие рубахи, не ездила поездами, т.к. ими не пользуются мужики, Масарик расценивал как позерство. В широко известном конфликте супругов Толстых, в котором общественность обвинила супругу писателя как нетерпимую, непонимающую его учение, Масарик встал на сторону графини. Это была умная женщина, которой доставалась за правду. Наоборот, с графом из-за его позерства и неоправданного аскетизма, он не мог согласиться⁸.

Другим примером различия взглядов Ваянского и Масарика на Россию, русскую философию, религию и культуру является их отношение к влиянию книги Данилевского «Россия и Европа» и отношения с петербургским профессором Владимиром Ламанским.

С книгой Данилевского Ваянский познакомил словацкую общественность в 1887 г. в цикле статей под названием «Важная книга». Статьи были написаны вскоре после его поездки в Россию, где он познакомился с дискуссиями вокруг нее. К тому времени в России вышло уже третье издание работы Данилевского, и, как написал Ваянский, за 16 лет русская публика «рассхватала» все три издания. Без знакомства с этим трудом, по мнению Ваянского, «ни один ученый не будет уверен, что не имеет пробелов в своем знании, и вновь после Колумба открывает Америку»⁹.

Работа Данилевского появилась в 1860-х годах и была, по сути, попыткой найти новую линию международной политики, определить место и значение России в европейской и мировой истории после поражения в Крымской войне. Анализ опыта проигранной войны привел автора к выводу о противопо-

ставлении России и Европы. На вопрос, относится ли Россия к Европе, Данилевский утверждает, что это не вопрос географии, а культурно-исторический вопрос, и его ответ – Россия не является Европой. Множество неясных формулировок, которые часто встречаются в отдельных главах, делают оценку работы сложной задачей. Однозначным было рассуждение о распаде Австрии. В пассажах, посвященных Австрии и австрийским славянам, Данилевский писал, что эти славяне в будущем станут частью созданной русскими Всеславянской федерации со столицей Царьград, с общим языком – русским. Частью этой федерации должно стать Чешско-моравско-словацкое королевство. Ваянский оценил главу книги об Австрии как мастерский образ австрийской истории и выявление ее основных будущих направлений. К тезису о Всеславянской федерации он добавляет, что это единственный путь решения славянского вопроса.

В книге Данилевского Масарика более всего заинтересовало название, которое он позже использовал сам. Для детального разбора он выбрал другую работу автора. Это была работа о дарвинизме и теории естественного отбора как философской проблемы, на основе которой он пытался показать способ рассуждений и научный метод русского автора. Эту же проблему Масарик пытался решить и на примере Ивана Киреевского в своей следующей работе. Масарик не останавливается на анализе отдельных глав работ русских авторов, а показывает типичный способ для русского рассуждения о смысле истории, народа. Данилевский и Киреевский, эти два знатока славянской литературы, оказали влияние не только на славянофильство в России, но на славянство чешских русофилов и славянофилов¹⁰.

Различный подход к явлениям русской жизни и ее личностям проявился у Ваянского и Масарика по отношению к фигуре В.И. Ламанского. Известный русский славист и инициатор русской помощи отдельным славянским народам по роду своей деятельности в Славянском благотворительном комитете несколько раз посетил Мартин и Прагу. В кругу местных русофилов он стал легендой. В то же время ни словацкими, ни чешскими лидерами не могло быть принято описание положения их народов, которое давалось в трудах Ламанского. Словаки у Ламанского представлялись как члены будущей Славянской империи, хотя эту империю во главе с Россией должны были создавать православные славяне. Словаки, вопреки их преимущественному католичеству, должны быть частью этой империи, потому что они русофильски настроенный и наивный народ, «как божий русский люд». Своими взглядами Ламанский вызвал испуг во время своего последнего посещения Мартина в 1893 г., когда он высказал непонимание того, почему словаки постоянно жалуются на угнетение со стороны венгерских властей, когда ему их условия национальной жизни не показались такими жалкими¹¹.

Еще более бурно проходило противопоставление легенды, сопровождавшей профессора Ламанского, с его действительными взглядами в чешских русофильских кругах. В одной из своих статей Ламанский назвал чешское историческое право, на котором основывалась аргументация чешских политиков, как недоказуемое и неверное. Исходя из того, что чехи живут в немецком окружении, он советовал чехам смириться с германизацией¹². Эта статья, опубликованная в журнале, имевшем международную редакцию, посланном из России во многие славянские области, вызвала в Чехии бурную дискуссию. Масарик отреагировал на нее циклом статей с двумя заключениями. Первое – чехи будут решительно бороться за сохранение своей

национальной самобытности, языка и культуры и не смиряются с германизацией. И второе заключение – в связи с немецким окружением чехи представляют собой «клин» в немецком теле, таким образом чешский и славянский вопрос является одновременно и немецким вопросом! Чешско-немецкие отношения, по мнению Масарика, всегда будут проявляться или в дружбе, или во вражде с чешскими немцами. Тем самым он опроверг утверждение о вековой вражде германского и славянского мира и доказал, что чехи не должны доводить отношения с немцами до серьезного конфликта или до другой крайности – ассимиляции¹³. В период полемики с Ламанским Масарик публиковал и другой цикл статей, в которых он анализировал основы, на которых сформировалось русское славянофильство, прежде всего – православие и восприятие неправославных славян. Результатом его исследования стала констатация факта, что существуют огромные лакуны во взаимном познании западных и восточных славян. В результате сложился искаженный образ друг друга.

Основной мотивацией Масарика к подобным исследованиям было стремление проверить утверждение об особом, исключительном положении России среди славянских народов, как это было представлено в работах И. Киреевского. Масарик выступал против избранности и миссионерской роли русского народа. Он подчеркивал значение эволюционного принципа, что «жизнь есть эволюция, а ...не привязанность к догме, незыблемости и сохранению православия византийского средневековья»¹⁴.

Проблему недостаточного взаимного познания славян не мог обойти и Ваянский. Он допускал, что дорога к взаимному сближению славян не будет простой, т.к. большая часть русской интеллигенции ничего не знает о западных славянах, «с трудом подозревая о существовании целых народов», работы зарубежных славян в России читает около десятка славистов. Однако все это можно преодолеть, если все славяне прекратят распри и покончат с сепаратизмом, перестанут угрожать положению России и предпримут усилия для создания «духовных фондов», которые приведут к развитию отдельных славянских народов и славянства в целом. Всеобщее духовное богатство славян станет препятствием для мадьяризации и германизации¹⁵. В представлении о том, как будут создаваться духовные фонды, Ваянский включил и тезис о надвигающейся вселенской катастрофе. Он назвал ее «очищающей силой бури и грома» и верил, что в катастрофе разрешится «великий национальный вопрос, т.е. вопрос славянский»¹⁶. На то, какие шансы есть у России в назревающем конфликте, у Ваянского и Масарика были разные взгляды. Масарик на основе изучения статистики о русской армии и экономических показателей развития России утверждал, что нечего ждать спасения от царской России. Наоборот, он предполагал, что если Россия вступит в новый конфликт, то повторит последствия русско-японской войны. Россия в войне проиграет и там может возникнуть революция. «Россия не будет способна нам (славянам – Д.К.) помочь». Масарик предполагал, что Россия и не будет выступать в поддержку западных славян, т.к. официальная Россия никогда не принимала неправославных славян. Славянское сознание в России присуще лишь узкому кругу славистов, не имеющих политического влияния, и славянофилов, отношение которых к славянам исходило из их теоретических постулатов, т.е. они выступали за соединение лишь с православными славянами. Неправославных славян они воспринимали как братьев второстепенных¹⁷. Официальная Россия с симпатиями, проявленными участием членов царской фамилии в славянских балах, коллекционировании

книг, доброжелательно относилась к православным славянам, но частью официальной политики славянский вопрос не был. Либеральная часть русской общественности не принимала русский национализм, проявлявшийся в провозглашении исключительного положения России в семье славянских народов. Свою политику русские либералы строили на признании конституционализма, а отношения с другими народами, основанными на проявлении особого славянского чувства, они не поддерживали. Поэтому в России не было политической силы, которая могла бы выступать в интересах славян. Масарик констатировал, что царская Россия была не славянской, а византийской страной. И с большой долей иронии он признавал, что из всего царского славянства получилось лишь переименование Петербурга в Петроград¹⁸. Он сравнивал отношение славян к России с планетарной системой, где вокруг России – Солнца, вращаются планеты – славянские народы. Это представление он оценивал как неточное и нереальное, и сожалел, что у русофилов оно настолько прижилось, что изменить их взгляды было уже невозможно. Ход войны доказал справедливость политического прогноза Масарика, что именно западноевропейские народы проявят интерес к решению положения славян. Смыслом мировой войны, по Масарику, было признание малых народов, и в этом была заслуга не России, а в большей мере Франции, Англии, Америки, Италии и других неславянских государств Европейского Запада.

Ваянский предполагал, что в случае войны Австро-Венгрия распадется, а народы, которые до этого создавали империю, пойдут по пути создания собственных национальных государств, или соединятся с великим славянским государством. Несмотря на частое обращение к русской теме в его политических статьях, он не преодолел свою первоначальную мотивацию – описать образ России так, чтобы он соответствовал образу сильного славянского брата. Взгляды Т.Г. Масарика на Россию исходили из рассмотрения отношения России к Европе, т.е. он понимал Россию и вне славянской проблемы в широком европейском контексте. Он пришел к заключению, что Европа, по сути, не чужда России, а Россия еще не полностью приняла Европу. «Россия является тем, чем Европа уже была»¹⁹. По мнению Масарика, Европа не была в состоянии стагнации, как это утверждали славянофилы. Европа не загнивала, не была в упадке, не должна была ожидать цивилизационного оживления со стороны славян во главе с Россией. Наоборот, в то время, когда Россия отставала от европейского развития, ей было необходимо использовать европейский опыт. Исследование Масарика русской истории и культуры, так же как его изучение и понимание феномена России в европейской истории и современной политике, привело его к изучению феномена России и в собственной национальной – чешской и словацкой, среде. Именно в этом аспекте воззрения на феномен России в нашей истории ему удалось изменить и повернуть многие направления в национальной политической сфере. К ним относились иллюзии о способности русофильства выступить как реальная политическая сила и иллюзия о русском заступничестве в пользу чехов и словаков на международной арене, которые испытывали чешское и словацкое общество на рубеже XIX и XX веков.

Примечания

¹ VAJANSKÝ, S.H.: Položenie Európy. In: Národné noviny, XIX, 1888, č. 115, 118.

² LAPTEVOVÁ, L.P.: Listy z Uhorska. 40 listov S.H. Vajanského uverejnených v ruských novinách Moskovskije vedomosti v priebehu roka 1908. Osveta, Martin 1977, s. 91, s.109 (далее – Listy z Uhorska).

³ PETRUS, P.: Cestopisné prózy S. H. Vajanského. In: Sb. FFUK Philologika, Bratislava 1964, s. 233-245., PETRUS, P.: Pojezdki Svetozara Gurbana Vajanskogo i Rossija // Češsko-russkije i slovacko-russkije literaturnyje otnošenja. – M., 1968. – S. 207-216. Описания Ваянским путешествий были популярны у читателей и исследователей. Неоднократно они были предметом исследования как литературная форма, и как объект содержания. Анализ путевых заметок Ваянского проводил И. Кузьм. См.: KUSÝ, I.: Zrelý Vajanský, Bratislava 1992, s. 51-62.

⁴ Hlas, V, 1903, č. 9, s. 259.

⁵ Listy z Uhorska, s. 39.

⁶ Světová revoluce. Za války a ve 1914-1918 vzpomíná a uvažuje T. G. Masaryk. Orbis a čin, Praha 1925, s. 24 a 520.

⁷ Ваянский написал несколько рецензий на сочинения Л. Толстого в «Народних новинах» и первоначально представлял его как великого русского писателя. Тем самым он способствовал популяризации романов у словацкого читателя, но одновременно сочинения Толстого он использовал как доказательство, что славяне способны создавать мировые шедевры. Свое отношение он изменил, когда познакомился с философскими трудами Толстого, содержащими критику православной церкви и русских условий вообще и пропагандировавшими идею непротivления злу. Эти сочинения не отвечали тому образу России, который был создан Ваянским. Он написал статью «Граф Толстой как художник и мудрец», которую опубликовал в Санкт-Петербурге, в журнале, направленном на развитие межславянских связей, а вскоре вышел отдельный труд – «Lev Tolstoj čo bludár», который он опубликовал в Словакии (Národné noviny, XXV, 1894, č. 84). Здесь он называет Толстого стариком, сошедшим с ума, который неверно понимает христианство и чаяния людей в собственной стране.

⁸ ČAPEK, Karel: Novovy s TGM, Československý spisovatel. – Praha, 1990. – S. 113.

⁹ Národné noviny, XVIII, 1887. – Č. 45. В следующие годы Ваянский часто цитировал книгу, не всегда указывая источник. Он неоднократно говорил о теоретическом и практическом значении работы Данилевского. Он утверждал, что этот автор сказал «последнее слово... короновал славянскую теорию, и мало кому-нибудь удастся добавить что-то принципиальное к его выводам» – Slavianska otázka // Národné noviny, XXI, 1890, č. 76.

¹⁰ MASARYK, T. G.: N.Danilevského Darwinismus, kritický výskum (1885) // Athenae 1887, Slavianofilství I. V. Kirejevského, Praha 1889.

¹¹ Об этом сохранилось доказательство – письмо Константина Гурбана брату Светозару Г. Ваянскому в тюрьму, в котором он рассказывал о посещении русского слависта «...мы сделали все возможное, чтобы его пребывание здесь согладить... он нам все время говорил, что ... нам не так плохо, как мы говорим и жалуемся, у вас есть свобода печати». Уж и не знаю, хорошо ли его поняли наши, но они все смутились и были сбиты с толку: или этот господин стар, или он плохо знает нашу действительность». См.: Korešpondencia S. H. Vajanského III, (ed. P. Petrus), Vyd. SAV, Bratislava 1978, s. 193

¹² Известия Славянского благотворительного общества. – 1887. – №11-12.

¹³ MASARYK, T.G.: Slovanská západná otázka. In: Čas, 1888. – máj-október.

¹⁴ MASARYK, T.G.: O slavianofilstve Ivana Kirejevského // Athenaeum, VI, 1888, č. 3-8. Вскоре работа вышла отдельной книгой в 1889 г., а вторым изданием в 1893 г. под названием «Slovanské studie I. Slavianofilství Ivana Vasilieviča Kirejevského».

¹⁵ Listy z Uhorska. – S. 53-55.

¹⁶ VAJANSKÝ, S.H: Katastrofa sa blíži // Národné noviny, XI, 1880, č. 93.

¹⁷ MASARYK, T.G.: Rusko a Evropa I. Praha 1930, s. 488- 489.

¹⁸ Světová revoluce. Za války a ve válce 1914-1918 vzpomíná a uvažuje T. G. Masaryk. Orbis a čin, Praha 1925, s. 173, 175

¹⁹ MASARYK, T.G.: Rusko a Evropa I. Praha 1930, s. 7.

И.В. КРЮЧКОВ

**«ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ВЕНГРИИ
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ:
«ДОГОНЯЮЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ» СТРАНЫ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

Промышленная революция в Венгрии началась со значительным опозданием. До последней трети XIX века Венгрия оставалась в экономическом отношении отсталой аграрной страной. В сфере промышленного производ-

ства было занято всего 5% населения¹. На территории страны отсутствовали крупные промышленные предприятия, а имевшиеся занимались, главным образом, переработкой сельскохозяйственной продукции и добычей полезных ископаемых.

Ситуация коренным образом изменилась после 1867 года. Получив полную внутреннюю автономию венгерское правительство берет курс на индустриализацию страны. Политическая и интеллектуальная элита страны прекрасно понимала, что без развития промышленности Венгрия не сможет добиться полного равноправия с Австрией и занять весомое место в Центрально-Восточной Европе. Это не могло не сказаться положительно на макроэкономических показателях страны. С 1867 по 1914 годы по темпам экономического роста Венгрия занимала ведущие позиции не только в Европе, но и в мире в целом. С 1867 по 1914 годы национальный доход Венгрии увеличился в четыре раза, с 1900 по 1913 годы его рост составлял 3,8% ежегодно. ВВП Венгрии за это время вырос более чем в три раза². Рост производства промышленной продукции составил с 1867 по 1900 годы в среднем 6,2% в год, а с 1900 по 1913 годы – 5,1%. В сельском хозяйстве этот прирост составляли в среднем 1,7%-2,2%. К 1913 году страна совершила рывок на пути индустриализации, значительно сократив свое отставание от ведущих стран Европы, хотя Венгрия по-прежнему уступала им по таким показателям, как соотношение ВВП и ВНП на душу населения, производительность труда, соотношение промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг в структуре народного хозяйства и т.д. В частности, производство промышленной продукции на душу населения в Венгрии накануне первой мировой войны составляло 50% от среднеевропейского, 55-60% – от австрийского и 25% – от германского показателей³. В 1910 году в промышленности страны было занято 18,3% «самодельного» населения, в то время как в Австрии этот показатель составлял 25%, – в чешских землях – 34,5%, во Франции – 30%. Несмотря на все успехи венгерской индустрии, в 1910 году она приносила только 25% национального дохода страны, в то время как на сельское хозяйство приходилось 44% национального дохода⁴.

Проводя собственную промышленную политику, правительство Венгрии столкнулась с серьезными проблемами: 1) отсутствие высококвалифицированных кадров; 2) отсутствие развитой транспортной системы и новых средств связи; 3) конкуренция со стороны промышленности Австрии; 4) недостаток отечественных инвестиций для индустриализации. Большую роль в становлении венгерской промышленности сыграла политика государства, которое с помощью ряда мер стремилось всячески содействовать индустриальному развитию страны.

Правительство принимает в 1881 году специальный закон, предоставивший значительные льготы вновь возникавшим промышленным предприятиям. Они освобождались до 1895 года от промыслового налога, налога с доходов, штемпельного сбора с регистрации сделок. Кроме этого, для них уменьшались железнодорожные тарифы на перевозку промышленных товаров и других грузов, имеющих важное значение для народного хозяйства Венгрии. На предприятиях размещались государственные заказы, им предоставлялись субсидии и ссуды. Среди особо опекаемых отраслей промышленности оказались текстильная, машиностроение, электротехническая, горнодобывающая, черная металлургия.

Более радикальный характер носил закон 1887 года: помимо того, что льготы закона 1881 года распространялись на горнодобывающую промышлен-

ность, он передавал безвозмездно государственную землю предпринимателям под строительство промышленных объектов, а также предполагал выдачу бизнесу ссуд и размещение государственных заказов. В 1890 году срок действия законов о льготах промышленным предприятиям был продлен еще на 14 лет. Причем, под действие этого закона попало более 780 предприятий⁵. Закон XIV 1890 года предоставлял отдельно ряд льгот для акционерных обществ Будапешта. В 1890 году правительство Венгрии создает специальный фонд для содействия развитию промышленности и торговли страны, который составил несколько миллионов гул⁶.

В начале XX века государство продолжило политику содействия развитию отечественной промышленности. Только в 1904 году государственные субсидии получали 52 промышленных предприятия, еще 21 предприятие была обещана такая помощь, а 28 предприятий имели другие формы льгот. Объемы государственных субсидий на рубеже XIX-XX веков постоянно увеличивались. В 1891 году они составили 116,6 тыс. крон, в 1895 г. – 560, в 1900 г. – 1250 тыс. крон, в 1904 г. – 2864 тыс. крон⁷. К 1913 году объем государственной помощи составил 10 млн крон в год⁸. Некоторые эксперты, кроме положительных аспектов активного государственного вмешательства в экономическую жизнь общества, усматривали и отрицательные стороны этого процесса, в частности привязанность венгерской промышленности к государственным субсидиям вела к снижению конкурентоспособности промышленной продукции и, зачастую, к неэффективности менеджмента. Правительство Венгрии обвиняли в том, что оно, увлекшись индустриализацией страны, забыло о развитии остальных секторов народного хозяйства⁹.

Тем не менее, усилия государства наряду с объективными факторами привели к экономическому подъему Венгрии. С 1867 года в стране начинается так называемая грюндерская лихорадка. На первых порах большую роль в индустриальном развитии Венгрии сыграл строительный бум, который способствовал развитию многих отраслей промышленности¹⁰. В стране возникает множество промышленных предприятий, фирм, банков и других народно-хозяйственных учреждений. С 1867 по 1873 г. в стране возникло 138 новых акционерных обществ¹¹.

В 60 – начале 70-х годов XIX века население активно вкладывает свои средства в экономику страны. Кроме положительных аспектов «грюндерская лихорадка» имела и отрицательные стороны и, прежде всего, рост биржевых спекуляций, нерациональное использование инвестиций. Биржевой крах 1873 года и последовавший за этим экономический кризис заставили правительство и предпринимателей сменить некоторые приоритеты экономического развития.

Важным стимулом для экономического подъема страны стало строительство железных дорог. Первая железная дорога на паровой тяге в Венгрии была построена в 1846 году, а через два года в стране уже было в эксплуатации 147 км железных дорог¹². Только с 1869 г. по 1873 г. протяженность железных дорог в стране выросла в 3 раза. В 1895 году она составила 13947 км, из которых более 11 тыс. км находились в руках государства или управлялись при участии государства¹³. В 1913 году общая протяженность железных дорог в стране достигла 22 тыс. км¹⁴. В стране быстро увеличивается подвижной состав железных дорог, в 1906 году железные дороги Венгрии имели 3178 локомотивов, 6722 пассажирских вагона и 76098 товарных вагонов, в 1910 г. эти показатели выглядели 3832 локомотива, 8590 пассажирских вагонов, 93080 товарных вагонов¹⁵.

По плотности железных дорог на один кв. км Венгрия догнала такие страны, как Австрия и Италия, что следует признать большим успехом. В начале XX века около 92% грузооборота страны приходилось на железные дороги. Следует подчеркнуть, что железнодорожная система Венгрии прекрасно функционировала, что признавалось и зарубежными экспертами. Железные дороги сблизили и объединили в одно целое самые отдаленные регионы страны, значительно ускорив и удешевив перевозку грузов и пассажиров. Так, на почтовом дилижансе из Будапешта в Вену можно было доехать примерно за 30 часов, а на знаменитом «Восточном Экспрессе» – менее чем за 5 часов. Железные дороги соединили Венгрию со всеми странами Европы, в том числе с Россией. Проезд из Санкт-Петербурга до Будапешта стоил на скором поезде 1 классом 54 руб., 2 классом на скором – 37 руб., на пассажирском поезде – 26 руб., 3 классом на пассажирском – 19 руб¹⁶. Экономическая эффективность железных дорог Венгрии способствовала расширению сети железных дорог. Это, в свою очередь, во многом содействовало выходу страны из экономического кризиса, порожденному крахом 1873 года.

Преодолев последствия кризиса, венгерская промышленность при активной поддержке государства с 80-х годов XX века начинает период бурного развития. Только с 1890 по 1905 гг. в стране возникало в среднем 40-50 новых промышленных предприятий ежегодно¹⁷. Этому во многом способствовало довольно либеральное торговое уложение 1875 года, которое упростило процедуру регистрации акционерных обществ и фирм, а также сняло серьезные препоны на вывоз капитала из страны, что привлекало в Венгрию иностранных инвесторов¹⁸. В промышленном производстве в начале XX в. примерно 10,5% предприятий страны находилось в руках иностранцев и это в основном были крупные и средние предприятия¹⁹.

Среди промышленных предприятий в королевстве преобладали крупные и средние предприятия. В начале XX века в стране действовало 114 предприятий, на которых трудилось от 101 до 200 рабочих, 49 предприятий с 201-300 рабочими, 39 предприятий с 301-500 рабочими, 9 предприятий с 501-700 рабочими, 9 предприятий с 701-1000 рабочими и всего 11 предприятий, где численность рабочих превышало 1000. Всего в стране в это время функционировало 4047 предприятий с численностью рабочих более 20 человек²⁰.

Центром экономической жизни страны являлся Будапешт. В городе находились крупнейшие фондовые и товарные биржи Венгрии, банки, страховые и транспортные компании. В 1894 году из 328 акционерных обществ Венгрии 114 располагалось в Будапеште с уставным капиталом в 220 млн гул., в то время как капитал провинциальных АО составил всего 174 млн гул²¹. Почти половина всех промышленных мощностей также была сосредоточена в Будапеште, а в некоторых секторах промышленного производства этот показатель выглядел еще больше. Так, 85% предприятий машиностроения Венгрии располагалось в столице²².

Особенностью индустриального развития Венгрии являлось исключительное значение мукомольной промышленности в экономике страны. Это было не случайно. Несмотря на все успехи индустриального развития страны, аграрный сектор продолжал играть доминирующую роль в народном хозяйстве Венгрии, поэтому экономическое положение Венгрии во многом зависело от наличия надежных рынков сбыта для венгерской сельскохозяйственной продукции.

До 80-х годов XIX века аграрный сектор Венгрии ориентировался на внешние рынки, но вскоре в Европу хлынула более дешевая сельскохозяй-

ственная продукция и, прежде всего, пшеница из Северной Америки и России. В этих условиях Венгрия полностью переориентировалась на потребительский рынок Австрии. Если в 1882 году Австрия потребляла 67,8% венгерского экспорта зерна и около 60% муки, то в 1907 г. – 99,3% и 98%, соответственно²³. Причем, если в 80-е годы экспорт пшеницы превышал экспорт муки, то к 1910 году ситуация полностью изменилась: экспорт муки в Австрию в два раза превышал экспорт пшеницы. Дело в том, что продажа муки давала больше прибыли, чем продажа зерна. Поэтому это обстоятельство привело к буму в мукомольной промышленности с конца 70-х гг. XIX в., число паровых мельниц в 1867 г. составляло 150, в 1895 г. – 1723, в 1905 г. – 1845 г., и это, не считая ветряных мельниц и мельниц, расположенных у рек²⁴. В конце XIX века в мукомольной промышленности страны было занято более 47 тыс. рабочих²⁵. Успехам венгерских мукомолов способствовали два обстоятельства. *Первое* – это зерно высокого качества, поступавшее из Бачки и Баната. *Второе* – венгерская мукомольная промышленность была оснащена на основе последних достижений НТР. Тем более, венгерские инженеры добились на этом поприще больших успехов. В частности, инженер Андраш Мехварт предложил ряд существенных инноваций для процесса производства муки, распространившихся затем по всему миру.

Центром мукомольной промышленности Венгрии стал Будапешт, предприятия которого в 1897 г. давали 85% венгерского экспорта муки²⁶. Правда, в начале XX века развитие мукомольной промышленности постепенно вело к децентрализации торговли мукой и зерном, а также к падению значения Будапешта как центра «хлебной торговли», т.к. муку выгоднее было приобретать непосредственно на мельницах, а не на оптовых складах²⁷. В год Венгрия производила от 3 млн до 3,2 млн тонн пшеничной муки, заняв ведущие позиции в мире по этому показателю²⁸. Состояние дел в мукомольной промышленности влияло на другие отрасли промышленности, в частности в машиностроении, добыче угля и др. Кризис в мукомольной промышленности немедленно сказывался на отраслях²⁹.

Венгерская мука проникла даже на французский рынок. Во Франции весьма охотно покупали муку из Венгрии, несмотря на то, что один кг стоил 42 франка, а кг французской муки – 26,5 франков. Под давлением мукомолов Франции французское правительство подняло таможенные пошлины на импорт муки из Венгрии. В результате венгерская мука подорожала до 52 франков³⁰. Это привело к падению экспорта венгерской муки во Францию на 20% при увеличении спроса в стране на муку высших сортов. В начале XX века мукомолы Франции, Германии, Швейцарии, переняв венгерские технологии, начинают теснить позиции Венгрии на внутреннем рынке своих стран, используя для этого высокие таможенные тарифы.

В Венгрии развивались и другие отрасли, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции (переработка мяса и молока, пивоварение, виноделие и др.), но особенно больших успехов достигла переработка сахара. С 1880 по 1905 годы производство сахарной свеклы в Венгрии увеличилось более чем в 10 раз³¹. По венгерским меркам, в отрасли встречались очень крупные предприятия. Так, сахарный завод в Серенче насчитывал более 2380 рабочих³². Помимо удовлетворения внутренних потребностей, Венгрия начала экспортировать сахар на Балканы, Ближний Восток и в Северную Африку. Уже в конце XIX века венгерский сахар конкурировал с российским сахаром на ряде рынков Европы и Азии³³. Особенно интересы российских

и венгерских сахарозаводчиков столкнулись в начале XX века. В 1912 году на брюссельской конференции основных мировых производителей сахара Россия потребовала увеличения своей квоты на экспорт сахара, что вызвало явное недовольство венгерских и чешских производителей³⁴.

На рубеже XIX–XX веков весьма успешно развивается относительно новая для Венгрии отрасль – табачная промышленность, которая являлась государственной монополией. Табачная промышленность страны выпускала папиросы невысокого качества. Больше ценились венгерские дешевые и ароматные сигареты следующих марок: «Куба» (3,90 руб. за сотню), «Опера» (4,50 руб.), «Британика» (5,50 руб.), «Регалия Медиа» (7,50 руб.), «Регалитис» (8 руб.), «Идеалес» (33 руб.), «Хоронос» (28 руб.)³⁵. Все марки, за исключением последней, производились из венгерского табака. По производству табака и табачной продукции Венгрия занимала третье место в Европе после Османской империи и России. Венгерские табачные изделия находили своего потребителя далеко за границами королевства. Несмотря на то, что удельный вес пищевой промышленности в Венгрии упал с 1898 по 1913 годы с 44,1 до 38,9%, в структуре промышленного производства страны она по-прежнему играла важную роль в народном хозяйстве страны³⁶.

Начавшееся после 1867 года бурное строительство железных дорог, необходимость в сельскохозяйственных машинах, оборудовании для пищевой промышленности привели в Венгрии к развитию черной металлургии, машиностроения, горнодобывающей промышленности. Несмотря на ряд трудностей и, прежде всего, конкуренцию со стороны австрийских товаров, тяжелая промышленность Венгрии постепенно занимала ведущие позиции в народном хозяйстве страны. С 1898 по 1913 г. доля тяжелой промышленности в Венгрии увеличилась с 39,9 до 41,2% в структуре промышленного производства³⁷. В стране наиболее динамично развивалось машиностроение, связанное с железнодорожным транспортом. Первый машиностроительный завод в стране возник в 1855 году. В 1873 году в Венгрии начинается выпуск паровозов и к 1878 г. их уже было построено 500 штук. В течение 80-х годов XIX века в стране выпускается 14 тыс. вагонов, а в 90-е гг. XIX в. почти в 2 раза больше³⁸. Об успехах машиностроения свидетельствует тот факт, что если в 1882 г. 37% потребностей в продукции машиностроения венгерские железные дороги удовлетворяли за счет импорта, то в 1895 г. этот показатель составил всего 11%³⁹. Следует отметить, что венгерское правительство проявляло особую заботу по поводу развития машиностроения. Венгерское машиностроение постоянно сталкивалось с нехваткой оборотных средств и острой конкуренцией со стороны австрийской промышленности. Экономический кризис 1873 года нанес значительный удар по машиностроению. В тех условиях правительство страны выкупает оказавшиеся на грани банкротства заводы «Швейцарско-венгерского АО» и «Бельгийско-венгерского АО», создав на их базе картель под контролем государства⁴⁰. С конца 80-х годов XIX века в машиностроении Венгрии начинается период экономического подъема, оно избавляется от излишней опеки государства, но не отказывается от нее полностью.

Венгерское машиностроение считалось передовым даже по меркам развитых стран Европы и Северной Америки. Машиностроительный завод Ганца стал центром многих изобретений. На этом заводе трудился уже упоминавшийся Мехварт. В 1896–1898 гг. инженер завода Кальман Кандо построил первый электровоз, в 90-е гг. на этом предприятии появляются новые виды двигателя внутреннего сгорания, карбюраторы и т.д.

Предприятия машиностроения были сосредоточены в основном в Будапеште. Вообще, этот город был единственным индустриальным центром страны в общепринятом представлении, хотя среди других промышленных центров можно выделить Сегед, Пожонь (Братиславу) и др. Некоторые аналитики усматривали в этом один из минусов развития венгерской промышленности, в частности машиностроения. По их мнению, концентрация промышленного производства в ряде городских центров вела к росту стоимости рабочей силы и увеличению других издержек производства⁴¹.

В начале XX века продукция венгерского машиностроения начинает постепенно выходить на мировой рынок. Так, накануне первой мировой войны российские предприниматели разрабатывают проект импорта из Венгрии сельскохозяйственных машин, в которых остро нуждалась Россия. Этот проект вызвал большой интерес среди венгерских промышленных кругов. В январе 1912 года Союз венгерских промышленников созвал специальное совещание, где проект получил одобрение⁴². Идея расширения российско-венгерских экономических связей в начале XX века получила широкое развитие. В промышленно-финансовых кругах Венгрии возникает идея привлечения в страну французского и русского капиталов в лице «Русско-Азиатского банка» в «Трест восточных железных дорог»⁴³. Осенью 1912 года представители ряда венгерских торговых компаний посетили Россию с целью изучения возможности приобретения сельскохозяйственной продукции. Более того, венгерская компания «Меркурий» начала закупки в Бессарабии пшеницы, кукурузы, проса, яиц на сумму в 100 тыс. крон⁴⁴. Однако начало первой мировой войны прервало обоюдovыгодное экономическое сотрудничество России и Венгрии.

Больших успехов в последней трети XIX века достигла горнодобывающая и металлургическая промышленность Венгрии. Этому обстоятельству способствовали богатые залежи минеральных ресурсов и традиционное развитие этих видов промышленного производства в Венгрии. Она стала центром черной металлургии империи Габсбургов. Королевство добывало 83,4% угля империи, 86,8% железной руды, производила 96,4% стали. В начале XX века горнодобывающая промышленность и металлургия достигли новых существенных успехов⁴⁵.

Стоимость произведенной продукции, тыс. крон	1901 год	1909 год
Чугун	36,012	42,729
Бурый уголь	34,153	68,841
Каменный уголь	14,578	17,965
Железная руда	8,637	14,526

Большое значение для экономики Венгрии имела горнодобывающая промышленность Словакии, на которую приходилось 75% добычи железной руды Венгрии, более 50% – меди и серебра. Это, в свою очередь, приводит к развитию черной и цветной металлургии в словацких землях. Всего в горнодобывающей промышленности и металлургии было занято более 25% словацких рабочих.

На рубеже XIX-XX веков в Венгрии начинают развиваться новые высокотехнологичные отрасли промышленного производства: нефтеперерабатывающая, химическая⁴⁶ и электротехническая⁴⁷. Особенно заметны были

успехи в электротехнической промышленности. На все том же заводе Ганца под руководством инженеров О. Благи, К. Циперновски, Ф. Дери изобретается трансформатор переменного тока, который использовался на электростанциях венгерских и многих европейских городов, в том числе Вены, Санкт-Петербурга, Рима и т.д.⁴⁸ На рубеже 80-90-х годов XIX века промышленность Венгрии осваивает выпуск электрических кабелей, ламп накаливания и других видов сложной, по тем временам, промышленной продукции. В этой связи не случайно, что именно в Венгрии предпринимается одна из первых попыток электрификации железных дорог, когда в конце XIX в. на линии Арад–Темешвар проводятся опыты по использованию на железнодорожном транспорте электродвигателя⁴⁹. К началу XX века в Венгрии уже успешно работали 43 электростанции.

Легкая промышленность Венгрии включала в себя разнообразные отрасли производства – текстильную, производство бумаги, центром которого был Фиуме, стекла, обуви и т.д. Текстильная промышленность Венгрии долгое время была задавлена конкурентами из Австрии и других стран Европы. Поэтому первые успехи текстильной промышленности Венгрии наблюдаются в 80-е годы XIX века, когда правительство страны разрабатывает специальную программу, направленную на развитие этой отрасли промышленного производства.

К началу XX века в Венгрии уже действовало 15 фабрик по производству полотна, 26 – по производству шерстяных, 12 – по производству льняных тканей, 7 вязальных и 8 ленточных фабрик, на которых было занято более 12 тыс. рабочих, а годовой оборот предприятий составил 52 млн крон⁵⁰. Однако отставание от Австрии было значительным, так, в 1909 г. в текстильной промышленности Австрии работала 4 162 тыс. веретен, в Венгрии всего 250 тыс⁵¹.

Удельный вес этой отрасли национальной индустрии с 1898 по 1913 гг. вырос с 16 до 19,9%⁵². Серьезным тормозом для ее развития оставалась узость внутреннего рынка, несмотря на позитивные изменения в начале XX века⁵³. Традиционно в большинстве стран текстильная промышленность являлась локомотивом, который вытягивал на себе индустриализацию страны, в частности эти процессы были присущи Великобритании, России, Франции и т.д. Однако текстильной промышленности Венгрии было не суждено выполнить эту миссию. Кроме узости внутреннего рынка, здесь сказывалась острая конкуренция со стороны производителей Австрии и Богемии, венгерский текстиль проигрывал конкурентную борьбу богемскому текстилю.

На рубеже XIX–XX веков венгерскую промышленность затронул процесс монополизации производства: более 83% добычи угля производилось на 8 каменноугольных объединениях, 86,4% производства стали было сосредоточено в 4 монопольных объединениях.

Венгерские предприниматели весьма ревниво относились к проникновению австрийских и германских промышленных изделий на рынок Венгрии и соседних балканских государств. Они, в частности, выступали против удешевления перевозки германской продукции, что составило бы серьезную конкуренцию венгерским товарам в Венгрии и за ее пределами. Поэтому Будапешт не заботился о строительстве новых транспортных коммуникаций, соединявших Венгрию с Германской империей⁵⁴.

Таким образом, к началу XX века промышленность Венгрии совершила впечатляющий рывок в своем развитии, значительно сократив отставание от Австрии. Если в 1867 году в стране действовало всего несколько сотен

промышленных предприятий, на которых трудилось около 100 тыс. чел., то в 1914 г. число заводов и фабрик достигло 5,5 тысяч. За это время мощность промышленного оборудования выросла с 9 до 900 тыс. лошадиных сил⁵⁵. Однако в целом в экономической жизни Австро-Венгрии, особенно в финансах, по-прежнему доминировала Австрия. В этой связи не случайно, что даже в самой Венгрии из 82 картелей 56 находились в руках австрийского и австро-венгерского капитала⁵⁶.

Большим тормозом для развития венгерской промышленности являлась острая нехватка профессиональных кадров, причем это касалось как инженеров, техников, так и рядовых рабочих. Правительство Венгрии уделяло указанной проблеме большое внимание. По инициативе государства, по всей стране открывается сеть ремесленных и технических школ, которые должны были решить кадровую проблему. Инициативу государства поддерживали многие предприниматели, которые открывали при своих предприятиях курсы и школы по подготовке собственных кадров.

Оздоровление экономики страны благотворно отразилось на состоянии ее финансов. В 60-70-е годы XIX века в венгерских финансах был полный «разброд и шатание». Дефицит государственного бюджета иногда достигал 62 млн гул., т.е. 25% всей доходной части бюджета⁵⁷. Дошло до того, что Венгрии было отказано в новых кредитах со стороны австрийских и иностранных банков. Правительство вынуждено было брать займы под баснословные проценты. Введение новых налогов не решало кардинально ситуацию в финансах страны. Финансовое банкротство грозило привести к потере политической независимости королевства, что повлекло бы дестабилизацию ситуации внутри Венгрии.

В годы правления правительства К. Тисы в финансах наводятся порядок, существенно был сокращен национальный долг, хотя он оставался еще значительным. Часть национального долга была переоформлена на более выгодных условиях. Значительным успехом стало сбалансирование государственного бюджета. Была проведена реформа акциза на спиртные напитки, что привело к увеличению доходов казны. Большая заслуга в проведении этой реформы принадлежала Министерству финансов Венгрии Ш. Векерле.

Оздоровлению венгерских финансов во многом способствовала национализация главных железных дорог страны. В начале XX века 44% железных дорог Венгрии было в руках государства, еще 39%, находясь юридически в собственности частного бизнеса, фактически управлялись государством, и только 17% дорог являлись частными⁵⁸. По инициативе министра общественных работ Бароша, на железных дорогах Венгрии вводится поясная тарифная сетка оплаты проезда пассажиров и провоза грузов. Для проезда или провоза груза в отдаленные районы страны скидка по этой сетке доходила до 85%. Это сделало железнодорожный транспорт доступным для населения с низкими доходами прежде всего крестьянства, и способствовало развитию пригородных железных дорог. Буквально в первый же год число пассажиров, пользующихся услугами железнодорожного транспорта, утроилось. В 1888 году железные дороги страны перевезли 5 млн пассажиров, то в 1890 г., то есть через год после введения новой системы тарифов, число перевезенных пассажиров увеличилось до 15,6 млн человек⁵⁹. И это притом, что железнодорожная сеть за это время практически не увеличилась. Существенно вырос грузопоток по железным дорогам, что, безусловно, способствовало развитию торговли и промышленности Венгрии. Впер-

вые эксплуатация железных дорог начала приносить существенные доходы в венгерскую казну.

Все это привело к росту доверия со стороны венгерских и зарубежных финансовых кругов и населения к кредитоспособности правительства. Поэтому оно довольно успешно размещало новые государственные займы. В частности, в 1910 году правительство быстро разместило заем в 500 млн крон среди венгерских и берлинских банков, а в 1914 г. при содействии Ротшильдов заем в 500 млн крон на Лондонской бирже⁶⁰. Это говорит о высоком уровне доверия международных финансовых кругов к Будапешту.

На рубеже XIX–XX веков в Венгрии развивается банковская система. В 1867 г. в стране возникает первый крупный банк – «Венгерский общественный банк» с уставным капиталом в 15 млн гул., в 1868 г. создается «Англо-венгерский банк» с уставным капиталом в 20 млн гул., в 1869 г. – «Франко-венгерский банк» с 32 млн гул., в 1871 г. – «Венгерский поземельный банк» с 20 млн гул. и «Венгерский муниципальный банк» с 15 млн гул. и т.д.⁶¹. В 80-е годы XIX века банковская система страны получила новый импульс развития, что выразилось в росте основного капитала банков. В частности, капитал «Венгерского учетного и обменного банка» с 1880 г. по 1884 годы вырос с 525 тыс. гул. до 12,5 млн гул., а «Пештского венгерского коммерческого банка» к 1894 г. увеличился с 2,2 млн гул. до 12,5 млн гул. В начале XX века венгерские банки начинают открывать свои отделения в странах балканского полуострова и вкладывать средства в развитие местной промышленности. Размеры венгерских инвестиций за рубежом были незначительны, они существенно уступали аналогичным показателям австрийских банков и банков ведущих европейских государств. Но Венгрия в этом направлении делала только первые шаги.

К 1908 году в стране действовало 724 частных банка с общим уставным капиталом в 3044 млн крон⁶². В основном это были небольшие банки. Важную роль в банковской жизни Венгрии играли ведущие банки Австрии и ряд зарубежных банков, прежде всего французские. Так, например, в 1902 году три крупнейших венгерских банка – «Коммерческий венгерский банк», «Банк общего венгерского кредита», «Банк венгерской ренты и кредита», получили от французских банков субсидии в размере почти 100 млн крон. В начале XX века около 25% кредитного капитала страны принадлежало иностранным инвесторам, следует подчеркнуть, что, по сравнению с XIX в., этот показатель несколько снизился. Общее число вкладчиков в стране к началу XX века составило 1392000 человек, причем к ним относились не только верхи общества, но и представители среднего класса, зажиточного крестьянства и т.д.⁶³ Только с 1886 по 1895 годы сумма сбережений населения в различных кредитных учреждениях Венгрии увеличилась с 50 до 795 млн гул.⁶⁴ Если в 1867 году число кредитных учреждений страны не достигало и сотни, а в 1913 г. их общая численность достигла 6 тыс., то сумма уставного и привлеченного капитала выросла с 17 млн крон до 6,6 млрд крон⁶⁵. Однако кредитных средств Венгрии по-прежнему не хватало, хотя она и вышла из состояния «инвестиционного голода», в котором страна находилась в XIX веке. Следует подчеркнуть, что в финансовом секторе страны господствовали венгры, евреи и немцы.

Особое место в экономической жизни Венгрии занимал ее единственный морской порт Фиуме, через который шел значительный объем венгерской внешней торговли. Правительство уделяло большое внимание развитию порта и судоходных компаний. Только в 1898 году на реконструкцию порта и рас-

ширение складов государство потратило 1,5 млн гул., еще 570 тыс. гул., было выделено пароходной компании «Адрия»⁶⁶ в виде субсидий, а остальные пароходные компании получили субсидии в размере 405 тыс. гул.⁶⁷ Эти меры способствовали росту грузооборота фиумского порта. Уже на рубеже XIX–XX веков венгерские суда совершали плавания в Марсель, Геную, Роттердам, Лондон, Нью-Йорк, Рио-де-Жанейро и в другие порты мира. В 1908 году торговый флот Венгрии насчитывал 104 парохода, общим водоизмещением в 108,7 тыс. тонн, для сравнения: флот Австрии состоял из 275 пароходов водоизмещением 310,1 тыс. тонн⁶⁸.

В эпоху дуализма большое внимание в стране уделяется развитию речного судоходства, в котором очень нуждались промышленность, сельское хозяйство и торговля Венгрии. С 1867 года в стране начинается реализация программы по реконструкции старых и строительству новых каналов. Только с 1867 по 1895 годы на эти проекты государство потратило около 77 млн гул., из них 44 млн гул. пошло на развитие судоходства на Дунае. Одновременно в Венгрии развивается речное судостроение. Крупнейшими предприятиями этой отрасли стали «Компания Шенихен-Гартман» (уставной капитал 700 тыс. гул.) и АО «Danubius» (1 млн гул.), построившие уже к 1890 г. 388 речных судов различного класса⁶⁹.

Развитие в стране электротехнической промышленности и новых технологий способствовало появлению в Венгрии новых средств связи. Первая телеграфная связь в стране появилась в 1847 г., в 1867 г. протяженность телеграфных линий составила 17 тыс. км, в 1914 г. этот показатель достиг 170 тыс. км⁷⁰. С 1881 года начинается телефонизация страны, в 1895 г. только в Будапеште насчитывалось около 20 тыс. абонентов. К 1908 г. число абонентов в стране достигло 39,7 тыс. человек⁷¹.

Важным социальным последствием индустриализации Венгрии стало формирование класса наемных промышленных рабочих как важной социальной группы населения. Промышленный пролетариат по стране распределялся неравномерно, около 28% всех промышленных рабочих страны проживало в Будапеште. Материальное и социальное положение рабочих в Венгрии было тяжелее, по сравнению с развитыми странами Европы. Несмотря на это, и в Венгрии на рубеже XIX–XX веков начинается улучшение положения промышленных рабочих и в меньшей степени – аграрного пролетариата.

В Венгрии на рубеже XIX–XX веков формируется система социальной защиты рабочих. Согласно закону 1884 года, дети до 12 лет не имели права работать на производстве без особого разрешения властей, а труд детей до 14 лет ограничивался 8 часами, до 16 лет – 10 часами. Кроме того, для молодежи до 16 лет запрещался ночной труд. Для этой категории граждан запрещался труд на вредных производствах. В отличие от Австрии, в стране устанавливались рамки рабочего дня для женщин: они не должны были превышать 11 часов. Кроме этого, женщины имели право на 4-недельный отпуск после рождения ребенка⁷². Воскресенье и день Св. Стефана являлись официальными выходными днями для всех рабочих страны⁷³.

С 1891 года в стране формируется фонд помощи рабочим, получившим инвалидность на рабочем месте или являвшимся временно нетрудоспособными. Фонд формировался на 50% за счет отчислений работодателей и 50% – рабочих. Рабочий, ставший инвалидом, в зависимости от степени инвалидности, получал от 60 до 100% зарплаты. В случае гибели рабочего его дети – полные сироты, получали 30% зарплаты рабочего, вдовы – 20%, дети – 15%, родители – 20%. Эти ставки могли и повышаться, но в любом случае,

они не должны были превышать 50% зарплаты погибшего рабочего. В 1908 году в Венгрии рабочие получили 445,8 тыс. страховых полисов на «сохранение жизни» на общую сумму в 1390 млн крон, почти 780 тыс. венгерских рабочих стало членами больничных касс, которые их страховали на случай болезни⁷⁴. С точки зрения социального страхования рабочих, Венгрия значительно отставала от Австрии. Венгрия не имела такого экономического и финансового потенциала, производительность труда рабочих в Австрии была выше, тем более Австрия относилась к числу стран, где существовало развитое социальное законодательство, даже по меркам передовых стран.

С помощью Министерства торговли и фабричных инспекций государство пытается вмешиваться во взаимоотношения между трудом и капиталом с целью приведения конфликтующих сторон к компромиссу, хотя это не всегда удавалось сделать. В стране создаются третейские суды для рассмотрения конфликтов между работодателями и рабочими⁷⁵.

Положение рабочих в Венгрии было крайне противоречиво. Высококвалифицированные рабочие получали неплохую зарплату. Меньше всего зарплата была у сельскохозяйственных рабочих и рабочих без определенной квалификации. Средняя годовая зарплата венгерского рабочего составляла 658-662 кроны в год. Самые высокие зарплаты были у рабочих на металлургических предприятиях – 1085 крон в год, машиностроения – 1445 крон, полиграфии – 1242 кроны⁷⁶. Для сравнения, в Германии средняя зарплата составляла 1200-1500 крон в год. Однако необходимо отметить, что уровень потребительских цен в Венгрии был несколько ниже, чем в Германии.

Национальный состав венгерских рабочих был очень пестрым. Около 63% всех рабочих в 1910 г. являлось венграми, 15,4% – немцами, 10,1% – словаками. Наибольший процент венгерских (мадьярских) рабочих был в машиностроении и металлообработке (69,1%), наименьший – в горнодобывающей промышленности (46,3%). Разделение рабочих по национальному признаку сохранялось вплоть до краха империи Габсбургов в 1918 году. Наемные рабочие давали высокий процент лиц, знавших венгерский язык (78,9%)⁷⁷. Следует подчеркнуть, что часть рабочих, проживавших в Будапеште и в других городах, удаленных от «материнской» территории, постепенно ассимилировались с окружающим их венгерским (мадьярским) населением. Постепенно в Венгрии росли культурные и эстетические запросы наемных рабочих. Растет уровень их образованности, среди рабочих распространяются различные просветительские кружки. Острой проблемой для рабочих являлись тяжелые жилищные условия. В благоустроенных государственных и муниципальных квартирах проживало только 10% рабочих Будапешта.

Развитие промышленности, торговли и финансов страны привело к формированию в Венгрии новой социальной силы – «крупной буржуазии». В начале XX века примерно 1 тыс. семей входила в ее ряды, но даже здесь была своя элита, это 150 семей, которые контролировали основную часть промышленности, торговли и финансов страны. Они были тесно связаны между собой семейными и деловыми узами. По экономической и политической мощи они не уступали традиционной аристократии, постоянно подчеркивая свою силу и значимость. Они довольно легко приобретали дворянские титулы, что облегчало их общение с аристократией и «джентри». Семейства Дрехеров и Хаггенмахеров создали венгерское пивоварение, Хатвань-Дойчи контролировали сахарную промышленность страны, Гольдбергеры – текстильную. Среди представителей элиты крупных буржуа следует выделить Жиг-

монда Кронфельда – управляющего Венгерским кредитным банком, Ференца Корини – владельца Шалготарьянской горнодобывающей компании (сына бедного раввина), Манфреда Вайса, который, начав свой бизнес с производства консервов, со временем создал один из крупнейших в Дунайской империи заводов по производству оружия. Слой крупной буржуазии в Венгрии формировался за счет венгров, немцев, уроженцев Венгрии, эмигрантов из Австрии, Германии, Швейцарии, значительную часть среди них составляли евреи.

Однако, отмечая успехи буржуазии, следует подчеркнуть, что ее социальный статус, несмотря на все успехи, не слился с социальным статусом дворянства. Социальная граница между ними по-прежнему присутствовала. Дворяне и буржуа посещали различные клубы, казино, рестораны, кафе. Аристократы и «джентри» предпочитали строить свои загородные виллы на северном берегу озера Балатон, а буржуа – на южном берегу. Евреи получили полное равноправие в стране, они имели тесные деловые контакты с немецкими и венгерскими предпринимателями и внешне отличия между буржуа-евреями и остальными представителями элиты общества не проявлялись, но невидимый водораздел все равно существовал. Буржуа-евреи, немцы представители других немадьярских народов стремились подражать аристократии и «джентри»⁷⁸, они мадьяризировали свои имена и фамилии. Чтобы скрасить «низость» происхождения, буржуа покупали имения дворян, земельные владения, в одежде и поведении они также стремились подражать дворянству⁷⁹.

Следует отметить, что ряд крупных аристократических семейств страны стремились занять свое место в индустриализации Венгрии. Клань Андраши, Палфи, Аппони, Зичи и др. имели собственные рудники, металлургические предприятия, фабрики⁸⁰. Они прекрасно понимали, что ставка только на аграрное производство и земельную ренту не оправдывает себя в условиях мирового аграрного кризиса конца XIX века. Дифференциация экономической деятельности способствовала росту доходов этой части аристократии. Однако значительная часть венгерских аристократов и «джентри» считали вложение средств в развитие промышленного производства делом почти аморальным, недостойным звания венгерского дворянства.

Значительную часть венгерского среднего класса составляли также евреи и представители других немадьярских народов. В начале XX века 42,2% журналистов, 45,2% адвокатов и 48,9% врачей Венгрии были евреями⁸¹. В 1720 году в стране проживало около 12 тыс. евреев, в 1900 г. их численность возросла до 830 тыс. человек. И это притом, что часть евреев мадьяризировалась и попала во время статистических подсчетов в разряд венгров. Отец известного венгерского философа и политика Д. Лукача, Й. Левенгер, преуспевающий бизнесмен и директор «Венгерского кредитного банка», еврей по национальности, являлся активным венгерским патриотом, это предопределило венгерское воспитание его детей и смену фамилии на мадьярский лад, в 1899 г. он получил дворянский титул⁸². И такие примеры не были единичными.

Положение евреев в Венгрии выгодно отличалось в лучшую сторону по сравнению с соседними государствами. Десятки тысяч евреев мигрировали в Венгрию из Галиции, России, Румынии. Евреи доказали свою лояльность венгерскому правительству, выступая в качестве одной из социальных и национальных групп населения, активно борющихся за сохранение венгерских свобод и территориальной целостности страны. В то же время утвер-

ждение о полном доминировании евреев среди представителей среднего класса было бы неверным, так как и другие национальные группы страны активно поставляли представителей среднего класса, особенно немцы и венгры.

Костяк венгерского среднего класса составляла интеллигенция. Только 10% представителей интеллигенция являлось выходцами из дворянства. Основную массу интеллигенции составляли выходцы из буржуазии и других социальных групп населения. Интеллигенция проживала в основном в городах, причем в Будапеште около 25% от всех представителей этой группы населения. Представители национальных меньшинств, попадая в указанную социальную группу, в основном подвергались естественной мадьяризации.

В Венгрии сложилась очень своеобразная ситуация. Развитие буржуазии и интеллигенции не привело к доминированию новой буржуазной идеологии, системы ценностей и образа жизни. Они во всем стремились подражать дворянству⁸³. Дворянство сохраняло свой вес в обществе. Это объяснялось целым рядом обстоятельств: доминированием дворянства в политической, интеллектуальной и, отчасти, экономической жизни страны; выступлением дворянства в качестве хранителя национальных традиций и защитника национальных интересов в борьбе с Габсбургами, желанием немадьярской части буржуа и интеллигенции доказать свою «венгерскость» через подражание эталону, то есть дворянству страны. Значительная часть интеллигенции благополучно интегрировалась в государственные бюрократические структуры, потеряв свой радикализм⁸⁴.

Проявлением индустриализации и бурного экономического развития Венгрии стала ее урбанизация. На рубеже XIX–XX веков горожане составляли уже более 20% населения страны. Причем, эта цифра увеличилась в геометрической прогрессии, так как в 40-е гг. XIX в. в городах Венгрии проживало 5% населения страны.⁸⁵ В 1910 году в Будапеште проживало 880 тыс. жителей, Сегеде – 118000, Дебрецене – 92 тыс., Пожоне – 78 тыс.⁸⁶. Основную массу горожан в стране составляли немцы и венгры, особенно ярко это проявлялось в национальных окраинах и в зонах смешанного проживания различных народов. В Трансильвании и юго-восточных комитатах, при общем доминировании румын, в городах преобладали именно немцы и венгры. Так, в г. Темешвар (Тимишоара) из 72,5 тыс. жителей 39,3% были венграми, 43,6% – немцами и только 10,4% – румынами, в г. Коложвар (Клуж-Напока) из 62,7 тыс. житлей эта пропорция выглядела следующим образом: 81,6% – 2,7% – 14,2%, в г. Арад (76,3 тыс. жителей) 63,4% – 14,2% – 19,1%⁸⁷. Примерно такая же ситуация была на территории Словакии, Подкарпатской Руси и современной Воеводины.

До индустриализации часть городов относились к числу административных и транспортных центров (Дьер, Кашша (Кошице), Темешвар (Тимишоар), Коложвар (Клуж-Напока), Сегед, Фиуме (Риека)), другие являлись центрами ярмарочной торговли (Дебрецен, Кечкемет, Сабадка (Суботица)). Однако индустриализация сводила на нет эту специфику развития венгерских городов. Теперь каждый город имел индустриальный пояс, охватывавший окраины городов, в центре города строились многоэтажные дома, хотя по этому показателю венгерские города еще уступали ведущим странам Европы. Так, если в начале XX в. соотношение многоэтажных и одноэтажных домов выглядело в Будапеште 1:10, то в Берлине 1:20⁸⁸.

В центре городов располагались общественные здания, банки, учебные заведения, почтамты и т.д. Причем, города соревновались друг с другом

в помпезности и величии построек. Но вне конкуренции здесь находился Будапешт. После 1867 года венгры поставили перед собой амбициозную задачу построить столицу, ни в чем не уступающую Вене и другим европейским столицам. В конце XIX – начале XX веков, особенно после объединения в 1873 г. Буды, Обуды и Пешта в один город, полностью меняется городской ландшафт Будапешта. Город был пронизан новыми широкими проспектами, в нем строятся грандиозные общественные здания (парламент, фондовая биржа и т.д.) мосты через Дунай⁸⁹. Только в 80-90-е годы XIX века в Будапеште было построено более 9 тыс. новых зданий, из них около 6100 были жилые дома, общая сумма затраченных на строительство средств превысила 360 млн гул.⁹⁰ Город украшало несколько парков с аттракционами, открытых для всех горожан. В Будапеште строятся прекрасные гостиницы, что увеличивает поток туристов в город⁹¹. Показателем благоустройства города стало снижение в нем смертности. В 1870 году смертность составляла 45 чел. на 1000 жителей, а в 1895 г. всего 24,4 чел.⁹².

С 80-х годов XIX века город переживает настоящую транспортную революцию. В нем было построено 120 км трамвайных путей. В 1896 году впервые в Европе в Будапеште появилась подземная электрическая дорога (метро). Будапешт приобрел столичный лоск, по праву став одним из красивых городов Европы, и даже первая мировая война не могла уничтожить блеск и очарование города. С. Цвейг, оказавшийся в городе в 1915 г., восторженно им восхищался⁹³. Однако бурное развитие Будапешта, как и других венгерских городов, вело к росту стоимости жизни в нем, дорожало жилье, товары первой необходимости, услуги. Путешественники, приезжавшие в Будапешт, делали для себя печальный вывод: цены в Будапеште почти ничем не отличались от венских цен, а Вена считалась одним из дорогих городов Европы⁹⁴. Разумеется, в провинции цены были значительно ниже столичных.

Изменения затронули и другие венгерские города. Центры городов были застроены доходными домами и вымощены булыжником. На центральной улице города сосредотачивались многочисленные магазины, кафе и рестораны. Многие городские кварталы имели канализацию, водопровод и даже электричество. В конце XIX века более 60 венгерских городов имели электрическое освещение⁹⁵. В некоторых городах трамвайные линии соединяли вокзалы с городскими центрами. Но за этим блеском крылись и пороки венгерских городов. За пределами элитного центра находились пыльные и грязные узкие улочки и переулки. Большинство зданий было одноэтажными, мало чем отличавшихся по своему стилю от жилищ сельских жителей. Многие горожане содержали на своих подворьях домашнюю птицу и скот. Ряд небольших городов с трудом можно было назвать городами, так как они мало чем отличались от окружающих их сел.

Тем не менее, венгерские города стали средоточием социально-экономической, политической и культурной жизни страны. Основные события в истории Венгрии 1867-1914 гг. вершились теперь в городах. Венгерская пресса, будучи порождением городской культуры, во многом стала определять общественное мнение страны. В эпоху дуализма периодика Венгрии переживала бум. В 1914 году в стране насчитывалось около 2 тыс. периодических изданий общим тиражом в 250 тыс. экземпляров⁹⁶. Город становился привлекательным для наиболее активной части сельских жителей и не только потому, что там можно было найти работу и зачастую более оплачиваемую, но и тем, что город предоставлял человеку развитую досуговую культуру.

Центрами досуга в стране становятся кинотеатры. К 1914 году в Будапеште их насчитывалось около 100, а по всей стране – более 300. Венгры быстро пристрастились к новому искусству. Это не мешало им любить театр, который являлся неотъемлемой частью не только венгерской культуры, но и национального характера венгров. Оперетты И. Кальмана и И. Штрауса завоевали сердца венгров. Каждый венгерский город считал своим долгом создать собственный театр.

Однако «вторым домом» венгров становятся кафе, где не только можно было выпить чашку кофе, качество которого зависело от уровня достатка человека. Кафе стали общественными, культурными и дискуссионными центрами, где каждый мог выразить свое мнение. В кафе обсуждались последние новости политики, экономики, спорта, сплетни из светской жизни и т.д. В кафе можно было сыграть в карты, шахматы, бильярд. Большая часть периодических изданий распространялась именно в кафе. Только в Будапеште находилось более 600 кафе. Рядом с элитными кафе типа «Нью Йорк», «Централь», «Ллойд», «Фиуме» соседствовали маленькие кафе, рассчитанные на рядового посетителя. Города Венгрии по своему стилю и ритму жизни быстро приближались к городам Центральной Европы (Австрии, Германии, Польши).

***

Венгрия очень медленно адаптировалась к капитализму в XIX в., в эпоху дуализма этот процесс значительно ускоряется. Венгрия относилась к странам, переживавшим «догоняющую модернизацию». Поэтому значительная часть населения была не готова к быстрой радикальной перестройке всего уклада жизни в духе индустриальной цивилизации, прежде всего это относится к крестьянству и части дворянства. Это обстоятельство объясняло слабую социальную мобильность населения и его консерватизм. Несмотря на это, на рубеже XIX-XX вв. облик Венгрии меняется существенным образом.

Страна была не в состоянии, в силу объективных и субъективных причин, проводить широкомасштабную индустриализацию. Поэтому усилия правительства и бизнеса были сосредоточены на создании современной инфраструктуры (кредитно-финансовая система, транспорт, новые средства связи) и отраслей промышленного производства, ориентированных на переработку сельскохозяйственной продукции, горнодобывающей промышленности, металлургии. Политика точечной индустриализации способствовала развитию отдельных высокотехнологичных отраслей промышленного производства (машиностроение, электротехническая, химическая, нефтеперерабатывающая промышленность), что стимулировалось правительством страны. Промышленность Венгрии производила и экспортировала такую наукоемкую продукцию, как транспортные средства (локомотивы, вагоны, трамваи), электрические лампы накаливания, трансформаторы, медикаменты и т.д., что являлось показателем ее относительной экономической зрелости.

По сравнению со странами Западной Европы и Северной Америки, значительную роль в экономической жизни Венгрии играло государство. Оно стимулировало инвестиционную активность в стране, в том числе с помощью привлечения австрийского и иностранного капитала, в ряде случаев государство само выступало в лице крупного инвестора, особенно при строительстве железных дорог и других транспортных артерий. Государство проводило гибкую кредитно-финансовую политику, направленную на

создание благоприятных условий для макро- и микроэкономических преобразований в Венгрии. В то же время государство не играло значительной роли в производстве ВВП, так как государственный сектор в экономике был невелик, поэтому частная экономическая инициатива и свободная конкуренция на рынке являлись основой венгерской экономики. Таким образом, государство в Венгрии предпочитало не прямые, а косвенные методы регулирования экономических процессов.

Среди причин быстрого экономического развития Венгрии на рубеже XIX-XX веков следует выделить ее интеграцию в мировой рынок. До последней трети XIX века, Венгрия развивалась по принципу автаркии вместе с Австрией. В 70-90-е годы XIX века Дунайская империя активно выходит на мировой рынок. Пресловутый «протекционизм» конца XIX века носил весьма ограниченный характер и не наносил серьезного вреда развитию мировой торговли, в отличие от протекционизма 20-30-х годов XX века. Тарифные барьеры в конце XIX – начале XX веков носили очень ограниченный характер, что и привело к беспрецедентному развитию мировых экономических связей в данный период. Свободное передвижение капиталов, технологий, трудовых ресурсов способствовало прогрессу всех стран, включая Австро-Венгрию. Развитию мирового экономического сотрудничества и специализации содействовало наличие твердых, свободно конвертируемых валют ведущих мировых держав (США, Великобритания, Германия, Франция, Австро-Венгрия, Россия и т.д.), приравненных к золотому стандарту.

Большую роль в экономических успехах Венгрии сыграл экономический и таможенный союз с Австрией. Причем, от этого союза выигрывали как промышленность, так и сельское хозяйство страны. Для сельского хозяйства и пищевой промышленности был обеспечен емкий рынок сбыта Австрии, огражденный таможенными барьерами от конкуренции, ведущих экспортеров аграрной продукции. Не меньше выгод получила венгерская промышленность, несмотря на конкуренцию со стороны австрийской промышленности. Это, прежде всего, рынок сбыта, но самое главное – венгерская промышленность получила доступ к австрийским кредитам, капиталам, квалифицированной рабочей силе, т.е. всему тому, чего Венгрия не имела в необходимых масштабах, особенно на первых порах.

Накануне Первой мировой войны в рамках Венгерского королевства складывается единое экономическое пространство, характеризующееся свободным передвижением товаров, капиталов, трудовых ресурсов, созданием общей транспортной сети. Все активнее развивается специализация различных районов страны. Однако неравномерность экономического развития районов Венгрии сохранялась, но, несмотря на это, от экономической интеграции выигрывали все народы страны. В частности, уровень благосостояния сербов и румын Венгрии был выше уровня жизни населения Сербии и Румынии.

Индустриализация страны меняла ее социальный облик. В Венгрии развиваются города, меняется их внешний облик, но, самое главное, городская культура начинает во многом определять облик самой страны и ритм жизни ее граждан. В Венгрии усложняется социальная структура общества, количественно увеличиваются буржуазия и рабочий класс, развивается средний класс, хотя его удельный вес в общей численности населения был невелик и уступал аналогичным показателям ведущих стран Европы и Северной Америки, что, наряду с другими факторами, предопределило слабость венгерского либерализма.

Однако модернизация не привела к улучшению жизни некоторых слоев общества (часть крестьян, ремесленников, промышленных рабочих). Это служило причиной для возможного социального взрыва в стране, что не могло не беспокоить правящую и интеллектуальную элиту страны. Венгрии необходимо было время для успешного завершения модернизации, но первая мировая война прервала этот процесс, приведя к гибели королевства Святого Иштвана.

Примечания

- ¹ Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней / под ред. Т.М. Исламова. М., 1992. – С. 182.
- ² *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. – М., 2002. – С. 392.
- ³ *Айрапетов А.Г.* Вступая в индустриальный мир: венгерские рабочие на рубеже XIX-XX вв. – Тамбов, 1997. – С. 7.
- ⁴ *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы... – С. 392.
- ⁵ Там же – С. 84.
- ⁶ АВПРИ Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 576. Л. 82.
- ⁷ Экономическое положение Венгрии в 1904 г. (донесение генерального консула в Будапеште А. Львова) / Сб. консульских донесений за 1905 г.: СПб., 1905. – Вып. 1. – С. 462.
- ⁸ *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы... – С. 400.
- ⁹ От российского генерального консула в Будапеште // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1901. – №11. – С. 619.
- ¹⁰ *Lasar J.* Hungary. A Brief History. – Budapest, 1993. – P. 72.
- ¹¹ Очерки новой и новейшей истории Венгрии / отв. ред. А.И. Пушкаш. – М., 1963. – С. 129.
- ¹² Промышленность и народное образование Венгрии // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1902. – №2. – С. 364.
- ¹³ АВПРИ Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 576. Л. 159.
- ¹⁴ *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы... – С. 399.
- ¹⁵ Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание: ч. III. Район Северной Венгрии. – СПб., 1914. – С. 44.
- ¹⁶ Курьер: практ. путеводитель для русских по городам и курортам Западной Европы и по Египту / сост. П.П. Кузьминский. – СПб., 1912. – С. 43.
- ¹⁷ Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней... – С. 182; A Short History of Austria-Hungary / By H.W. Steed, W.A. Phillips. London «Encyclopaedia Britannica Company, Ltd», 1914 / <http://www.msstate.edu/Srchives/History/hungary/austria/chap35.htm>. Ch. 29.
- ¹⁸ Венгерское торговое уложение 1875 г. – М., 1884. – С. 3-6, 52-54.
- ¹⁹ АВПРИ Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 576. Л. 79.
- ²⁰ АВПРИ Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 576. Л. 78.
- ²¹ АВПРИ Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 576. Л. 80.
- ²² История Словакии / под ред. Е. Манновой и др. – М., 2003. – С. 255.
- ²³ *Исламов Т.М.* Политическая борьба в Венгрии накануне Первой мировой войны. – М., 1972. – С. 79.
- ²⁴ A Short History of Austria-Hungary... Ch. 29.
- ²⁵ Промышленность и народное образование Венгрии // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1902. – №2. – С. 367.
- ²⁶ АВПРИ Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 576. Л. 140.
- ²⁷ Экономическое положение Венгрии в 1904 г. (донесение генерального консула в Будапеште А. Львова) / Сб. консульских донесений за 1905 г. ... – С. 375.
- ²⁸ A Short History of Austria-Hungary... Ch. 29.
- ²⁹ АВПРИ Ф. 172 Посольство в Вене. Оп. 514/1. Ед. хр. 1302. Л. 4.
- ³⁰ Мукомольный экспорт из Венгрии (донесение консула в Фиуме И. Петерсона) / Сб. консульских донесений за 1899 г. – СПб., 1899. – Вып. 1-6. – С. 126-127.
- ³¹ A Short History of Austria-Hungary... Ch. 29.
- ³² *Маврокордато Г.Д.* Описание Венгрии. – Париж, 1916. – Т. 1 – С. 86.
- ³³ АВПРИ Ф. 172 Посольство в Вене. Оп. 514/1. Ед. хр. 1302. Л. 9.
- ³⁴ Северокавказский край. – 1912. – №338. – С. 2-3; Северокавказский край. – 1912. – №241: Прил.
- ³⁵ *Маврокордато Г.Д.* Описание Венгрии... – С. 90.
- ³⁶ *Исламов Т.М.* Политическая борьба в Венгрии... – С. 54.

- ³⁷ Там же – С. 54.
- ³⁸ Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней ... – С. 234.
- ³⁹ АВПРИ Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 576. Л. 163.
- ⁴⁰ Промышленность и народное образование Венгрии // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1902. №. – С. 369.
- ⁴¹ Там же. – С. 369.
- ⁴² Северокавказский край. – 1912. – №34. – С. 3.
- ⁴³ Северокавказский край. – 1913. – №95. – С. 3.
- ⁴⁴ АВПРИ Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 585, Л. 178.
- ⁴⁵ Энциклопедический словарь товарищества «Бр. А. и К. Гранат». – М., б.г. – Т. 9. – С. V.
- ⁴⁶ Около 65% предприятий химической промышленности Венгрии располагалось в Словакии.
- ⁴⁷ Lasar J. Op. cit. P. 73.
- ⁴⁸ Очерки новой и новейшей истории Венгрии... – С. 130.
- ⁴⁹ АВПРИ Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 576. Л. 60.
- ⁵⁰ Промышленность и народное образование Венгрии // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1902. – №. – С. 370.
- ⁵¹ Социально-политические таблицы всех стран мира. 1907 г. / сост. С. Зак. – СПб., 1907. – С. 152.
- ⁵² Исламов Т.М. Политическая борьба в Венгрии... – С. 54.
- ⁵³ АВПРИ Ф. 172 Посольство в Вене. Оп. 514/1. Ед. хр. 1302. Л. 4.
- ⁵⁴ АВПРИ Ф. 172 Посольство в Вене. Оп. 514. Д. 376. Л. 306-307.
- ⁵⁵ Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы... – С. 400.
- ⁵⁶ Писарев Ю.А. Образование югославского государства. – М., 1975. – С. 15.
- ⁵⁷ История XIX века (Западная Европа и внеевропейские государства) / под ред. Лависса и Рамбо. – М., 1907. – С. 108.
- ⁵⁸ Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание... – С. 45.
- ⁵⁹ Промышленность и народное образование Венгрии // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1902. – №. – С. 365.
- ⁶⁰ Северокавказский край. – 1910. – №203. – С. 2.; Кавказ. – 1914. – №4. – С. 2.
- ⁶¹ РГВИА Ф. 428 Австро-Венгрия. Оп. 1. Д. 1420. Л. 42.
- ⁶² Бимман А.Б. История банков. История развития банков в России и за границей с древнейших времен до наших дней. – СПб., 1914. – С. 36.
- ⁶³ Обзор внешних сношений // Русский вестник. – 1902. – №2. – С. 336; Социально-политические таблицы всех стран мира. 1907 г. ... – С. 73.
- ⁶⁴ АВПРИ Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 576. Л. 61.
- ⁶⁵ Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы... С. 398.
- ⁶⁶ «Королевское Венгерское Пароходное общество «Адрия» было создано в 1881 г., первоначально оно располагало 25 пароходами.
- ⁶⁷ Судходство в Фиуме (донесение консула в Фиуме И. Петерсона) / Сб. консульских донесений за 1899г. – СПб., 1899. – Вып. 1-6. – С. 297-298.
- ⁶⁸ Социально-политические таблицы всех стран мира. 1907 г. ... – С. 165.
- ⁶⁹ АВПРИ Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 576. Л. 156.
- ⁷⁰ Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы... – С. 399.
- ⁷¹ Социально-политические таблицы всех стран мира. 1907 г. ...С. 169.
- ⁷² АВПРИ Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 576. Л. 85-86.
- ⁷³ Промышленность и народное образование Венгрии // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1902. №. – С. 371.
- ⁷⁴ Социально-политические таблицы всех стран мира. 1907 г. ... С. 192, 224.
- ⁷⁵ АВПРИ Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 576. Л. 87.
- ⁷⁶ Айрапетов А.Г. Указ. соч. – С. 53.
- ⁷⁷ Айрапетов А.Г. Указ. соч. – С. 43.
- ⁷⁸ Среди представителей крупной и средней буржуазии представители национальных меньшинств превосходили по численности венгров (мадьяр). В начале XX века крупные и средние буржуа насчитывали примерно 300 тыс. семей (около 1 млн чел.). Аристократия включала 200 семей, «джентри» – около 3 тыс. семей. Средний размер поместья аристократа составлял 6 тыс. га, «джентри» – 100-150 га.
- ⁷⁹ Краткая история Венгрии... С. 235.
- ⁸⁰ История Словакии... С. 237.
- ⁸¹ Sisa S. The Spirit of Hungary. A panorama of Hungarian. History and Culture. – Ontario, 1990. – P. 181.

- ⁸² *Стькалин А.С.* Дьердь Лукач-мыслитель и политик. – М., 2001. – С. 22.
- ⁸³ *Mazsi J.* The Social History of the Hungarian Intelligentsia, 1825-1914. – Boulder; N.Y., 1997. – P. 223.
- ⁸⁴ *Ханак П.* Почему fin de siècle? Социальные и культурные перемены на рубеже XIX-XX вв. / Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. – М., 1997. – С. 107-108.
- ⁸⁵ Краткая история Венгрии... С. 185.
- ⁸⁶ Международный ежегодник: справ. для общественных деятелей. – СПб., 1913. – С. 26.
- ⁸⁷ *Kocsis K., Kocsis-Hodosi E.* Hungarian minorities in the Carpathian basin. – Toronto; Buffalo, 1995. – Appen. – Tab. 17.
- ⁸⁸ *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы... С. 402.
- ⁸⁹ *Sisa S.* The Spirit of Hungary. A panorama of Hungarian. History and Culture... – P. 75.
- ⁹⁰ АВПРИ Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 576. Л. 60.
- ⁹¹ «Курьер». Практический путеводитель для русских по городам и курортам Западной Европы и по Египту... – С. 73.
- ⁹² *Шоу А.* Городское управление в Западной Европе. – М., 1898. – С. 627.
- ⁹³ *Цвейг С.* Вчерашний мир. Воспоминания европейца. – М., 2004. – С. 201.
- ⁹⁴ Путник (Н. Лендер) По Европе и Востоку. Очерки и картинки. – СПб., 1908. – С. 244.
- ⁹⁵ Промышленность и народное образование Венгрии // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1902. – №. – С. 369.
- ⁹⁶ *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы... – С. 406.

А.Г. КУГУЕЛОВ

ПРОБЛЕМА ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война 1914-1918 гг. – одно из самых трагических событий в истории человечества, приведшее в движение миллионы людей. Она превзошла по своим масштабам все происходившие до этого войны. Размах боевых действий, использование новых видов вооружений и тактики ведения боя, все это привело к резкому увеличению по сравнению с прежними войнами числа военнопленных с обеих сторон. Одной из проблем, проявившихся очень остро во время событий 1914-1918 гг., является проблема военнопленных. За годы первой мировой войны в плену оказалось около 8 млн солдат и более 200 тыс. мирных граждан¹. В России было сосредоточено более 2 млн военнопленных германской, австро-венгерской, турецкой, итальянской, болгарской и других армий стран-противников Антанты².

В последние годы интерес к теме первой мировой войны возрастает. Появляется огромное количество трудов, отображающих как в целом события 1914-1918 гг., так и частные аспекты войны. Среди общих работ по истории войны необходимо отметить четырехтомник «Мировые войны XX века»³, два тома которого посвящены теме первого мирового кризиса. Здесь рассмотрены причины и итоги первой мировой войны, освещены боевые действия, политика и дипломатия противоборствующих стран, внутреннее положение государств, их экономика. В издании публикуются основные международные договоры, приводится также часть дипломатической переписки между руководителями европейских стран.

Специальных работ по проблеме военнопленных сравнительно мало. Так, российский ученый Д. Люкшин в статье «Да за нашими бабами вьются. Военнопленные в крестьянской России»⁴, описывает жизнь и быт военнопленных стран Четверного союза на территории Казанской губернии, их численность, национальную принадлежность, условия их содержания. Его исследование основано на данных Государственного архива Республики Татарстан. За десять лет до публикации Д. Люкшина, исследователь из Республики Марий Эл, Г.И. Кириллов⁵, подробно останавливался на описании

быта и повседневной жизни австро-венгерских и немецких военнопленных на территории Царевококшайска в 1916-1918 гг. И.Н. Новикова в статье «Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену»⁶, подробно останавливается на одном из аспектов пребывания военнопленных на территории России – побегам австрийских и немецких пленных на родину через страны Скандинавии.

Особое место занимает работа ставропольского ученого И.В. Крючкова, вышедшая два года назад и посвященная проблеме военнопленных Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии⁷.

Цель статьи: показать степень изученности проблемы пребывания военнопленных стран Четверного союза на территории России. В центре внимания были вопросы их численности, национального состава, быта и повседневной жизни, использования пленных на различного рода работах.

Казанская губерния, в состав которой входил и Марийский край, стала одним из центров размещения беженцев, интернированных и военнопленных: всего в Казанском военном округе, по данным Д. Люкшина, содержалось более 285 тысяч военнопленных⁸. Однако ни военная, ни гражданская администрация региона не были готовы к приему такого количества новых обитателей. Первые партии пленных в городах Центральной России размещали в неподготовленных помещениях: доходных домах, казармах новобранцев и деревянных сараях. В Казанской губернии за годы войны не было построено до конца ни одного специального лагеря для их содержания, такие лагеря, например, строились в Сибири, условия содержания в них были гораздо более тяжелыми, чем в центральных областях России. В Поволжье же офицеров размещали на квартирах без охраны, лишь под надзором полиции. Военнопленные жили по соседству с местным населением, которое, судя по отчетам, спокойно относилось к присутствию в губернии подданных враждебных держав.

Нужно отметить, что в целом условия содержания военнопленных в России отвечали требованиям Гаагской конвенции 1907 года, которые на долгие годы определили цивилизованные правила ведения войны. В частности, Стокгольмская конвенция, подписанная представителями Красного Креста России и центральных держав в 1915 году, уточняла в духе Гаагской конвенции 1907 года статус и права военнопленных, находившихся на территории России, и ее противников, накладывала определенные обязательства на правительства государств, на чьей территории оказались пленные. На практике требования этого положения в полном объеме выполнить было весьма трудно, так как обеспечение приемлемых условий существования для столь огромного количества новых жителей стало непосильным бременем для империи.

На втором году войны пленных стали распределять по уездным городам и даже в деревнях. Размещение военнопленных на территории России было организовано по национальному принципу. В привилегированном положении оказались военнопленные Австро-Венгрии, так как многие из них были славянского происхождения. Пленных же немцев, австрийцев и венгров отправляли, как правило, подальше от центра – обычно за Урал: в Омский, Иркутский, Туркестанский и Приамурский военные округа. На территорию одной только Казанской губернии, как утверждает Д. Люкшин, прибыло более двадцати тысяч военнопленных австро-венгерской, германской и итальянской армий⁹. Вообще же на берегах Волги обрели временное пристанище представители практически всех этнических групп, населявших империи

Гогенцоллернов и Габсбургов: немцы, мадьяры, русины, поляки, чехи, евреи, словенцы, хорваты, боснийцы, словаки, румыны, болгары, сербы и т.п.

Царевококшайск был одним из городов Казанской губернии, где содержались военнопленные. О пребывании в уездном Царевококшайске пленных солдат и офицеров стран Четверного союза, дают представление материалы, сохранившиеся в местном архиве. Царевококшайский лагерь военнопленных был преимущественно офицерским. В составе пленных, оказавшихся в Царевококшайске, число офицеров в два-три раза превышало число солдат, так как в маленьком городе негде было применить солдатскую рабочую силу и крупные партии солдат сюда не направлялись. Офицеры были, как правило, в небольших чинах. Из ста с лишним офицеров в контингенте пленных 1916 года, пишет Г.И. Кириллов, один имел чин майора, четверо были капитанами, девять – штабс-капитанами, и остальные – поручики, подпоручики, лейтенанты и кадеты¹⁰. Подавляющее число пленных были военнослужащими австро-венгерской армии, германцев было менее десятка.

К месту размещения пленные доставлялись по железной дороге либо по рекам, на пароходах. Оказавшимся на пересыльном пункте или на месте постоянного размещения разрешали отправлять телеграммы родственникам и знакомым, пленные могли связаться даже с однополчанами. Жизнь военнопленных четко регламентировалась, они получали все, что им было положено. Вместе с тем надзор за ними был достаточно строгим. Нарушения правил пресекались твердой рукой. Г.И. Кириллов в своей статье приводит, например, такой факт, отмеченный в приказе воинского начальника: «Военнопленного кадета Александра Барто за разговор с военнообязанной женщиной-немкой арестовываю на 7 суток при Управлении, а ратника, окарауливавшего пленных офицеров, за то, что допустил женщину-немку в помещение пленных офицеров, арестовываю на 10 суток простым арестом»¹¹.

В конце 1915 года пленных начинают привлекать к общественным, оборонительным и сельскохозяйственным работам. Военнопленных использовали на гидротехнических работах, лесозаготовках, строительстве железных дорог. Если в 1915 году пленных направляли в основном на работу в помещичьи «экономии», то через год они широко использовались и в крестьянских хозяйствах.

Русская деревня, как ни странно, давала представителям империи Гогенцоллернов и Габсбургов именно то, чего они были лишены в городах и на пересыльных пунктах: чувство уверенности в завтрашнем дне. Военнопленный впервые за долгие месяцы обрел почву под ногами и мог перевести дух. Обычно крестьяне щедро кормили своих работников. В «экономиях» все обстояло еще проще: пленные находились во власти управляющего, который распоряжался их трудом при посредстве старших рабочих. Враждебные чувства сельское население испытывало к «виртуальному» немцу, а реальные военнопленные особого раздражения не вызывали. Д. Люкшин приводит в своей статье отчет начальника Казанского губернского жандармского управления министру внутренних дел, в котором отмечалось отсутствие у крестьян единодушия в отношении к военнопленным и говорилось, что население относится к пленным «местами достаточно дружелюбно... местами же с недоверием и недружелюбно»; в том же отчете указывается и причина подозрительного отношения к пленным: «мужья, находящиеся в армии, опасаясь за супружескую верность их жен, в своих письмах настраивают родственников против военнопленных: «Мы тут кровь проливаем, а

они (военнопленные) там (в деревне) барами живут да за нашими бабами вьются»¹².

В «экономии» направлялись рабочие команды численностью от двух до тридцати человек. Там управляющие позволяли им переодеваться в штатскую одежду, не ограничивали свободу перемещения по селу, стремились поощрить трудовые усилия военнопленных. Крестьяне также остались довольны. Уже ранней весной 1916 года и помещики, и крестьяне обратились к земству, стараясь заполучить в свои хозяйства военнопленных, без которых не мыслили себе успешную посевную. Население «нанимало» пленных, то есть выплачивало им за работу дополнительное вознаграждение, без насильственного привлечения к работам. Военнопленные, в свою очередь, вели себя «вежливо», «по указанным правилам». Симпатия между пленными и крестьянами оказалась настолько устойчивой, что, по утверждению Д. Люкшина, большинство работников остались в хозяйствах и на зиму, помогая «своим» хозяевам молотить хлеб, возить сено и заготавливать дрова. Фактически они перешли на содержание крестьян, которые не только кормили работников, но и снабжали их бельем, одеждой и обувью¹³.

Распределением пленных солдат занимались губернские и уездные земства, куда земледельцы и землевладельцы направляли заявки, на основании которых затем формировались рабочие команды. Немцы, работавшие в деревнях, питались в соответствии с нормами, определенными Стокгольмской конвенцией, и даже лучше, за счет работодателей. Их труд оплачивался из бюджета земства: в месяц, по данным Д. Люкшина, они получали 8 рублей¹⁴. Таким образом, в 1915 году пленный, оказавшийся на поле, имел возможность не только хорошо питаться, но и существенно улучшить свое материальное положение. Другим серьезным источником денежных средств была материальная помощь своим военнопленным ряда частных фондов Германии и Австро-Венгрии. Так, из Германии через «Дойче банк» было переведено для военнопленных в России 14 млн 700 тыс. руб., из Австро-Венгрии – более 7 млн руб.¹⁵ Кроме того, военнопленные офицеры получали жалованье в зависимости от чина 50-100 руб. в месяц. К тому же в Сибири или в Средней Азии нередки были случаи, когда пленные подрабатывали как инженеры, бухгалтеры и т.п.

В сравнении, скажем, с Сибирью, Поволжье представлялось благоприятным местом, в 1915-1916 гг. в Казанской губернии, по данным того же Д. Люкшина, умерли всего шесть военнопленных: трое скончались от дизентерии и тифа, один солдат скончался от ран, прапорщик австро-венгерской армии Янош Асман утонул во время купания в Каме, и еще один человек повесился в лесу в Царевококшайском уезде, причины самоубийства так и остались невыясненными¹⁶. Попытки побега также были крайне редкими, что объясняется как удаленностью Поволжья от линии фронта, суровым наказанием для беглецов (их заключали в тюрьму), так и отсутствием внятных стимулов для побега.

Но все же попытки побегов были. Известно, например, что одни пленные пытались бежать через русско-иранскую границу, другие – через Дальний Восток в Америку. Но все-таки основным направлением побегов была русско-финская граница. Благодаря относительной простоте перехода, Финляндия привлекала военнопленных, размещенных практически по всей России – сюда бежали из лагерей Нижнего Новгорода, с тульских заводов, с Украины и даже из Средней Азии, Западной и Восточной Сибири. Военнопленные, по данным И.Н. Новиковой, использовали несколько маршрутов

для побегов: достаточно популярным был путь Петроград–Белоостров–Выборг–Гельсингфорс, откуда беглецы стремились попасть в финские города на побережье Ботнического залива или переходили шведскую границу в Северной Финляндии; другой маршрут: Сердоболь (Сортавала)–Нейшлот–Оулу–Торнео¹⁷.

Бежали в основном со строек, например, с Мурманской железной дороги. Беглецами являлись, как правило, немцы и австрийцы. Бежали не из-за каких-либо притеснений, а из-за тяжелых условий работы, плохого климата. К побегу подталкивали следующие обстоятельства: наличие солидных денежных средств, плохая охрана, безлюдные просторы русского севера, близость Финляндии, откуда легко было попасть в Норвегию или Швецию. В Швеции, например, существовала специальная организация, оказывавшая помощь беглецам, в частности, нанимавшая для них финских проводников, которые подстрекали военнопленных к побегам.

И.Н. Новикова в своей статье описывает несколько удачных попыток побегов. Так, например, она указывает, что первые сведения об удачном пересечении военнопленными финско-шведской границы российские военные власти получили осенью 1915 года: в одной из шведских газет был описан случай бегства шести германских военнопленных, трое из которых перешли границу в 20 км севернее Торнео. Второй случай удачного побега, также ставший достоянием общественности благодаря шведским газетам, – это побег австрийского полковника графа Лубенского из лагеря военнопленных в Костроме. Лубенскому удалось приобрести российский паспорт, с которым он добрался до Петрограда, затем пересек практически всю Финляндию вплоть до Ботнического залива. Финны переправили его через залив в Швецию, где он оказался под покровительством германского консула¹⁸.

Чтобы бороться с побегам, а заодно и с жалобами международных организаций, Управление Мурманской железной дороги решило сократить время пребывания военнопленных на строительстве дороги до нескольких месяцев, чтобы те не успели подготовиться к побегу. Выживших перебрасывали «для поправки здоровья» куда-нибудь на юг, например, на строительство Черноморской железной дороги. Были приняты также меры по усилению охраны финско-шведской и финско-норвежской границ. К поимке беглецов пытались привлечь и местное население, обещая выплачивать, по данным И.Н. Новиковой, за каждого задержанного пленного по 100 марок¹⁹.

Что касается фальшивых документов, то их в местах сосредоточения военнопленных можно было купить и на рынке, и даже в самом лагере за 150–200 руб.²⁰ Подпольные мастерские по производству фальшивых документов имелись в Петрограде, Москве, Красноярске, Омске, Вятке, Гельсингфорсе. Офицеры, бежавшие из плена, иногда покупали документы прямо в поезде, на пути в Петроград.

Для проникновения в Финляндию и затем перехода границы военнопленные использовали различные хитроумные приемы. Например, они могли изображать из себя прибалтийских беженцев или богомольцев, желавших попасть в святые обители, правда, исключительно на финской территории. Иногда военнопленные договаривались между собой бежать небольшой группой. Одного, похожего на славянина, одевали в форму русского солдата, который играл роль конвоира, сопровождавшего остальных военнопленных. На вокзале мнимый конвоир с фальшивыми документами, хорошо владевший русским языком, обращался к местному начальству, которое обычно

оказывало ему полное содействие, иногда даже отводило специальное купе. Таким способом группа добиралась до финской границы.

1917 год, начавшийся для российской провинции с известий о свержении монархии, застал сельское хозяйство Поволжья в разгар подготовки к весеннему севу. По отработанной уже схеме крестьяне и землевладельцы предполагали использовать для развития своих трудовых усилий пленных, однако моральное разложение армии, сопровождавшееся массовым дезертирством, внесло существенные коррективы в обыденный сценарий деревенской жизни. В результате деятельности нового правительства довольно быстро оказались упразднены или парализованы государственные институты, отвечавшие за содержание и использование военнопленных. Как раз ко времени сева в поволжских селениях скопилось огромное количество дезертиров, отпускников и раненых, не желавших возвращаться в свои части. Они приступили к привычным крестьянским занятиям. В создавшихся условиях крестьянские общины практически не нуждались в услугах военнопленных и от них легко отказались. Крестьяне, стремившиеся подзаработать в экономиях, решили избавиться от конкурентов; к тому же многие мужчины горели желанием предъявить «счет» тем, кто как им казалось, замещал их не только на поле, но и на супружеском ложе. В 1917 году отмечены открытые конфликты крестьян с военнопленными. До этого момента обходилось без рукоприкладства и агрессии.

На жизни и быте военнопленных сказались потрясения, происходившие в стране. С одной стороны, имела место либерализация режима содержания пленных – они получили больше возможностей для самоорганизации и выражения своих интересов. С другой стороны, вместе с нарастанием экономических трудностей ухудшалось их материальное положение, стали отмечаться факты недоставки пленным писем, посылок и переводов. Так, например, Г.И. Кириллов в своей статье утверждает, что в октябре 1917 года военнопленный офицер Шандор Дьердьфи писал уездному почтовому начальству, что не получил отправленных ему денежных посланий, об отправке которых его известили из дома²¹. Были пропажи нескольких посылок с вещами и продуктами. Военнопленные добивались облегчения условий своей жизни в плену. По ряду моментов власти шли им на встречу. Так, в конце декабря 1917 года в приказе по Казанскому военному округу были обнародованы правила, устанавливающие особые льготы для военных поляков: более свободное содержание, большая свобода передвижения, объединения и др. Данные правила распространялись также на военнопленных чехов, словаков и украинцев. На основании этих льгот военнопленные всех национальностей вскоре начали через своих представителей добиваться большей свободы содержания. Наряду с общими заявлениями военнопленных поступали и заявления отдельных лиц с конкретными просьбами. Например, Г.И. Кириллов приводит заявление подпоручика Вильгельма Марковича, поданное в начале 1918 года, в котором говорилось следующее: «Я, нижеподписавшийся австро-венгерский военнопленный офицер, прошу уважаемое начальство мне срочно разрешить сочетаться с браком на здесь живущую австрийскую незамужнюю подданную именно Анну Хэйнрих. Одновременно прошу мне позволить жить после заключения брака в частной квартире...»²².

Охрана лагерей была ослаблена, и военнопленные получили возможность относительно свободного выхода из мест содержания, в лагерях военнопленные создавали свои выборные комитеты, которые занимались вопросами их быта, трудоустройства и т.д. Постепенно размывалось само понятие

«плен», хотя значительно увеличилось и число побегов. Вследствие тяжелого продовольственного положения в России ухудшилось и снабжение пленных. Они превращались в «нежелательных едоков». Так, по данным И.Н. Новиковой, в июне 1917 года в городе Або (Турку) был задержан немецкий унтер-офицер Роберт-Хельмут Циннерт. На допросе он сообщил, что вместе с примерно 200 военнопленными был отправлен на строительство Мурманской железной дороги. Через пять недель работы подвоз продовольствия совершенно прекратился. Пленные устроили бунт, в результате чего местное руководство, не в силах обеспечить всех сносным питанием, распустило их «на все четыре стороны»²³.

В марте 1918 года между Россией и Германией был подписан Брест-Литовский мирный договор, которым предусматривалось освобождение военнопленных противоборствующих сторон. После подписания договора, предусматривавшего обмен военными и гражданскими пленными, Советское правительство стало принимать меры к наведению порядка в отношении учета пленных, соблюдения общих правил их содержания. В поступавших распоряжениях содержались указания о принятии мер против побегов военнопленных и их самовольных переходов с места на место.

Таким образом, в литературе достаточно подробно освещены некоторые стороны пребывания военнопленных в России. Исследования российских ученых по этой теме единичны, что связано, на наш взгляд, не только с недостаточной источниковой базой, но и с неоправданной непопулярностью самой темы в предшествующие годы. И хотя в последнее время появилось несколько трудов, посвященных данной проблеме первой мировой войны, вне поля зрения авторов оказалось много вопросов. Недостаточное освещение получило описание правовых и организационных проблем пребывания военнопленных на территории России, их отношения с местным населением, не известными оказались и судьбы австро-венгерских и немецких пленных после окончания первой мировой войны.

Примечания

¹ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: исторический очерк. – М., 2005. – С. 629.

² Новикова И.Н. Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... // Военно-исторический журнал. – 2006. – №2. – С. 55.

³ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: исторический очерк. – М., 2005. – 581 с.

⁴ Люкшин Д. Да за нашими бабами вьются. Военнопленные в крестьянской России // Родина. – 2002. – №10. – С. 24-27.

⁵ Кириллов Г.И. Австро-германские военнопленные в уездном Царевококшайске (1915-1918 гг.) // Марийский археографический вестник. – 1995. – №5. – С. 30-44.

⁶ Новикова И.Н. Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... // Военно-исторический журнал. – 2006. – №2. – С. 55-58.

⁷ Крючков И.В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны / И.В. Крючков. – Ставрополь: 2006. – 144 с.

⁸ Люкшин Д. «Да за нашими бабами вьются». Военнопленные в крестьянской России // Родина. – 2002. – №10. – С. 24.

⁹ Там же. – С. 24.

¹⁰ Кириллов Г.И. Австро-германские военнопленные в уездном Царевококшайске (1915-1918 гг.) // Марийский археографический вестник. – 1995. – №5. – С. 32.

¹¹ Там же. – С. 36.

¹² Люкшин Д. Да за нашими бабами вьются. Военнопленные в крестьянской России // Родина. – 2002. – №10. – С. 26.

¹³ Там же. – С. 26.

¹⁴ Там же. – С. 25.

¹⁵ Новикова И.Н. Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... // Военно-исторический журнал. – 2006. – №2. – С. 55.

¹⁶ Люкшин Д. Да за нашими бабами вьются. Военнопленные в крестьянской России // Родина. – 2002. – №10. – С. 25.

¹⁷ Новикова И.Н. Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... // Военно-исторический журнал. – 2006. – №2. – С. 56.

¹⁸ Там же. – С. 56.

¹⁹ Там же. – С. 57.

²⁰ Там же. – С. 57.

²¹ Кириллов Г.И. Австро-германские военнопленные в уездном Царевкокшайске (1915-1918 гг.) // Марийский археографический вестник. – 1995. – №5. – С. 37.

²² Там же. – С. 40.

²³ Новикова И.Н. Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... // Военно-исторический журнал. – 2006. – №2. – С. 58.

Т.Г. НЕФЕДОВА, А.Д. ОГОРОДНИКОВ

ВETERАНЫ 6-Й НЕМЕЦКОЙ АРМИИ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В ОКРУЖЕНИИ В 1942-1943 ГГ.

Сталинградская битва – значимое событие не только в истории Великой Отечественной войны, но и в тысячелетней истории Российского государства. Для нас – это неоспоримый символ мужества нашего народа, стойкости и героизма русского солдата. В 1943 году для большинства стран мира разгром немцев на Волге прозвучал как торжественный победный набат. Его слышали и ему радовались в Британии, поэтому английский король подарил жителям Сталинграда символ чести и мужества – меч. Весть о победе разжигала надежду даже в сердцах китайских партизан: узнав эту новость, будущий «великий кормчий» сказал, что отныне разгром Японии стал делом времени.

Победный набат для антигитлеровской коалиции превратился в похоронный звон для Германии. Это была катастрофа немыслимых для страны масштабов, даже нацистский режим не смог скрыть произошедшего. В одночасье рухнула немецкая картина мира, в плен «русским варварам» сдалась целая армия во главе со своим фельдмаршалом. 6-я армия вермахта, самый совершенный в мире механизм, просто прекратила свое существование по воле «дикарей». Со временем боль поражения утихла, прусский дух, столетиями культивировавшийся в стране, получил более тяжелые травмы. Однако трагедия окруженных осталась, так как бедствия, пережитые попавшими в «котел», по своим масштабам и трагичности не имеют аналогов в истории современной Германии.

Источниками для данной статьи явились личные дневники, протоколы допросов немецких военнопленных, солдатские письма на родину, мемуары выживших очевидцев событий, приказы и донесения советского командования. Использование такого спектра источников позволило взглянуть на события, во-первых, с различных позиций – от мнения рядового солдата до точки зрения генерала, а во-вторых, давало возможность критически оценить и взаимодополнить различные виды документов, особенно мемуары, написанные через годы, а то и десятки лет после войны. В целом, разнообразный круг источников позволил взглянуть на Сталинградскую битву гла-

зами ее немецких участников. Обращение к свидетельствам из первых уст было обусловлено ростом интереса к истории быта и истории ментальности.

Трагедия 6-й армии генерала Фридриха Паулюса началась с первых залпов операции «Уран». Красная армия прорвала немецкую оборону, через два дня советские механизированные корпуса встретились в г. Калач и замкнули кольцо окружения. Первый блицкриг по-русски состоялся.

После окружения 6-я армия зажила своей особой жизнью. Занимаемая ею территория превратилась в немецкий остров, волею советских войск все дальше отдалявшийся от Третьего рейха. Если командование еще поддерживало связь с большой Германией, то для подавляющего большинства окруженных мир за пределами «котла» стал чем-то эфемерным. У них сразу появились особые, малопонятные остальной Германии проблемы.

Первой и основной из них, от которой исходили все последующие трудности, стало плохое снабжение окруженной группировки. При составлении списков необходимого 6-й армии имущества, которое немцы могли доставить по воздушному мосту, в первую очередь пожертвовали боеприпасами для полевой артиллерии. В итоге на вес золота оказался каждый снаряд. По свидетельству военнопленного К. Вильникера, в его подразделении «был даже составлен акт по поводу произведенного из орудия выстрела без особого указания, и на командира батареи было наложено взыскание»¹. В письмах домой артиллеристы признавались в собственном бессилии перед противником. Так, унтер-офицер Г. Злотт писал: «С боеприпасами у нас обстоит дело очень плохо – получаем очень мало. Если бы имели 100-200 снарядов, тогда пусть бы русские приходили»². Но это было далеко не самое страшное в сложившейся для 6-й армии обстановке.

Положение с продовольствием гораздо сильнее сказалось на состоянии немецких войск. Первые недели блокированная армия доедала запасы со складов, оказавшихся на территории окружения. Однако уже в первые недели декабря, по свидетельству казначея санитарной роты О. Рюле, пережившего окружение, «наши солдаты впервые узнали, что такое голод: все запасы были съедены до последнего грамма»³. Правда, голодали не все. Многие авторы мемуаров отмечают, что полевые жандармы, охранявшие аэродром, выглядели здоровыми до последних дней. О голоде не пишут и штабные офицеры. Основную тяжесть окружения вынесли на себе линейные части, хотя и среди них были исключения. Так, в мемуарах О. Рюле есть упоминание о том, что «некоторые части, как, например, 71-я пехотная дивизия, которой удалось захватить зерновой силос и сохранить его только для себя, были в несколько лучшем положении»⁴.

Основой продовольственного пайка окруженных немецких солдат был хлеб. Того количества, что выдавалось, хватало лишь для поддержания жизни. «200 граммов – это ведь слишком мало для жизни и слишком много, чтобы умереть»⁵, – читаем в письме ефрейтора К. Бекка. В некоторых частях не было и хлеба. Например, К. Вильникер рассказывал на допросе: «Единственное, что мы получали за эти дни – вечером котелок похлебки на троих»⁶. В такой обстановке было естественным, что солдаты искали дополнительные источники питания. Довольно быстро солдаты перешли на конину – для многих в «котле» это мясо стало единственной пищей, которую они могли раздобыть. Из письма ефрейтора П. Замма: «Я так слаб, что еле могу держаться на ногах. Если мне удастся раздобыть кусочек конины, я чрезвычайно счастлив»⁷. Окруженные немцы даже достигли некоего профессионального мастерства в добывании этого продукта. В одном из донесений НКВД

цитируются такие строки из письма немецкого солдата: «С какой быстротой люди здесь разделяют тушу – этого ты представить себе не сможешь»⁸. Правда, немцам под Сталинградом не повезло даже с кониной. До того, как 6-я армия была взята в кольцо русских войск, большинство лошадей были выведены на зимние пастбища и оказались за чертой окружения. Поэтому немецкие солдаты действительно съели всех собак в Сталинграде. Из письма Отто Зехтага: «Тут в Сталинграде я зарезал трех собак. Можете думать что хотите, главное то, что мясо вкусное. Я сварил себе сороку. Могу сказать, что она имеет вкус курицы, – суп был такой желтый»⁹.

Неудивительно, что главной темой писем на родину у солдат вермахта стал голод и мольба о хлебе. Еда стала и основной темой разговоров, думать о чем-то другом, не получалось. «Не надо ничего, кроме одного единственного кусочка хлеба»¹⁰; «мы сидим в дзотах и думаем только о хорошей еде. Не проходит часа, чтобы мы не вспомнили о хорошем хлебе и колбасе»¹¹ – вот типичные строки из писем немецких солдат. Постоянное недоедание приводило к дистрофии, солдаты стали мало на что способны в качестве бойцов: «У двадцатилетних дистрофиков общее патолого-анатомическое состояние оказалось настолько отрицательным, что можно было подумать, будто это глубокие старики»¹². Даже в штабах не хватало продовольствия, и вороны, кормившиеся трупами немецких солдат, вызывали несказанное раздражение штабных работников. «Досыта кормилось лишь воронье – эти гнусные птицы, которые на Восточном фронте всегда казались мне вестниками грядущей близкой беды»¹³, – писал в своих воспоминаниях немецкий офицер И. Виддер.

Все, что оставалось большинству немцев, это греться в своих укрытиях, благо Красная Армия не проводила против них серьезных наступательных операций. Такое положение даже давало повод для самоиронии: «Единственное что у нас еще осталось – это теплый блиндаж. От еды мы потихоньку отвыкаем»¹⁴. Выходить наружу не стоило, во многих частях зимнего обмундирования не получили. «Войска в подавляющем большинстве своем встретили убийственные русские морозы, почти не имея зимней одежды»¹⁵, – вспоминал прошедший через окружение И. Виддер. Имеющаяся униформа зачастую не отвечала условиям русской зимы: «Солдаты сильно страдают от холода, т.к. кроме комбинированных серо-белых брюк и френчей, мы ничего не получили»¹⁶. И это на второй год войны в России! После того, как год назад под Москвой солдаты вермахта вымерзали целыми дивизиями!

Несколько лучшее положение было в танковых частях и подразделениях люфтваффе. По свидетельству военнопленного К. Шмалера, «все солдаты 16 танковой дивизии получили теплое белье, ватные брюки и куртки или теплые дополнительные шинели, валенки»¹⁷. Оснащение же служащих в люфтваффе вызывало у пехотинцев озлобление и зависть. Из мемуаров офицера вермахта В. Адама: «Понятно, что настроение моих пехотинцев не могло улучшиться, когда они увидели все эти груды шуб, меховых жилетов, меховых шапок, валенок, зимних теплых рукавиц, подбитых ватой маскировочных костюмов, которыми были снабжены солдаты военно-воздушных сил, находившиеся под покровительством Геринга»¹⁸. Итогом недостатка зимнего обмундирования стали случаи массового обморожения в окруженных войсках. По словам О. Рюле, «в лазарете лежали десятки солдат и офицеров с обморожением третьей степени, у некоторых от ног и рук остались одни кости, но их не отправляли на самолетах. Для них не нахо-

дилось места»¹⁹. Об обморожениях первой и второй степени медики не упоминали вовсе, видимо, это было уже нормой.

Еще одной бедой окруженной армии стали болезни. Участник Сталинградской битвы писал об этом: «Дизентерия и тиф напрочно поселились в «котле», вши заедали нас, смерть гуляла вдоль и поперек»²⁰. Это не удивительно, если учитывать те антисанитарные условия, в которых находились солдаты. Один из них вспоминал, что «...пару белья я, не сменяя, носил четверть года»²¹. Множество страданий причиняли вши, которые стали чуть ли не главным бедствием на войне. Об этом говорилось, часто с долей иронии, почти в каждом солдатском письме: «Моим вшам живется отлично, питаются они вдоволь. Это видно по их количеству, их столько, что опасаясь, что они перегрызут тебе шею»²²; «вши... – это очень милые и преданные маленькие животные»²³; «если бы мы за каждую вошь, что имеем, получали один грамм хлеба, у нас бы было приличным куском хлеба больше»²⁴.

К физическим страданиям добавлялись моральные, прежде всего – отсутствие связи с родным домом. Ввиду нестабильной работы авиации плохо работала почта. «В прошлом месяце, – читаем в письме Г. Вельца, – я получил одно единственное письмо и знаю, что жена пишет мне ежедневно. Ужасно, еще будучи живым, медленно умирать для внешнего мира»²⁵. Если первое время была еще надежда на то, что положение с письмами улучшится, «и можно будет рассчитывать на нормальную работу почты»²⁶, то ближе к новому году стало понятно, что проблема не будет решена. Для выживших отсутствие связи с домом было одним из самых горестных воспоминаний: «Теперь же почты, судя по всему, ждать больше не приходится. Казалось, оборвались последние нити, связывавшие нас с родиной и семьями. Солдатская дружба, сколь бы крепка она ни была, не могла больше заглушить растущего чувства полного и беспросветного одиночества»²⁷. Находившиеся в «котле» оказались в положении заживо погребенных. Для своих родных они фактически были потеряны. Наверное, ими овладевало чувство дикого одиночества, если они упрекали своих близких в том, что те ничего не знают об их судьбе: «Вы там, на родине, не имеете никакого представления о том, что мы тут переносим и что нам предстоит пережить»²⁸. Такие настроения не могли не сказаться отрицательно на боевом духе немецких солдат.

В окружении намного трагичнее ситуация складывалась для раненых солдат. Ко всем бедам добавлялись раны, тем более что в вермахте традиционно раненые снабжались хуже солдат на передовой. Так, старший ефрейтор К. Мюллер писал: «Лежу раненый в блиндаже, без почты, без правильного ухода и голодать приходится немало»²⁹. Полевые лазареты просто не справлялись с потоком раненых солдат и офицеров, так как «принимали раненых в десять раз больше положенного»³⁰. Не хватало буквально всего: помещений, медикаментов, квалифицированного персонала, продовольствия, дров для обогрева. В результате раненых привозили в госпиталь, чтобы они там спокойно умирали. Так, основной госпиталь 6-й армии в Гумраке, по словам его бывшего казначея, «был своеобразным массовым лагерем смерти»³¹.

Особой страницей в жизни сталинградского «котла» стало Рождество 1942 года. Несмотря на то, что национал-социализм зачастую выступал против христианской церкви, Рождество для немцев так и осталось главным праздником в году. Этот день не остался без внимания солдат и офицеров 6-й армии. В стремлении скрасить беспросветное существование на всех уровнях этот праздник пытались отметить как можно лучше. Из обзора писем

немецких солдат, находящихся в окруженной группировке, составленного для советского командования, видно, что солдаты искали дополнительное продовольствие: «...На рождество от знакомого солдата из Шпандау я за 2 папиросы и добрые слова получил 2 хлеба на 6 человек. Этот хлеб казался нам рождественским пряником»³². Главной мыслью на время стало обустройство праздника. О. Рюле вспоминал, как «ломал себе голову над тем, чем еще скрасить наш рождественский вечер»³³. Правда, по воспоминаниям И. Виддера, «традиционно праздничного настроения не было ни у кого, но подлинный смысл Рождества согрел нас и рассеял окружавший нас мрак»³⁴. И все же Рождество – семейный праздник, и оно невольно стало еще одним поводом, чтобы вспомнить о доме. Офицер Г. Вельц позднее так вспоминал памятный рождественский вечер 1942 года: «Разговор то и дело замирает, смотря на горящие свечи, вдыхают сосновый запах, отодвигаются к стене в полутьму за спину соседа, а мысли уходят далеко, устремляются к дому»³⁵. Для многих праздник не оправдал даже самых крохотных надежд. По свидетельству одного солдата, «в качестве рождественского подарка мы получили по 6 папирос и больше ничего»³⁶, по признанию другого, «могу честно сказать, что в этом году я провел самое грустное рождество»³⁷.

В Советском Союзе главным праздником давно уже стал Новый год, и Красная Армия не забыла напомнить об этом к ужасу немецких солдат. Новогодняя ночь запомнилась им отнюдь не праздничной атмосферой, а сильнейшим артиллерийским обстрелом. В письме обер-ефрейтора Руди Зерга читаем: «На Рождество у нас было довольно спокойно, но в ночь под Новый год с 22.00 до 23.00 начался ад»³⁸. Советское командование вообще, жалея личный состав, предпочитало действовать артиллерией и авиацией. Такая тактика в определенной мере приносила свои плоды. «Ущерб от артиллерийских налетов просто обескуражил нас»³⁹, – признавал О. Рюле. Хотя, с другой стороны, это давало повод, по крайней мере для некоторых солдат, усомниться в боевой мощи противостоящих им советских войск: «Русские хотят нас взять измором, но сил у них для этого не хватает»⁴⁰. Однако, когда русская армия переходила в наступление, эти сомнения пропадали, и немцам оставалось только молиться. Из письма ефрейтора Райнголдта Ваккера: «Тяжелы русские продолжительные атаки. Слава богу, до сих пор позиции удерживаются, хотя и ценой больших потерь»⁴¹. При нехватке боеприпасов, физическом истощении, по признанию немцев, «что они могли противопоставить ударным частям русских с их многочисленными танками, реактивными установками, орудиями и минометами, их досыта накормленными солдатами в теплом зимнем обмундировании?»⁴². Все сравнения с вычитанными из книг описаниями мясорубок Первой мировой войны бледнели на фоне происходящего: «Мы ведем теперь войну, какую никогда до сих пор не знали. Я читал в книгах про битвы в мировую войну, но вижу, что здесь еще хуже»⁴³.

При всем этом немецкие солдаты и офицеры продолжали держаться и оказывать упорное сопротивление. Мотивы такого мужества и стойкости были различны. Иногда причиной была злость на противника («Мне пока еще доставляет удовольствие дать хорошую очередь по русским»⁴⁴, – фраза из письма ефрейтора Х. Диттмара), а чаще – выработанная годами привычка повиноваться приказу («Вскоре мы уже вели тяжелый бой, отражая мощную атаку советских танков. Забыты все разговоры, сомнения, заботы. Я думал только о задаче, стоявшей передо мной как командиром

полка»⁴⁵, – строки из воспоминаний офицера Р. Петерсхагена). Таким образом, несмотря ни на что, 6-я армия продолжала сохранять остатки боеспособности.

Еще один фактор играл немаловажную роль в поддержании духа и боеспособности войск – безграничная вера в своего вождя – Адольфа Гитлера. Что бы ни писали немцы после войны об аполитичности вермахта, во многих письмах есть фразы о том, что фюрер не может бросить своих солдат. Из письма ефрейтора Карла Вольфа: «За то время, что мы здесь сидим в этом котле, мы уже очень много испытали и пережили, но у всех нас есть крепкая надежда, что фюрер постарается сделать все возможное, чтобы нас освободить, как только позволит погода»⁴⁶. В принципе причин сомневаться у них не было, до сих пор все свои обещания Гитлер выполнял. При этом даже немало пожившие, несомненно, неглупые люди, искренне считали, что можно оставаться одновременно национал-социалистом и человеком. К примеру, командир 384-й пехотной дивизии Э. Габленц писал родным: «Я думаю, что можно быть и национал-социалистом, не беря греха на свою душу, если занимаешь такую незначительную и специфически узкую должность как командир дивизии»⁴⁷. Причем, веру в своего вождя сохраняли в окружении не только солдаты. Даже офицеры штабов, где, собственно, хорошо знали, что нечего питать никаких иллюзий на освобождение, и то ждали какого-то чуда. «В конце концов, ведь каждому солдату в окружении были хорошо известны слова Гитлера о том, что он вызовет их из котла. А ведь до сих пор этому человеку все удавалось»⁴⁸, – такие настроения царили среди солдат и офицеров.

Еще одним фактором, тесно связанным с именем фюрера и позволявшим немецким солдатам держаться, была надежда на то, что помощь все-таки придет. «Увижу ли я вас всех снова – это еще вопрос, – писал старший солдат Йозеф Хюнерконф. – Я с нетерпением ожидаю, будем ли мы освобождены. Долго мы этого не выдержим»⁴⁹. Уже было известно, что 4-я танковая армия разбита, как, впрочем, все итальянские, румынские и венгерские дивизии группы армий «Б», что Красная Армия продвигается на запад. Зная все это, в солдатах 6-й армии «еще жила крошечная искорка надежды. Она помогала огромной массе окруженных, измученных и полуголодных солдат быть в состоянии боевой готовности»⁵⁰. А еще кто-то из солдат продолжал считать, что сражается под Сталинградом за Великую Германию. «Могу сказать, что если бы не наша сила воли, желание жить, воодушевление борьбой за Германию, – то дело уже давно было сломлено»⁵¹, – читаем в письме одного из солдат окруженной группировки. Другие вспоминали, что победным маршем дошли до самой Волги и «не должны грустить и отчаиваться, ибо мы знаем, что в истекшем году были достигнуты прекрасные успехи»⁵². Некоторые до сих пор считали, что русские могут хорошо воевать лишь зимой, а летом немецкая армия непобедима. Из письма ефрейтора Йозефа Шмидта: «Но и эта зима пройдет, и тогда мы покажем русским, что немецкий солдат может все»⁵³. Так или иначе, но немецкие солдаты находили для себя причины держаться. Кроме того, в головы солдат было вбито, что плен – это смерть. Как писал один из них, «...плен означает или выстрел в спину, или пожизненную каторгу в Сибири»⁵⁴.

Однако, если на фюрера еще молились, то остальные вожди Третьего рейха начинали раздражать. Напыщенные речи министра пропаганды там, под Сталинградом, были пустыми: «Геббельс говорил сегодня вечером, но

какая польза от этого? Нам этим не поможешь»⁵⁵. Еще одной пропагандистской уловкой, которая вызвала всеобщее возмущение в 6-й армии, стало понятие «Сталинградская крепость». Его изобрел сам Гитлер, считая, что тем самым он поднимал дух окруженных солдат и вселял уверенность в граждан Третьего рейха. Эта фраза стала распространенной в Германии и пущена в ход в первых приказах главного командования сухопутных сил. Однако в окруженной армии под Сталинградом ее просто не оценили и «воспринимали как горькую иронию, а подчас и как издевательство»⁵⁶.

Невыносимые условия жизни, целые поля, усеянные мертвыми, – все это заставляло задуматься о Боге. Немецкая армия в своей основной массе оставалась христианской. Капелланы шли вместе со своей паствой, пытались по мере своих сил облегчить положение солдат. Однако, глядя на происходящее, окруженным трудно было верить в милосердного и всемогущего Бога. По признанию одного из них, «солдаты перестали верить священнику. Трудно увязать все эти страшные события бытия с верой в слово божье»⁵⁷. У большинства же окруженных вера в Бога оставалась единственным утешением и надеждой. «Я уже хорошо знаю мир, – писал домой один из солдат 6-й армии. – Это – долина скорби. Один бог может дать нам счастье»⁵⁸. У многих еще теплилась надежда на какое-нибудь улучшение в положении, ведь «хуже, чем сейчас, слава богу, быть не может»⁵⁹. Но условия, в которых оказались солдаты и офицеры 6-й армии, были настолько тяжелы, что всякое желание жить у многих просто пропадало. Майор Г. Вельц так писал о состоянии своих подчиненных во время боя: «Инстинкт самосохранения притупился. Сторонний наблюдатель покачал бы головой: он или поразился бы нашей выдержке под огнем противника, или счел бы ненормальными. Скорее последнее»⁶⁰. Даже приводившие немецких солдат в священный ужас «катюши» не казались столь страшны, поскольку «апатия так велика, что это уже не причиняет беспокойства»⁶¹. Люди потихоньку ломались от пережитых страданий и безысходности бытия. Уже будучи в советском плену, О. Рюле так описывал свое тогдашнее состояние: «За шесть недель окружения во мне что-то треснуло, надломилось, и я чувствовал, что склеить меня уже невозможно»⁶². Пожалуй, определенный смысл для многих немцев во всех этих страданиях существовал – только пройдя их, у многих спадала с глаз пелена лжи и пропаганды. «Как прекрасна была бы жизнь, если бы не было этой проклятой войны. Я вынужден шататься по этой вшивой России неизвестно за что»⁶³, – написал в письме обер-ефрейтор А. Беец. И еще: несмотря на все надежды, стойкость и упорство, преданность Германии, в души солдат начала прокладывать дорогу неуверенность в исходе войны. Из протокола допроса военнопленного К. Шмалера: «Боевой дух германских солдат последними неудачами подорван очень сильно. Многие из числа до последнего времени веривших в победу Германии стали теперь сомневаться в этом»⁶⁴.

На долю немцев, попавших в сталинградский «котел», выпали неисчислимые страдания. Они оказались заложниками упрямства Гитлера и желания его окружения выслужиться перед фюрером. Возможности сопротивления немецких войск постоянно падали. Красная Армия до конца января 1943 г. не предпринимала серьезных наступательных операций, и немедленной катастрофы 6-й армии под Сталинградом не произошло. Для окруженной группировки противника гораздо более страшным врагом стал голод. Отсутствие зимнего обмундирования привело к постепенному вымерзанию 6-й армии. Ко всему этому добавились вши, нехватка медикаментов и поте-

ря очень важного для солдат психологического момента – связи с домом. Все это вместе привело к быстрой деградации окруженной армии как единого механизма, психологическому и физическому истощению большинства защитников «Сталинградской крепости».

В современной Германии говорится о солдатах 6-й армии как о мучениках, заложниках нацистского режима и «дикой России». Думается, такой подход не достаточно верен. Ведь немцы страдали не у себя на Рейне, а у нас на Волге, до которой дошли, прокладывая себе дорогу огнем и мечом. Там умирали те, кто присягнул на верность нацистскому режиму, те, кто в большинстве своем верил в фюрера и его идеи.

Примечания

- ¹ Донесение ОО НКВД ДФ в УОО НКВД СССР с протоколом допроса военнопленного К. Вильникера // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 301.
- ² Из письма унтер-офицера Готтлиба Злотга // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 326.
- ³ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 18.
- ⁴ Там же. – С. 39.
- ⁵ Из письма ефрейтора Конрада Бекка // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 340.
- ⁶ Донесение ОО НКВД ДФ в УОО НКВД СССР с протоколом допроса военнопленного К. Вильникера // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 301.
- ⁷ Из письма ефрейтора Пауля Замма // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 314.
- ⁸ Донесение ОО НКВД ДФ военному совету ДФ с обзором писем немецких военнослужащих // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 333.
- ⁹ Из письма солдата Отто Зехтага // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 315.
- ¹⁰ Из письма вахмистра Отто Зебера // Там же. – С. 326.
- ¹¹ Донесение ОО НКВД ДФ военному совету ДФ с обзором писем немецких военнослужащих // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 335.
- ¹² Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 59.
- ¹³ Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 67.
- ¹⁴ Из письма обер-ефрейтора Эриха Абисфельда семье Эрихе Купке в Берлин // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 350.
- ¹⁵ Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 53.
- ¹⁶ Донесение ОО НКВД ДФ в УОО НКВД СССР с протоколом допроса военнопленного К. Вильникера // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 303.
- ¹⁷ Донесение ОО НКВД ДФ в УОО НКВД СССР с протоколом допроса военнопленного К. Шмалера // Там же. – С. 316.
- ¹⁸ Адам В. Трудное решение / В. Адам. – М., 1972. – С. 191.
- ¹⁹ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 31.
- ²⁰ Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 84.
- ²¹ Донесение ОО НКВД ДФ военному совету ДФ с обзором писем немецких военнослужащих // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 333.
- ²² Обзор писем немецких солдат, находящихся в окруженной Сталинградской группировке // Там же. – С. 330.
- ²³ Из письма унтер-офицера Йозефа Шумахера // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 315.
- ²⁴ Из письма старшего ефрейтора Каплера // Там же. – С. 339.
- ²⁵ Вельц Г. Солдаты, которых предали / Г. Вельц. – М., 1965. – С. 197.
- ²⁶ Из письма старшего ефрейтора Бергарда Гебгардта // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 325.
- ²⁷ Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 78.
- ²⁸ Из письма солдата Альфреда Рера // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 349.
- ²⁹ Из письма старшего ефрейтора Карла Мюллера // Там же. – С. 315.
- ³⁰ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 48.
- ³¹ Там же. – С. 80.
- ³² Обзор писем немецких солдат, находящихся в окруженной Сталинградской группировке // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 330.

- ³³ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 24.
- ³⁴ Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 80.
- ³⁵ Вельц Г. Солдаты, которых предали / Г. Вельц. – М., 1965. – С. 167.
- ³⁶ Из письма ефрейтора Фрица Линова // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 338.
- ³⁷ Обзор писем немецких солдат, находящихся в окруженной Сталинградской группировке // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 331.
- ³⁸ Из письма обер-ефрейтора Руди Зерга семье Карла Якоба в Берлине // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 378.
- ³⁹ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 18.
- ⁴⁰ Донесение ОО НКВД ДФ военному совету ДФ с обзором писем немецких военнослужащих // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 333.
- ⁴¹ Из письма ефрейтора Райнгольда Ваккера // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 349.
- ⁴² Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 81.
- ⁴³ Донесение ОО НКВД ДФ военному совету ДФ с обзором писем немецких военнослужащих // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 334.
- ⁴⁴ Из письма ефрейтора Х. Диттмара семье Диттмар в Гауминген // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 363.
- ⁴⁵ Петерсхаген Р. Мятежная совесть / Р. Петерсхаген. – М., 1958. – С. 20.
- ⁴⁶ Из письма ефрейтора Карла Вольфа Елизавете Вольф // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 349.
- ⁴⁷ Перевод письма командира 384-й пехотной дивизии Э. Габленца // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 292.
- ⁴⁸ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 41.
- ⁴⁹ Из письма старшего солдата Йозефа Хюнерконфа // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 325.
- ⁵⁰ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 33.
- ⁵¹ Обзор писем немецких солдат, находящихся в окруженной Сталинградской группировке // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 330.
- ⁵² Из письма старшего ефрейтора Карла Партенгаммера // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 338.
- ⁵³ Из письма ефрейтора Йозефа Шмидта // Там же. – С. 339.
- ⁵⁴ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 53.
- ⁵⁵ Из письма унтер-офицера Франца Арнольда // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 348.
- ⁵⁶ Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 45.
- ⁵⁷ Петерсхаген Р. Мятежная совесть / Р. Петерсхаген. – М., 1958. – С. 19.
- ⁵⁸ Обзор писем немецких солдат, находящихся в окруженной Сталинградской группировке // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 332.
- ⁵⁹ Там же. – С. 331.
- ⁶⁰ Вельц Г. Солдаты, которых предали / Г. Вельц. – М., 1965. – С. 249.
- ⁶¹ Штейдтеле Л. От Волги до Веймара / Л. Штейдтеле. – М., 1975. – С. 220.
- ⁶² Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 37.
- ⁶³ Из письма обер-ефрейтора Арно Бееца // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 315.
- ⁶⁴ Донесение ОО НКВД СТФ в УОО НКВД СССР с протоколом допроса военнопленного К. Шмалера // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 316.

Т.И. ИВАНОВА

ПРЕВЕНТИВНАЯ ПОЛИТИКА В АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА КАНЦЛЕРА Г. ШРЁДЕРА (2001-2004 гг.)

Объединение Германии повысило международный статус страны. В соответствии с этим в течение 90-х годов XX века вплоть до 2005 года сначала правительство Г. Коля, а затем коалиционное правительство Г. Шрёдера, последовательно продолжали и вновь выстраивали основные направления ее внешней политики, придерживаясь концепции самоутверждения, принципов «преемственности и развития». Преемственность выражалась в сохранении трех приоритетных стратегических составляющих: европейская интеграция, трансатлантические связи и многостороннее сотрудничество. Развитие

предполагало углубление, совершенствование, обновление и приспособление традиционных и новых элементов внешней политики к реалиям постоянно меняющейся мировой и европейской обстановки. В этой связи следует отметить, что после прекращения «холодной войны» эти изменения коснулись и облика потенциальных угроз международной и национальной безопасности. По общему признанию в странах Запада и в России теперь их представляла взаимосвязанная триада: распространение оружия массового уничтожения, транснациональная преступность и международный терроризм. Но, к сожалению, за осознанием угроз не последовало столь же действенных шагов по формированию единых представлений о сути и причинах этих явлений, и что не менее важно о стратегии и тактике противодействия им.

11 сентября 2001 г. в США мировое сообщество столкнулось с одной из этих опасностей. В этот день она заявила о себе тысячами жертв мирных граждан и стала трагическим свидетельством незащищенности мира перед лицом новых вызовов. Речь идет о международном терроризме, по сути своей воплощавшем в себе всю триаду.

Данное явление, учитывая его многоликость и разнообразие, существовало и ранее, но в виде региональных и внутринациональных проблем. Теперь же оно приняло глобальный характер. Его масштабы, широкое применение насилия и непредсказуемая, вызывающая опасения во многих странах политика, потребовали от международного сообщества и государств пересмотра, разработки и совершенствования стратегии и тактики, адекватных мер, направленных на создание новой системы международной безопасности и глобальных механизмов противодействия террору.

Предшествующий опыт и глобальность вставших задач подтвердили тот факт, что в одиночку в борьбе против международного терроризма успеха не добиться никому. Одна из причин этого, по мнению К.П. Боришполеца, в том, что «современный терроризм проявляет высокую способность адаптации к новым условиям глобальной экономики и международной среды». Результатом адаптации стал структурный «переход от жестко организованных локальных террористических групп к свободно структурированным международным сетям террористических сообществ»¹. С точки зрения Л. Робертсона, занимавшего в то время пост генерального секретаря НАТО, терроризм – это «феномен с множеством особенностей», поэтому и борьба с ним также требовала «многообразной реакции», в процессе которой «невозможно будет отказаться от военных средств»².

Вполне естественно, что в этих условиях встал вопрос о возможностях германской внешней политики отвечать соответствующим образом на новые угрозы и вызовы. Проблема состояла и в том, будет ли и дальше внешняя политика Германии ориентироваться на превентивные меры и мирные средства или, сообразуясь со своей «новой ответственностью», коалиция «красно-зеленых» внесет в нее определенные коррективы. Например, сочтет возможным использовать и военную составляющую в борьбе против терроризма в рамках солидарности с США.

Как показала практика, основные элементы внешнеполитической стратегии Германии 90-х годов сохранились и в условиях проведения антитеррористических мероприятий как «гражданского», так и военного характера. Главное отличие состояло в том, что их развитие осуществлялось теперь с точки зрения борьбы с международным терроризмом и в контексте антитеррористической деятельности государств. С первых же шагов Германия выступила за согласование своей стратегии с США, союзниками по НАТО

и Европейскому Союзу и высказала заинтересованность в оптимизации процесса формирования европейской политики в сфере безопасности и обороны с учетом новых угроз со стороны международного терроризма.

Статья – это одна из точек зрения на опыт Германии по использованию превентивной политики, как фактора противодействия международному терроризму в рамках антитеррористической коалиции³. Она никоим образом не претендует на исчерпывающую полноту в освещении данной проблемы.

Отношение в Германии к терроризму до 11 сентября

ФРГ, вместе с другими государствами Запада, пережила пик террористических проявлений во второй половине 60-х – 70-е годы XX в. По стране прокатилась волна «молодежного бунта», в виде движения «внепарламентской оппозиции», поставившего под сомнение идеалы государства благосостояния. Полиция и спецслужбы столкнулись с использованием различными левацкими террористическими структурами («Роте армее фракцион» (РАФ), «Движение 2 июня») насильственных методов и террора для достижения поставленных целей и оказались не в полной мере готовы к адекватным действиям. По мнению К. Бёллинга, одного из ведущих публицистов Германии, терроризм группы РАФ, в решающем плане оказался схож с терактом 11 сентября. «Террористы были в некотором роде религиозными фанатиками. Ульрих Майнхоф, центральная фигура в РАФ, левая идеалистка и интеллектуалка, выдвинула лозунг, согласно которому члены РАФ могли стрелять в полицейских чиновников, не испытывая при этом никаких угрызений совести»⁴. Реализация этой установки привела к многочисленным жертвам, а некоторые убийства не раскрыты до сих пор.

Но еще более напряженными для ФРГ стали 70-е годы XX века. Взрывы и нападения на различные объекты, террористический акт против олимпийской команды Израиля в Мюнхене (1972 г.), серия убийств чиновников высокого ранга (1977 г.) – далеко не полный перечень проявления левацких террористических угроз. Данные события потребовали обеспечения немедленной координации действий всех ответственных за безопасность служб как внутренних (федеральных и земельных), так и внешних (международных и европейских).

В 70-80-е гг. XX века «по горячим следам» власти ФРГ приняли ряд правовых документов, составивших юридическую основу по организации борьбы с терроризмом. В основу этой практики «малая коалиция» (СДПГ и СвДП) положила методы ограничения и расширения полномочий. Наиболее значимым из них был «Указ об экстремистах», одобренный 28 января 1972 г. на совместном заседании федерального канцлера В. Брандта и премьер-министров земель. В соответствии с ним чиновники при приеме на государственную службу должны были представить доказательства своей лояльности к германскому государству. В тоже время согласно изменениям, внесенным в Основной закон ФРГ, (вступили в силу в июле 1972 г.) федеральные и земельные органы исполнительной власти расширили свои права по координации действий в случае актов террора или насилия со стороны противоправных организаций.

В результате применения жестких правовых норм к террористам и мер профилактического воздействия к радикально настроенным элементам, правительство федерального канцлера Г. Шмидта смогло нейтрализовать РАФ и заставило террористов сдаться. Концепция «оборонеспособной демо-

кратии» оказалась эффективной и была охарактеризована как «решительная и осмотрительная». Решительная, поскольку не поощряла терроризм, и осмотрительная, поскольку жесткая реакция государства не допустила солидаризации населения с террористами. При этом государство, против основ которого они выступали, сохранило свои принципы, закрепленные в Основном законе ФРГ, и не капитулировало перед фанатиками. Но между событиями 70-х годов и международным терроризмом начала XXI века есть и существенное различие. РАФ, с ее идеологией и криминальной практикой, не получила поддержки среди западных немцев, чего нельзя сказать о современных террористах-фанатиках, тесно связанных с различными слоями исламского и западного общества.

В 1981-1983 гг. в ФРГ рабочая группа экспертов-специалистов опубликовала четырехтомный сборник трудов «Анализ терроризма». Аналитические материалы сборника раскрывали существенные изменения в мотивации и действиях первого и последующих поколений западногерманских террористов и стали основой для разработки стратегии и тактики борьбы с терроризмом в дальнейшем.

Такой шаг был сделан в декабре 1986 г. правящим кабинетом христианских демократов во главе с канцлером Г. Колем. В ФРГ был принят текст первого «Закона о терроризме», дополненный в 1989 г. новыми положениями, упрощавшими процедуру рассмотрения в суде правонарушений, связанных с террористическими акциями⁵. Существенное значение в этом плане имела также конференция западногерманских экспертов в Мюнхене (1987 г.), в документах которой признавалось, что предшествовавшие «формальные оценки фактов и споры о квалификации действий террористов, не вносили ясности в стратегию борьбы с терроризмом». Качественно новый этап в изучении этого явления связывался с исследованием «причин, истоков и механизма развития терроризма», с установлением его политической мотивации. Идеологическая мотивация, приоритетная ранее, теперь, по мнению участников, отошла на второй план и нужна была только для обоснования уже совершенного действия.

В конце 80-х – начале 90-х годов под влиянием глобализации терроризм начал набирать силу. Бурные события, а еще в большей степени их последствия, связанные с «афганским синдромом», новым витком «холодной войны», а затем с бархатными революциями в Восточной Европе, прекращением «холодной войны», объединением Германии, распадом СССР, обострили вопросы противодействия терроризму. Все чаще в СМИ появлялся термин «исламский фактор», в центре которого стоял арабо-израильский конфликт. Однако политические круги западных стран, включая и Германию, явно опаздывали с оценкой новой угрозы и координацией своих усилий по ее предотвращению. Одной из причин явилось «увлечение» политикой «двойных стандартов» по отношению к террористическим организациям, режимам и движениям, которые в зависимости от ситуации выступали то «друзьями», то «врагами» западного общества. Наглядным примером тому стало участие Германии в «талибанизации» Афганистана, когда на протяжении десятка лет германское антитеррористическое подразделение GSG-9 вместе с американцами обучало «борцов за веру», а самолеты Бундесвера доставляли для них «гуманитарные грузы» в Пешавар⁶.

Как показала практика основной смысл осуществления данной политики – достижение США и их союзниками вполне определенных глобальных политических целей, но, к сожалению, без достаточного анализа возможных

последствий таких шагов, как для себя, так и для других государств и регионов, с чем и столкнулось мировое сообщество в настоящее время.

Определенную роль в несвоевременной оценке новых угроз сыграло и то, что научные круги, в том числе имеющие выходы в «большую политику», высказывали различные точки зрения на проблему терроризма. Одни исследователи еще до 11 сентября рассматривали расширение масштабов террористических актов как «новую» угрозу, перед которой стоит человечество. Они же предупреждали об опасности конфронтации между исламом и западным миром и призывали к «диалогу культур»⁷. Данная точка зрения во многом отражала внешнеполитическую позицию Германии и других европейских государств. С другой стороны, в 90-е годы получила распространение теория С. Хантингтона. Его вывод о неизбежности противостояния между мусульманской и христианской цивилизацией попытались использовать в 2001 году, чтобы объяснить новый всплеск терроризма. В результате после терактов не только прозвучал призыв к «крестовому походу», но и реальностью стала политика «превентивных ударов» по странам, подозреваемым в причастности к терроризму. Вместе с тем имели место и суждения другого рода. Так Я.В. Хонинг в статье «Концептуальные рамки» отмечал, что новые сферы конфликтов периода, последовавшего за окончанием «холодной войны», не представляют собой фундаментальных угроз для безопасности Запада. Терроризм оценивался как тип конфликта незначительной интенсивности, с которым Запад может легко справиться даже в случае его эскалации⁸.

И все-таки к середине 90-х годов мировое сообщество сделало важные шаги по осознанию угрозы со стороны современного терроризма. 9 декабря 1994 года Генеральной Ассамблеей ООН была утверждена «Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма». При этом отмечалось, что пресечение актов терроризма, в том числе с участием государств, является одним из важнейших элементов поддержания мира и безопасности⁹.

Последующие события на Балканах и на территории России свидетельствовали об эскалации террористической угрозы, которая заявила о себе новой волной «суверенизации» и стремления «выйти из-под контроля». Все это сопровождалось проявлениями терроризма, принявшего качественно новую религиозно-политическую окраску. Несомненно, на эти события мировое сообщество не могло не реагировать, поскольку акции террористов приводили к многочисленным жертвам среди гражданского населения и разрушали инфраструктуру экономики и общества.

Большое значение в этой связи имело принятие 30 июля 1996 г. на Парижском совещании министров «восьмерки» пакета из 25 мер, направленных на повышение эффективности противодействия терроризму. Особое внимание обращалось на «обеспечение прочного урегулирования нерешенных конфликтов», «противостояние условиям, способствующим развитию терроризма», совершенствование национального законодательства, решительно пресекавшего подобную деятельность. В сфере международного сотрудничества приоритет был отдан правовым, административным и информационным мерам противодействия терроризму.

Но, к сожалению, воплощение политических решений в практические действия не обошлось без «двойных стандартов» для государств, ставших объектом глобальной политики. В результате США и их союзники снова создали прецедент, допустивший нарушение норм международного права

и переключение приоритетов в урегулировании конфликтов с ООН на региональные организации, прежде всего НАТО.

Вместе с тем, под влиянием глобализации и конфликтов, Европа столкнулась с масштабным потоком беженцев и иммигрантов из регионов, не подключившихся к процессам модернизации, с массой социально-экономических, политических, этнонациональных проблем и высоким уровнем конфликтности. Это было свидетельством того, что существующий миропорядок не удовлетворял многие страны и народы, так как своими «благими намерениями» государства «золотого миллиарда» не только не исключали, а нередко и обостряли действие целого ряда факторов, которые сохраняли условия для возрождения и трансформации терроризма.

Сложившаяся ситуация коснулась и ФРГ, что потребовало от властей более конкретной ее оценки и прогнозирования последствий в связи с обострением опасности со стороны исламского фундаментализма. Еще в начале 1997 г. глава Федерального ведомства по охране конституции П. Фриш предупреждал, что исламские фундаменталисты могут стать «для Германии проблемой номер один в области безопасности». В следующем столетии, добавил он, эта проблема «по всей вероятности, будет волновать органы безопасности в первую очередь». Одновременно П. Фриш напомнил о сокращении штатов в Федеральном ведомстве по охране конституции (ФВОК), Федеральном управлении уголовной полиции в Висбадене и Федеральной разведывательной службе (БНД)¹⁰. С другой стороны, к концу 90-х годов международное сообщество уже испробовало различные средства борьбы с исламскими фундаменталистами. Это были военные, экономические, политические и гуманитарные акции, в которых в той или иной степени участвовала и Германия. На этом фоне сложилось ее осторожное и осмотрительное восприятие мусульманского мира, где по-прежнему сохранялось множество нерешенных проблем. Поиск дополнительных конструктивных решений привел политические и общественные круги Германии к осознанию необходимости развития культурного диалога между Западом и исламом. Несмотря на дискуссии, скептицизм и негативные оценки, «диалог культур» рассматривался в качестве важного условия для установления взаимопонимания между народами, а в перспективе и для решения более глобальных задач.

До событий 11 сентября в рамках ООН и Совета Безопасности (1998, 1999 гг.) было принято еще несколько конвенций, резолюций и соглашений, осуждавших все акты, методы и практику терроризма и определявших основные направления антитеррористической деятельности государств. Основу ее составляли меры по предотвращению и пресечению терактов всеми законными средствами. Они включали: отказ в убежище, арест, судебное преследование и выдачу лиц, связанных с планированием, финансированием и совершением терактов; обмен информацией и сотрудничество судебных и административных органов¹¹. 20 октября 1999 г. в Заявлении министров стран «восьмерки», проходившей в Москве, еще раз подчеркивалось: «...Всем государствам следует использовать законодательные и практические средства в рамках международных стандартов в области прав человека и норм международного права для предотвращения террористических актов и наказания лиц, виновных в их совершении», а также «предотвращать и пресекать на своей территории действия по подготовке и финансированию террористических актов»¹².

Однако усилия стран по пресечению деятельности террористических лиц и групп оказались недостаточными. По мнению многих исследователей,

террористам удалось использовать в своих целях преимущества открытого общества, правового государства, конституционные права и свободы граждан западных государств, в том числе и в Германии. Руководствуясь этими же принципами, государство терпимо относилось к исламистам. Достаточно сказать, что 3 из 19 террористов, задействованных в терактах в США, являясь «законсервированными агентами», жили, учились и проходили специальную подготовку в Гамбурге и Бохуме.

После трагических событий 11 сентября, когда потребовалась корректировка антитеррористической стратегии, велось расследование терактов и готовилась операция «Несокрушимая свобода» в Афганистане, Германия снова оказалась в центре событий. Во-первых, государством и обществом, в качестве альтернативы силовой реакции на терроризм, оказался востребованным предыдущий опыт по борьбе с терроризмом и концепция «оборонеспособной демократии». И, во-вторых, в Германию вели нити подготовки терактов в США, что предопределило принятие правительством активных шагов по защите страны от угроз исламских фундаменталистов. Уже 19 сентября 2001 года серией мер оно отменило налоговые привилегии для любых религиозных объединений, рассматривая их как вероятный канал финансирования террористических групп; ввело судебные разбирательства в случае задержания на ее территории членов террористических организаций, действующих на территории другого государства; и приняло решение о пересмотре порядка выдачи виз¹³.

По этому поводу канцлер Г. Шредер заявил, что в борьбе с терроризмом «не может быть никаких сомнительных компромиссов» и все решительные действия соответствующих структур по защите наших ценностей будут осуществляться только в соответствии с нормами правового государства¹⁴.

Реакция, оценки, основные принципы противодействия терроризму

С позиции мировой и европейской политики внешней реакцией Германии на теракты в США можно определить как «неограниченная солидарность», сдержанность, ответственность, справедливое наказание и, по мнению профессора политологии Г. Хельманна, стремление сохранить «германские приоритеты по приданию цивилизованного характера международным отношениям»¹⁵.

Внутри страны ответственные за безопасность структуры приступили к разработке мероприятий по противодействию терроризму, которые нашли отражение в пакетах мер безопасности I и II. По признанию министра внутренних дел О. Шили, государство способно защитить граждан путем принятия законов. Однако меры, нарушавшие баланс между безопасностью, правами человека и индивидуальной свободой, вызвали критику представителей ряда партий (ХДС, ПДС, Союз 90 / Зеленые) и правозащитных организаций и не были включены в окончательный текст мер, поскольку в них увидели опасные шаги на пути «к государству всеобщего контроля».

Определяя свое участие в антитеррористических мероприятиях, германские политики, несомненно, учитывали, что в глобализирующемся мире понятия внешней (мировой, европейской) и национальной безопасности становятся практически неотделимыми.

Правительство канцлера Г. Шредера, представлявшее «красно-зеленую коалицию», и население Германии незамедлительно отреагировали на террористические акты в США волной солидарности с Америкой. В Берлине про-

шла акция протеста «Нет террору», собравшая 200 тысяч человек. На Бранденбургских воротах: символе свободы немцев, развевался черный транспорант: *Wir trauern – our deepest sympathy*.

Федеральный канцлер Г. Шредер уже в первые часы после терактов недвусмысленно дал понять, что это «объявление войны цивилизованному миру» ни в коей мере не является «борьбой культур, а борьбой за культуру во все более срастающемся мире» и совершенные теракты не приведут к взятию под подозрение одной из крупнейших мировых религий или к дискриминации мусульман. «...Мы не находимся в состоянии войны с исламским миром. Террористы объявили нам войну, и они будут привлечены к ответу за это. Теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне не имеют ничего общего с религией», – заявил Г. Шредер¹⁶. Такое заявление вполне оправданно в стране, где проживало около 3,5 млн верующих мусульман, являющихся законопослушными гражданами, а афганская диаспора насчитывала 80 тысяч человек. По этой же причине Г. Шредер, государственные и политические деятели Германии, как и деятели других государств, выступили против тезиса американца С. Хантингтона, по поводу неизбежного столкновения религий. Аналогичную позицию высказал 27 сентября 2001 г. председатель Европейской комиссии Романо Проди, собравшимся в одной из брюссельских мечетей муллам: «Мы все равны, у нас одинаковые права, общая история. Я абсолютно осуждаю любые заявления, согласно которым группы, ответственные за недавние ужасные террористические атаки, олицетворяют ислам»¹⁷.

Вместе с тем, американская пресса вину за теракты сразу же возложила на бен Ладена, ссылаясь на анонимные «израильские спецслужбы». СМИ других стран (канадская газета *Toronto Star*, швейцарская *Le Soir*, немецкая *Rheinische Post* и др.) заняли примерно одинаковую позицию: ставили под сомнение необходимость борьбы с «невидимкой» и «выражали опасения, что реакция Штатов может оказаться куда катастрофичнее, чем сами теракты». Более откровенно по этому поводу высказалась немецкая *Sudkurier*: «Европе война не нужна, а под союзничеством понималось нечто иное, нежели совместное участие в военных действиях»¹⁸.

Эта позиция свидетельствовала о том, что Германия и ЕС, несмотря на решительную поддержку США, все-таки проявили осмотрительность и сдержанность и не разделили заявление Дж. Буша, «неосторожно призвавшего» к «крестовому походу» против террористов и их покровителей. Кроме того, вскоре после трагедии 11 сентября в штате Нью-Йорк был принят закон, позволяющий казнить террористов. Однако правительства и народы стран Европейского Союза, выразив свою скорбь и продемонстрировав взаимопонимание по поводу терактов, не потребовали «ответной крови» и не поддались эмоциям ненависти в отношении всех арабов и исповедующих ислам¹⁹.

Поэтому, разрабатывая стратегию обеспечения безопасности и противодействия терроризму, важно было добиться ее эффективности, но, при этом соблюсти соразмерность предпринимаемых действий, не отступать от традиционных системных ценностей, не отказываться от толерантности, свободы и прав человека. Как отметил федеральный канцлер Г. Шредер: «В борьбе с терроризмом мы ни на йоту не поступимся ценностями, на которых зиждется наш мир: свободой, солидарностью и правовой защищенностью»²⁰. Аналогичную мысль высказал и министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер, подчеркнув, что политическим и государственным деятелям «...придется найти новый баланс между индивидуальными свободами и потребностью

общества в безопасности. Нельзя допустить, чтобы фанатики прикрывались привилегиями открытого общества в целях их уничтожения. Ни в США, ни в Германии, ни где бы то ни было»²¹.

Кроме того, политическое руководство учитывало приобретенный в 90-е годы опыт «гражданской» внешней политики Германии по урегулированию кризисов в нестабильных регионах, опыт превентивной дипломатии на Балканах и «невоенного участия» в миротворческих операциях под эгидой ООН. Однако особенность ситуации 2001 г. состояла в том, что демонстрация трансатлантической солидарности и общности подходов происходила в момент, когда США при поддержке союзников по НАТО, готовились использовать всю свою военную мощь против любых проявлений международного терроризма.

В Германии отнеслись неоднозначно к американской стратегии «военного упреждения». С точки зрения «зеленых», она была не совместима с международным правом. «Совершенно очевидно: эта теория вызывает угрозу того, что государства снова начнут присваивать себе полномочия на использование военной силы, что было бы равносильно возврату в XIX век». В то же время часть ответственности Р. Бютикофер возлагал и на европейцев, «которые достаточно поздно занялись данными угрозами и отдали приоритет США». «Тот, кто не хочет заниматься военным упреждением, говорил федеральный лидер «зеленых», должен прийти к альтернативной стратегии упреждения», а именно к превентивной политике в рамках «расширенного понятия безопасности»²².

Многие политики и общественные деятели Германии также не считали панацеей применение только военных методов в борьбе с международным терроризмом, поскольку «ни во Вьетнаме, ни в Персидском заливе военными методами не удалось добиться устойчивого решения проблем». Данную позицию разделял и канцлер Г. Шредер, отмечавший в своих выступлениях, что «немцы привыкли проявлять сдержанность по поводу использования военной силы». После терактов в США им неоднократно проводилась мысль о большей политической ответственности Германии за происходящее в мире. Эти шаги могли быть реальными, если Германия преодолеет ограничения, которые на нее наложила «холодная война» и ограниченный суверенитет. Поэтому, формулируя суть политики «неограниченной солидарности», канцлер включил в качестве ее составляющей и «предоставление соответствующих военных возможностей для борьбы с международным терроризмом»²³.

В октябре 2001 г., возвращаясь в Берлин после визита в США, Г. Шредер обратился к сопровождавшим его журналистам с разъяснением тех «фундаментальных изменений», которые произошли в мировой политике и, прежде всего, роли Германии в этой политике. «Ни одному правительству до нас не приходилось принимать за столь короткое время таких далекоидущих решений», – заявил канцлер. «О том, что сейчас выносится на обсуждение, – участие германских солдат в военных операциях вне зоны ответственности НАТО, – 3 года назад нельзя было и подумать»²⁴. Вместе с тем Г. Шредер и его союзники по коалиции не считали, что новая ответственность Германии и борьба с терроризмом должны ограничиваться только военными аспектами. С их точки зрения основными приоритетами европейской и германской внешней политики в равной мере являлись «новый мировой порядок демократии и прав человека, справедливости и устойчивого развития на основе многостороннего сотрудничества, мирного разрешения конфликтов, их предотвращения и соблюдения международно-

го права»²⁵. Однако, акцент канцлера Г. Шредера на «новой роли бундесвера» в операциях по поддержанию безопасности и стабильности, позволяет считать именно этот факт существенным изменением во внешней политике Германии.

Германская политика «расширенного понимания безопасности» в Афганистане

Германия в 90-е годы, участвуя в миротворческих операциях в регионах с различным уровнем политического, этнического, национального и военного противостояния, накопила определенный опыт мирного урегулирования конфликтов и обеспечения стабильности за счет проведения превентивной политики. Позитивные результаты этой политики ФРГ попыталась развить в Афганистане. Сущность превентивной политики в ликвидации причин нестабильности и условий, создающих питательную базу для международного терроризма. Превентивная политика – это сотрудничество во всех областях, начиная от экономики и социальной сферы до оказания помощи в восстановлении государственных структур и формировании гражданского общества. Практическая ценность данной политики состоит в стимулировании самостоятельного развития государства на основе его традиций, демократии и прав человека. Основным элементом концепции расширенной безопасности является приоритет мирного разрешения конфликтов и предупреждение применения силы.

Афганистан расположен в достаточно сложном регионе, в котором нередки скрытые и открытые конфликты, складывается центр производства и торговли наркотиками, а негосударственные структуры пытаются объединиться на основе радикального ислама. Поэтому безопасность здесь – это не углубление конфронтации с данными странами, а обеспечение условий их вхождения в мировое сообщество в качестве полноправных членов. Не исключая военную составляющую борьбы, не следует принижать роль политических, экономических, культурных и других не менее важных средств обеспечения и поддержания стабильности в этой части евразийского пространства. Р. Бютикофер, федеральный лидер партии «зеленых», считает, что «безопасность – это нечто большее, чем-то, что можно обеспечить военными средствами. Понятие безопасности охватывает демократию и права человека, безопасность – это справедливые отношения, безопасность – это борьба с бедностью, безопасность – это защита от природных катаклизмов. Поэтому с европейской точки зрения ответственность за мир во всем мире – это, прежде всего, не политика мирового господства, а «политика мировых проблем»²⁶. Именно по инициативе «зеленых» политика мирного урегулирования конфликтов была взята на вооружение федеральным правительством и успешно реализована в деятельности «Центра международных миротворческих операций» и «Плана действий по предупреждению кризисов». Отсюда стремление коалиции «расширять практику мирного предупреждения и разрешения конфликтов, подкрепляя ее финансовыми средствами, соответствующими ее значимости» и поддерживать стратегию ЕС в области гражданских возможностей. К сожалению, сложилось не совсем обоснованное предубеждение относительно эффективности деятельности тех контингентов, которые направлялись ЕС для участия в миротворческих и полицейских миссиях ООН. Кстати, по численности, они значительно превосходили аналогичные силы США²⁷. Вряд ли следует ставить их на второй план и сбрасывать со счетов их действия по предупреждению конфликтов, поддержанию

порядка и стабильности, участию в восстановлении экономической и политической жизни. Ниспровержение недемократических режимов, безусловно, важнейший, но не единственный шаг в борьбе с международным терроризмом, имеющим различные основания для своего возрождения.

Стратегия участия ФРГ в афганских делах начала определяться правительством еще до начала американских бомбардировок. Это было связано с тем, что в 2001 году Германия выполняла функции председателя в «Группе поддержки Афганистана» (ГПА). 27 сентября по ее инициативе в Берлине состоялось специальное заседание стран-доноров. Но сохранение напряженности в стране и отсутствие легитимной власти выступили сдерживающим фактором, не позволившим начать оказание помощи на этом этапе.

В рамках действий антитеррористической коалиции, после начала 7 октября 2001 года в Афганистане военной акции против «Аль-Каиды» правительство Г. Шредера в соответствии с «новой ролью бундесвера» предоставило США 3900 военнослужащих для защиты от оружия массового поражения, обеспечения морских коммуникаций, эвакуации раненых и воздушных перевозок. Параллельно Германия поддержала на встрече глав государств в Генте основные положения итогового заявления по проблеме Афганистана и выступила за создание в этой стране стабильного правительства, представляющего все афганское население, а также соблюдающее права человека и развивающее отношения со всеми странами²⁸. Федеральное правительство немедленно приняло решение о выделении специальных средств на восстановление Афганистана. Часть из них была направлена в трастфонд Программы развития ООН. Другая часть передана на подготовку двусторонних проектов соответствующими отделами МИДа, Федерального министерства экономического сотрудничества и развития и Федерального министерства внутренних дел.

Важным этапом практической реализации германской превентивной политики стала Петербургская международная конференция (5–6 декабря 2001 г., ФРГ), предопределившая позитивный поворот в афганском противостоянии. Здесь под эгидой ООН состоялась четырехсторонняя встреча между представителями противоборствующих сил Афганистана по мирному урегулированию ситуации в стране. Этим жестом доброй воли федеральное правительство Германии выразило готовность поддерживать наметившийся процесс политического урегулирования и восстановления Афганистана.

Дело в том, что германо-афганские отношения имеют давние традиции. Они всегда были ориентированы, исключая сложные периоды в жизни обоих государств, «на партнерство в целях модернизации». Плодотворно развивалось сотрудничество в 1920-е годы при афганском короле Амануллой-хане, а в 1960-е гг. – при премьер-министре Юсуфе. Сохраняя сложившиеся традиции, но уже с учетом новых задач, стоящих и перед Германией, и перед Афганистаном, канцлер Г. Шредер еще раз обратил внимание на возможности превентивной политики в вопросах обеспечения стабильности и безопасности. «Помогая создавать структуры правового государства, продвигать вперед дело национального примирения и содействовать экономическому подъему, мы проводим активную политику мира», – заявил он²⁹. В равной степени эта политика формировала условия и для реализации современной концепции «партнерства с целью модернизации». Здесь же в Петербурге государства согласовали важнейшие вопросы: о размещении на территории Афганистана международных сил по поддержанию безопасности (ИСАФ) и определили состав переходного правительства, без

которых невозможно было решать гуманитарные, гражданские и политические задачи. ФРГ проявляла заинтересованность во включении в состав афганского переходного правительства лиц, дружественно расположенных к Германии. Поэтому германские политические круги с удовлетворением встретили назначение А. Ферханга, бывшего преподавателя в «Институте исследования и планирования» Рурского университета, на должность министра по делам восстановления. Это решение и назначение ЕС 10 декабря германского дипломата К.-П. Клайбера первым специальным уполномоченным по вопросам восстановления, открывали перспективы для межгосударственного взаимодействия в различных областях на постоянной основе и обеспечивали присутствие стран Евросоюза в данном регионе.

После конференции в Петербурге и прекращения военной акции (начало 2002 г.) возросла интенсивность контактов ЕС и Германии с Афганистаном. Петербургское соглашение стало основой по оказанию помощи в политическом урегулировании в Афганистане и продвижении страны по пути демократизации. Речь шла о разработке и принятии конституции, формировании избирательной системы, адаптации и приспособлении традиционных форм политической жизни к современным условиям и процессам демократизации, создании управленческих, полицейских и судебных структур. Как отметил Х.-Й. Дерр, уполномоченный германского МИДа по Афганистану, особые надежды по стабилизации афганского общества связывались с изменением положения женщин. Первым шагом в этом направлении стала реализация с 15 января 2002 г. одного из проектов федерального правительства – зимней школьной программы для 10000 школьниц Кабула, которым режим талибов запрещал получать образование. Германский МИД только на этот проект выделил 518 тысяч евро.

Вместе с тем, политики достаточно реалистично оценивали положение в Афганистане после 23 лет войны и террора. Было очевидно, что далеко не все военные, политические и религиозные силы, да и население, поддерживали шаги к обновлению. По меткому замечанию Х.-Й. Дерра «гарантия успеха не является частью петербургского соглашения...». Тем не менее, 22 декабря 2001 г. между ФРГ и Афганистаном были установлены дипломатические отношения, а 9 января 2002 г. германский дипломат Р. Эберле первым, среди иностранных послов, получил аккредитацию в стране. По этому поводу федеральный канцлер Г. Шредер заявил, что Германия внесет «существенный вклад с тем, чтобы люди в Афганистане наконец-то могли жить свободно, достойно иметь экономические перспективы».

Данное заявление послужило основой разработки целого комплекса мероприятий по оказанию помощи в восстановлении Афганистана. В развитие германских инициатив в середине декабря 2001 г. Кабул посетила министр по делам экономического сотрудничества и развития Х. Вичорек-Цойль, которая еще раз подтвердила, что восстановление Афганистана является главным приоритетом для Германии.

Особо следует отметить, что по мере стабилизации положения в Кабуле и регионах, помощь становилась все более разносторонней и наполнялась новым качеством. В одном из высказываний Х.-Й. Дерр достаточно точно сформулировал суть нового качества германо-афганских отношений: «Активный диалог лицом к лицу, а также партнерство, пронизанное взаимным уважением и взаимопониманием – и не только в экономической сфере – для афганцев еще важнее, чем деньги». Тем не менее, чтобы поддержать новое правительство и положительные процессы в стране, только Германия

в 2001 году выделила 51 млн евро для оказания срочной гуманитарной помощи и 82 млн евро на восстановление Афганистана³⁰.

В конце января 2002 г. в Токио прошла Международная конференция стран-доноров и организаций, помогающих восстановлению Афганистана. На ней были подведены первые итоги и предприняты усилия по определению приоритетов и согласованию действий, поскольку деятельность анти-террористической коалиции была еще весьма далека от своего завершения. Выполнение новых внешнеполитических задач потребовало привлечения дополнительных сил, как на уровне государств, так и негосударственных структур.

Достаточно позитивным в этом направлении оказался опыт ФРГ. Принципиальное значение для углубления германо-афганского партнерства имел постоянный диалог на уровне глав государств, правительств, министров, придававший новые импульсы сотрудничеству между странами. В мае 2002 года Кабул посетил федеральный канцлер Г. Шредер. В ходе переговоров с председателем временного правительства Афганистана Х. Карзаем стороны отметили эффективность действий международных сил безопасности и высказали мнение о необходимости продления мандата сил ИСАФ, содействия повышению уровня безопасности, активизации процесса восстановления и распространению власти центрального правительства на остальную территорию. Одновременно Г. Шредер обсуждал вопросы расширения сотрудничества, в том числе и изыскивалась возможность участия германских фирм в восстановлении страны³¹.

Руководствуясь как общими целями, так и собственными интересами, страны-доноры, а также германские федеральные отраслевые министерства и ведомства, негосударственные структуры и фонды, также направили свои усилия на формирование многоуровневых связей с Афганистаном. В этом плане можно выделить Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития, Федеральное министерство образования и научных исследований, Федеральное министерство юстиции и Федеральное министерство внутренних дел. Реализация ими конкретных проектов, с участием афганской стороны, способствовала решению достаточно широкого круга вопросов, включая гуманитарную помощь (предоставление временного жилья, продовольствия, медицинского обслуживания), восстановление и развитие рыночной экономики, сельского хозяйства, системы управления и общественных структур, сферы образования, здравоохранения и социальной защиты, а также борьбы с терроризмом и международной преступностью. В области образования, например, предполагалось содействовать восстановлению всей образовательной системы и возобновить отношения между вузами. В экономической сфере, привлечь к решению неотложных задач частные фирмы и предприятия.

Долгосрочные проекты восстановления Афганистана требовали организации не менее длительной борьбы с проявлениями терроризма в стране. Несмотря на наличие в регионе значительного контингента иностранных войск, вооруженные формирования международной террористической организации «Аль-Каида», Исламского движения талибов (ИДТ) и исламской партии Афганистана продолжали осуществлять диверсионно-террористическую деятельность, вели партизанские действия, направленные против правительственных и иностранных войск. На Пражской встрече НАТО в ноябре 2002 года решался вопрос о реализации «двойной стратегии» – железного кулака (военная составляющая) и протянутой руки (превентивная полити-

ка). По признанию Ф. Пфлюгера, председателя комитета по делам Европы Германского бундестага (ХДС), главная задача этой стратегии – «выбить у терроризма почву из-под ног» и «обеспечить справедливый и долговечный миропорядок» используя меры военного давления, свободу торговли, межкультурный диалог и демократические реформы. В декабре 2002 года на второй конференции в Петербурге с целью повышения действенности властей Афганистана была оказана финансовая поддержка и утверждена в общих чертах реформа сектора безопасности. Она включала разоружение, демобилизацию и интеграцию в мирную жизнь нерегулярных соединений, создание новых вооруженных сил и полиции с параллельным восстановлением судебной системы, способных противостоять наркобизнесу и противникам нормализации обстановки в стране. По признанию Р. Шмидта, к 2006 году «реализация этой программы завершена»³².

Важным результатом превентивной политики в сфере обеспечения мира и демократизации стало принятие летом 2003 года новой конституции Афганистана и признание ситуации в стране сложной, но в целом стабильной, несмотря на критическую оценку в регионе военной операции США в Ираке и кризис в антитеррористической коалиции.

Наряду с гражданскими структурами, к реализации превентивной политики была привлечена часть военнослужащих германского бундесвера. Основной его контингент выполнял свою миссию в рамках ИСАФ в Кабуле, а 250 человек осуществляли ее на севере Афганистана, в Кундузе. Еще в 2002 году во время поездки в Афганистан канцлер Г. Шредер ознакомился с деятельностью германских вооруженных сил и оценил работу бундесвера как «замечательную». В январе 2004 года бундесвер возглавил первую региональную группу по проведению восстановительных работ (PRT), получившую мандат ИСАФ. Деятельность PRT – это практическая реализация превентивной политики в рамках «расширенного понятия безопасности», интерес к которой стали проявлять и представители других стран. Работу группы координировали два руководителя: военный и гражданский, которые наделялись определенными полномочиями и обеспечивали решение конкретных задач. Военнослужащие отвечали за безопасность, командир гражданского контингента совместно с представителями афганской стороны выявлял проблемы и определял варианты оказания помощи, а представитель федеральных структур, в частности, германского МИДа, координировал деятельность Федерального министерства экономического сотрудничества и развития и Федерального министерства внутренних дел.

Участие в реализации проектов было дифференцировано. Солдаты, несмотря на сложную обстановку, выполняли мелкие проекты стоимостью до 2500 долларов, которые включали подготовку полицейских сил, оказание гуманитарной помощи беженцам, восстановление школ и больниц. Среднесрочные и долгосрочные проекты обсуждались в ходе переговоров совместно представителями министерств, бундесвера и негосударственных, в том числе и благотворительных, организаций. Так, реализацию одного из проектов обеспечивала германская благотворительная организация «Дойче вельтхунгерхильфе». Немецкие инженеры вместе с местным населением строили каналы и колодцы для обеспечения региона питьевой водой. Руководитель организации Й. Бениш отметил, что временами вместо основной работы приходилось выступать в роли посредников, «поскольку оружие есть в каждой деревне, правовой защищенности почти никакой и потенциал насилия далеко не исчерпан». Вместе с тем, как заметил полковник Ф. Ба-

ур, командир гражданского контингента в Кундузе, «местные жители связывают с нами очень большие надежды». Поэтому в целях предотвращения различных инцидентов на встречах с представителями власти, руководителями школ, старейшинами, населением, постоянно разъяснялся смысл присутствия германских военных в регионе, «чтобы не вызывать у афганцев чувства, что они оккупированы иностранной державой»³³.

В начале апреля 2004 г. в Берлине прошла очередная конференция по Афганистану, где присутствовали представители 56 государств. На конференции международное сообщество договорилось о предоставлении помощи Афганистану на общую сумму 8,2 млрд долларов, в том числе на долю ЕС приходилось 2,2 млрд долларов. Позицию Германии в отношении Афганистана сформулировал Г. Шредер. Федеральный канцлер заявил, что его государство продолжит оказание помощи Афганистану вплоть до 2008 года, а это 80 млн евро в год. Кроме того, учитывая положительный опыт деятельности бундесвера и первой группы PRT, власти ФРГ приняли решение о сохранении военного присутствия в стране.

По мнению министра иностранных дел Германии Й. Фишера, превентивная политика в рамках «расширенного понятия безопасности», несмотря на проблемы, все-таки давала «добрый знак надежды». «Всего за два с половиной года, подчеркнул министр, эта страна из очага террора превратилась в уважаемого члена мирового сообщества. Однако на своем пути к миру и свободе Афганистан и дальше будет нуждаться в нашей поддержке». В развитие этой идеи участники конференции определили круг приоритетных задач, решение которых, с одной стороны, ограничивало возможность возрождения террористического режима, а с другой – содействовало углублению стабилизации и долгосрочному развитию страны. Уже после конференции, 20 апреля 2004 года, посещая Кундуз, Й. Фишер в беседе с командующим местными военными формированиями М. Даудом обратил внимание на качественный поворот в отношениях между странами подчеркнув, что немцы готовы помогать и сотрудничать на долгосрочной основе, и в этом Афганистан может положиться на Германию.

Международное сообщество и ФРГ решили оказать конкретную поддержку Афганистану в подготовке и проведении в сентябре 2004 года первых выборов, содействуя «улучшению ситуации с безопасностью в стране». С этой целью контингент PRT в Кундузе увеличивался до 450 человек и создавалось еще пять аналогичных PRT, включая объединенную германо-нидерландскую группу, с центром дислокации в Файзабаде. Кроме Кундуза, к середине 2004 г. бундесвер предполагал распространить свою деятельность еще на три провинции: Тахар, Бадашхан и Баглан. Существенное значение для будущего Афганистана и подрыва финансовой базы терроризма имела помощь в реализации решений конференции о развертывании борьбы с выращиванием сырья для производства наркотиков. Первым шагом на этом пути стало соглашение о совместных действиях против контрабанды опиума, подписанное Афганистаном и соседними с ним государствами в Берлине³⁴. Принципиальное значение имели также конкретные меры, предложенные Германией афганскому руководству, по финансово-экономической поддержке крестьянства, с целью перевода их на легальные источники доходов. Кстати, после самостоятельной военной акции в Афганистане, США дистанцировались от решения многих сложных проблем восстановления Афганистана, в том числе и от борьбы с контрабандой наркотиков, переложив их на плечи своих партнеров.

Несмотря на определенные позитивные результаты применения превентивной политики, по мнению политолога Т. Шпекманна, все-таки «пока не ясно, какие последствия будет иметь расширение германского участия, например, в Кундузе». Проблему он видел в том, что «Бундесвер в серьезной ситуации будет полностью зависеть от военной поддержки США». С другой стороны, как отмечает В. Герхардт, различные политические силы Германии также высказывали сомнение по поводу использования бундесвера в зарубежных операциях, где нет четкого представления о политических перспективах урегулирования³⁵.

Данные опасения, конечно, имели под собой почву. Однако правительство Германии рассчитывало скорректировать и продолжить превентивную политику в рамках «расширенного понятия безопасности» именно в целях снижения в дальнейшем риска возникновения «серьезных ситуаций». К числу мер, способных сделать ее более рациональной и эффективной, можно отнести обеспечение гибкого взаимодействия военных и гражданских структур Афганистана и антитеррористической коалиции, а также переориентацию механизма межгосударственного сотрудничества на больший учет специфики страны и региона и отказ от политики «двойных стандартов». Рецидивы этой политики имеют место и в настоящее время, когда призывы о соблюдении прав человека не исключают применение пыток, а о соблюдении прав народов не исключает поддержку политики «военного упрещения» США.

Некоторые итоги

Прошедшие после 11 сентября три года были достаточно насыщенными для ЕС и Германии в плане переосмысления концепции безопасности и накопления опыта по осуществлению и координации антитеррористической деятельности на международном, европейском и национальном уровнях. Однако достигнутые результаты оцениваются неоднозначно. А. Миссироли, научный сотрудник Института изучения проблем безопасности в Париже, справедливо отмечает, что после 11 сентября *значительно усложнились условия для принятия государствами эффективных и качественных внешнеполитических решений*, поскольку оказались «размыты границы между внутри- и внешнеполитическими мерами, между безопасностью и неприкосновенностью, между защитой и реализацией оборонительных проектов». В этом плане «подвела» и структура ЕС, продемонстрировав неспособность оперативно реагировать на изменение ситуации из-за длительных переговоров и юридических согласований по вопросам о которых, как заметил Р. Проди, «уже тысячу раз говорилось в печати». Чтобы как-то изменить это положение лидерство в принятии решений нередко брали на себя Франция, Германия и другие крупнейшие государства. В результате в марте 2004 года сформировалось «новое ядро» борьбы с международным терроризмом, куда вошли Германия, Франция, Англия, Италия и Испания, целью которого было ускорить процесс выполнения комплекса мер, включенных в план действий «пятнадцати» еще в 2001 году³⁶. Таким образом была предпринята попытка обеспечить «эффект взаимно усиливающего действия», который, по мнению А. Миссироли, позволял европейским государствам занять соответствующую роль в противодействии терроризму на международной арене.

Тем не менее, следует признать, что в реализации общих задач борьбы с терроризмом на этом этапе в действиях ЕС и ФРГ наметилась позитивная динамика. Получил развитие трансатлантический диалог, был установлен контроль над финансовыми потоками, сделаны шаги по формированию

единого информационного пространства, сотрудничеству спецслужб, коррективке законодательства европейских стран и введению с января 2003 года европейского ордера на арест. Общие подходы были выработаны не только на уровне глав государств ЕС, но и на уровне министерств, ведомств и других структур.

В тоже время выявились различия в подходах, касавшиеся, главным образом, средств ведения борьбы с терроризмом. Страны ЕС и ФРГ не отрицали того факта, что безопасность и мир нельзя обеспечить, не будучи готовым, использовать военную силу, но «в качестве крайнего средства». Поэтому европейцы в своих программных документах и действиях отдали приоритет превентивной политике в рамках «расширенного понятия безопасности», мерам по соблюдению международного права, конституционных прав и свобод, основных системообразующих принципов, мирному урегулированию конфликтов и развитию диалога с нестабильными государствами. Нельзя не отметить, что антитеррористические мероприятия с участием всех стран ЕС, явились стимулирующим фактором сближения позиций и углубления европейской интеграции, в том числе и в сфере безопасности.

Вместе с тем в статьях германских ученых, публицистов, представителей СМИ, наряду с позитивными, содержались критические оценки антитеррористическим действиям стран ЕС. Но, в большей степени, они касались внешней политики, проводимой правящей коалицией «красно-зеленых». Главными темами критики, в различных интерпретациях, стали вопросы достаточности участия европейских стран в борьбе с терроризмом и соответствия принимаемых мер новым вызовам, степень осознания общественным мнением опасности угрозы терроризма, «новая ответственность» ФРГ в европейской и мировой политике, включая военную составляющую и «расширенное понимание безопасности».

Так, с точки зрения Т. Дельпеша, сотрудника Центра международных исследований в Париже, Европа, в отличие от Америки, выступающей как мировая держава, продолжала оставаться региональной, ограничиваясь в своих действиях периферией, подготовкой миротворческих операций, что не вызывало споров и являлось единственной формой ее участия в международных делах³⁷.

Более жестко, как состояние кризиса, оценил европейскую внешнюю политику и политику безопасности после 11 сентября К.Д. Франкенбергер. Проблему европейских государств в условиях новых вызовов он видел в следовании традиционной позиции по вопросам войны и использования войск, отдававшей приоритет соотношению внешнеполитических интересов и военных решений. С его точки зрения, когда «пользуются спросом военные», то ход за теми, кто может и хочет их предложить, а не за теми, «кто придерживается наивного мнения», что «насаждение политкорректности и тривиальные призывы к диалогу культур» способны преодолеть кризис. Хотя в условиях борьбы с терроризмом последний аргумент скорее из разряда приоритетных, нежели тривиальных, поскольку в этой ситуации «столкновение культур, следует превращать в диалог культур»³⁸.

Й. Краузе, директор Института политики безопасности при Кильском университете им. Х. Альбрехта, также ставит под сомнение политику мирных средств и превентивной дипломатии, оценивая ее как отказ Германии от «новой ответственности». Вместе с тем в его аргументах содержится ряд конструктивных элементов. В частности, сложно не согласиться с тем, что оперативные последствия не должны ограничиваться только принятием ре-

шений об увеличении помощи несостоятельным государствам. Не вызывает возражений и вывод о необходимости разработки новых более эффективных концепций участия антитеррористической коалиции в восстановлении нестабильных регионов. Следует признать и то, что ситуация в регионе действительно носит достаточно противоречивый характер.

Однако вряд ли корректен вывод автора об отсутствии в нестабильных странах «ростков нового», свидетельствующих «о стабилизации и улучшении ситуации». В этом случае возникает вопрос, какие задачи на протяжении трех лет решали государства-доноры и ФРГ в Афганистане и на какие цели шли выделяемые ими финансовые средства? С другой стороны, возможно ли за столь короткое время, в условиях фактического распада государственных, политических и общественных структур, хозяйственных связей, вооруженного противостояния, распространения психологии страха сформулировать и апробировать концепцию, обеспечивающую безусловный успех и получить положительные результаты? Скорее всего, это будет путь проб и ошибок, накопления опыта и, что очень существенно, преодоления слабых сторон в антитеррористической деятельности, где усилия мирового сообщества требуют значительной активности. Это исключение пробелов в международном праве, отказ от политики «двойных стандартов» и использования борьбы с терроризмом для вмешательства во внутренние дела государств, разработка мер по воспитанию толерантности граждан и противодействию любым проявлениям религиозной и национальной вражды, а также выявление корней и условий разрастания терроризма.

Высказывая неудовлетворенность приверженностью Германии к превентивной политике, по вполне понятным причинам не обладающей должной эффективностью и, возможно, необходимой динамикой, все-таки следовало бы признать и ее позитивные стороны, ориентацию на права человека, правосудие и широкое сотрудничество с акцентом на вовлечение в этот процесс руководства и населения Афганистана. Поэтому недооценивать эту политику также неверно, как и передавать решение всех проблем в нестабильных государствах только военным.

По мнению Д.С. Лутца и его коллег из Гамбургского университета экономики и политики, «западное общество невозможно защитить ни техническими, ни военными средствами». И в этой ситуации правомерно использование превентивной политики в рамках «расширенного понятия безопасности», что означает участие стран Запада на основе партнерства и справедливости в разрешении многочисленных социальных и политических проблем исламского мира, порожденных глобализацией³⁹.

Проведенный анализ свидетельствует, что Германия в рамках превентивной политики пыталась придать системный характер своим антитеррористическим мероприятиям, включающим военные, социально-экономические, политические, правовые меры, а также поддержку диалога культур и цивилизаций. Кроме того, она выступала за адекватность принимаемых антитеррористических мер, как силового, так и гуманитарного характера, сосредоточив свою деятельность на оказании содействия Афганистану в устранении причин, прождавших терроризм. Важно и то, что политические круги Германии ориентировали превентивную политику не на «выигрывание войны» для афганцев, а стремились сделать афганцев ответственными за свою судьбу, поскольку восстановление государственности «по образцу» или «внешними силами» в таких сложных регионах, вряд ли могло обеспечить стабильность на длительное время.

Таким образом, международное сообщество, после необходимой корректировки, могло бы использовать опыт ФРГ по восстановлению Афганистана для повышения эффективности мер противодействия терроризму, для сохранения цивилизованного характера мировой политики, а также как работающую модель, направленную на преодоление нестабильности в странах с распавшимися государственными структурами. Кроме того, достижение позитивных результатов превентивной политики важно и для самой Германии, поскольку с этим связаны общий успех или неуспех ее внешнеполитической концепции.

Примечания

- ¹ *Боршитолец К.П.* Современные угрозы человеческому развитию // Глобализация: человеческое измерение. – М.: МГИМО, 2003. – С. 108.
- ² *Робертсон Л.* Трагедия как шанс // *Internationale Politik* (далее – IP). – 2002. – №7. – С. 9.
- ³ Термин **противодействие терроризму**, в отличие от более конкретного по содержанию термина **борьба с терроризмом** (оперативная работа, спецоперации (война), следственные действия), включает: формирование единой нормативно-правовой, информационной и пропагандистской базы, координацию деятельности государственных и негосударственных органов, организаций и фондов, широкую реализацию превентивной политики по линии помощь – сотрудничество, установление диалога культур, религий и цивилизаций, с целью подрыва и искоренения причин, порождающих и воспроизводящих терроризм, его идеологию и практику.
- ⁴ *Бёлинг К.* Защитить открытое общество // *Deutschland*. Политика, экономика, культура и наука (далее – Deutschland). – 2001. – №5. – С. 8.
- ⁵ См: Супертерроризм: новый вызов нового века / под ред. А. Фёдорова. – М., 2002. – С. 111.
- ⁶ *Шпексмани Т.* Миротворцы и братья по оружию. Новое германское самосознание основано на мифе // IP. – 2005. – №4. – С. 44, 45.
- ⁷ *Наберс, Д.* Стратегия против террора. Различные перспективы действий в США и в Германии // IP. – 2002. – №7. – С. 99-100.
- ⁸ *Альгиери Ф.* Всеобъемлющая безопасность? Появилось расширенное понятие безопасности для Европы // IP. – 2002. – №8. – С. 66.
- ⁹ Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма: утверждена резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 года // Борьба с международным терроризмом: сб. документов. – М.: Проспект, 2005. – С. 319-322.
- ¹⁰ *Дойнман У.* Больше возможности // *Deutschland*. – 2001. – №6. – С. 7.
- ¹¹ См: Борьба с международным терроризмом: сб. документов. – М.: Проспект, 2005. – С. 388.
- ¹² http://www.nasledie.ru/oboz/N10_01/10_14.HTM // Хлобустов, О. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом // *Обозреватель*. – 2001. – №10.
- ¹³ *Яринский О.* Национальные особенности безопасности. Страны ЕС ужесточают антитеррористические порядки // *Европа*. – 2001. – №11. – С. 8.
- ¹⁴ *Дойнман У.* Больше возможности // *Deutschland*. – 2001. – №6. – С. 7.
- ¹⁵ *Хелльмани Г.* «Германский путь». Пропасти и крушения внешней политики // IP. – 2002. – №9. – С. 7.
- ¹⁶ *Бёлинг К.* Защитить открытое общество // *Deutschland*. – 2001. – №5. – С. 10-11.
- ¹⁷ *Воскобойников Д.* Нашим читателям // *Европа*. – 2001. – №9. – С. 2.
- ¹⁸ http://www.nasledie.ru/politvne/18_51/article.php?art=6 // Добрынин С. Полцарства за голову?
- ¹⁹ *Воскобойников Д.* Нашим читателям // *Европа*. – 2001. – №10. – С. 2.
- ²⁰ *Дойнман У.* Больше возможности // *Deutschland*. – 2001. – №6. – С. 7.
- ²¹ *Хинтередер П.* Борьба за свободу // *Deutschland*. – 2001. – №5. – С. 3.
- ²² *Бютикофер Р.* Больше эффективности, пожалуйста // IP. – 2005. – №4. – С. 74-75.
- ²³ *Зоммер Т.* Новые задачи // *Deutschland*. – 2001. – №6. – С. 12.
- ²⁴ *Хессе Р.* Активно формировать. Внешняя политика правительства // *Deutschland*. – 2002. – №4. – С. 17.
- ²⁵ *Хинтередер П.* Новая координация мировой политики // *Deutschland*. – 2001. – №6. – С. 3; *Бютикофер Р.* Больше эффективности, пожалуйста... – С. 73.
- ²⁶ *Бютикофер Р.* Больше эффективности, пожалуйста... – С. 75.
- ²⁷ *Бютикофер Р.* Больше эффективности, пожалуйста... – С. 76.

- ²⁸ Петров Г. Сообща против террора // Европа. – 2001. – №10. – С. 7.
- ²⁹ Штайнле Б. Кундуз // Deutschland. – 2004. – №3. – С. 9.
- ³⁰ Цита Д. Маас Надежда для Афганистана // Deutschland. – 2002. – №1. – С. 7, 9.
- ³¹ Продление мандата // Deutschland. – 2002. – №3. – С. 17.
- ³² Пфлюгер Ф. Железный кулак или протянутая рука // IP. – 2002. – №7. – С. 95; Шмидт Р. Насколько новое является старым? // IP. – 2006. – №3. – С. 50.
- ³³ Штайнле Б. Кундуз // Deutschland. – 2004. – №3. – С. 8, 9, 10.
- ³⁴ Штайнле Б. Кундуз // Deutschland. – 2004. – №3. – С. 10, 11.
- ³⁵ Шпексмани Т. Миротворцы и братья по оружию. Новое германское самосознание основано на мифе // IP. – 2005. – №4. – С. 48; Герхардт, В. Больше свободы, пожалуйста! // IP. – 2005. – №4. – С. 64.
- ³⁶ Миссироли А. Между предупреждением конфликта и кризисным менеджментом // IP. – 2002. – №7. – С. 25.
- ³⁷ Дельпеш Т. Год спустя. Четыре реакции на 11 сентября // IP. – 2002. – №9. – С. 56.
- ³⁸ Франкенбергер К.Д. Иллюзии заслоняют реальность. Кризис европейской внешней политики // IP. – 2002. – №1. – С. 28, 30.
- ³⁹ Наберс Д. Стратегия против террора. Различные перспективы действий в США и в Германии // IP. – 2002. – №7. – С. 102.

М.А. ШИРОКОВА

СОВЕТСКИЙ ВУЗОВСКИЙ УЧЕБНИК ПО НОВОЙ ИСТОРИИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ: ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Востоковедение в России имеет не столь продолжительную историю. До начала XX в. оно не получило заметного развития, несмотря на значительные коллекции различных материалов – книг, рукописей, монет и т.д., собранных в музеях и библиотеке Петербургской академии наук. В это время, как признают все исследователи истории науки, отмечается значительное развитие востоковедения в Европе. «Не осталась в стороне от этого процесса и Россия: в 1803 г. был принят новый «Регламент» Петербургской академии наук, по которому в ней восстанавливались гуманитарные науки, в том числе и востоковедение»¹.

Необходимо отметить, что на протяжении всего XIX в. проекты по организации востоковедения в России так и не были реализованы. Интерес к странам Востока имел значительную практическую составляющую ввиду активизации данного направления во внешней политике нашего государства. Особое значение придавалось изучению языков, обычаев и т.д. Первыми преподавателями востоковедения были именно филологи.

Революционные события 1917 г. коренным образом изменили приоритеты исторической науки. Для историков-марксистов основными темами работ стали классовая борьба в странах Востока, проблемы эксплуатации местного населения иностранными державами, перспективы революционной борьбы против них и т.д. Таким образом, весь спектр тем изучения Востока вновь не был затронут.

Марксистское востоковедение в России зародилось в начале XX века. В отличие от дореволюционного востоковедения, которое занималось в основном изучением древней и средневековой истории, марксистская историческая наука сосредоточила свои усилия на анализе первых буржуазных азиатских революций и антиколониальных выступлений в странах Востока. Таким образом, «марксистское востоковедение в России в отличие от буржуазной историографии и утверждений ряда европейских социал-демократов придерживалось той точки зрения, что азиатские революции

были порождены всем внутренним ходом социально-экономического развития стран Востока и по своим объективным задачам были одновременно антифеодальными и антиимпериалистическими»². Еще одно значимое положение данного направления – это мировое единство революционного процесса, т.е. союзником всех угнетенных масс стран Азии и Африки является европейский пролетариат. Залог успехов азиатской революции в том, что она сливается с социалистической революцией Европы³. Большое внимание марксистское востоковедение уделяло и проблеме движущих сил процесса «пробуждения Азии». Ученые считали, что в их состав входили крестьяне, рабочие, мелкая буржуазия, национальная буржуазия и либеральные помещики. Гегемона революционного движения на Востоке, ввиду слабости и неразвитости пролетариата, представители марксистского востоковедения видели в лице национальной буржуазии. Эти и другие подобные идеи легли в основу советского востоковедения в самом начале его зарождения.

Советский период развития высшего образования сыграл огромную роль в деле изучения истории стран Азии и Африки, или как тогда говорили зарубежного Востока, и включения ее в качестве отдельной дисциплины в учебный план вузов. «После постановления партии и правительства в 1934 г. о преподавании истории началось чтение курсов по истории стран Востока, стали создаваться учебники по истории зависимых и колониальных стран»⁴.

Сегодня проблема создания качественных учебников по истории стран Азии и Африки весьма актуальна. Кроме того, перечень самих учебников невелик. Наиболее распространенным является труд авторского коллектива под редакцией профессора А.М. Родригеса по новой и новейшей истории стран Азии и Африки. Он представляет собой сокращенный и несколько измененный в соответствии с новыми веяниями исторической науки текст добротных советских учебников. Весьма востребован учебник Л.С. Васильева «История Востока», являющийся прекрасным дополнением к перечисленному ранее. На этом список практически обрывается. Опыт преподавания показывает, что данной учебной литературы явно недостаточно для ведения полноценного учебного процесса и качество имеющейся литературы оставляет желать лучшего. Проблемы в этой области обусловлены и тем, что вузовский учебник продолжает занимать значительное место в учебном процессе. Во-первых, он представляет собой некий стандарт знаний, необходимых для усвоения студентом вуза. Во-вторых, зачастую остается единственной книгой, к которой большая часть студентов обращается для получения знаний во время подготовки к практическим занятиям, коллоквиумам, зачету и экзамену. Именно поэтому качество учебника, как методическое, так и собственно научно-историческое должно быть высоким.

Кроме того, «учебная литература, представляя собой важную основу для формирования ценностных ориентаций и ориентации в настоящем через понимание смыслов прошлого, отражает действующие каноны знаний, состояние массового исторического сознания и профессиональной историографии. Учебники также показывают, какие цели обучения достигаются в процессе осмысления исторического знания, какие образы и конкретные формы их проявлений идентифицируются сегодня»⁵.

В связи с этим особую актуальность приобретает изучение опыта создания вузовской учебной литературы прошлых лет. И здесь мы, конечно же, обращаемся к советскому периоду потому, что, как ранее было отмечено, первый учебник по данному курсу появился именно тогда. Кроме того, по простетивии многих лет вузовский учебник ценен для нас, как историогра-

фический источник, ведь его авторами были ученые, прославившие отечественное востоковедение.

Данная статья не претендует на полноту охвата всех вопросов, касающихся указанной темы и рассмотрение всего блока вузовской учебной литературы, ввиду большого объема материала. В связи с этим представляется интересным подробнее остановиться на первых учебниках по новой истории стран Азии и Африки.

В связи с тем, что изучение истории Востока в нашей стране долгое время недооценивалось, в вузах отсутствовали соответствующие курсы. Только в специальных высших востоковедных учебных заведениях читался курс «страноведения», который, в основном, подменял историю социологическими обобщениями.

Одним из авторов первого учебника для вузов по истории стран Востока был выдающийся советский ученый-историк и деятель высшей школы академик Александр Андреевич Губер. С.Н. Ростовский, один из редакторов учебника, познакомился с ним, когда собирал авторский коллектив. Ростовский вспоминал, что уже тогда был замечен у Губера исторический подход, он призывал опираться на факты, что было значимо в то время: историки привыкли оперировать абстрактными категориями, в их трудах не воссоздавалось прошлое. Разделы в учебнике, написанные А.А. Губером, были очень обстоятельны, тщательно продуманы, научно обоснованы.

Учебник «Новая история колониальных и зависимых стран» вышел в 1940 году. Он охватывал страны не только Востока, но и Латинской Америки. Разделы по истории Индонезии, стран Индокитайского полуострова и Филиппин были написаны А.А. Губером. Впоследствии он участвовал в создании буквально всех учебников и учебных пособий по истории стран Востока для вузов. Подлинно научный анализ материалов – архивных источников, монографий, прессы – обеспечил разделам, написанным Губером, долгую жизнь и по сей день они интересны и полезны.

Инициатором создания учебника, предназначенного специально для педагогических институтов и излагающего в книге сравнительно небольшого объема общую картину развития стран Азии и Африки в новое время, также был А.А. Губер. Такой учебник был подготовлен им в соавторстве с А.Н. Хейфецем под названием «Новая история стран зарубежного Востока». Рецензентом первого издания был академик Б.Г. Гафуров⁶.

С течением времени назрела необходимость во втором издании учебника, и Министерство просвещения СССР приняло решение о его подготовке. Под руководством А.А. Губера были намечены основные направления и характер тех изменений и дополнений, которые следовало осуществить в новом издании, учитывая опыт использования учебника в педагогических институтах и новейшие исследования по истории стран Азии и Африки. Однако безвременная кончина в 1971 г. помешала А.А. Губеру принять личное участие в этой работе. Она была выполнена А.Н. Хейфецем.

При подготовке второго издания в соответствии с действующими учебными планами в книгу были включены новые главы по Африке, арабским странам, Монголии, расширен материал по культуре и религиям стран Востока, внесены ряд других изменений и дополнений. Были учтены замечания преподавателей педагогических вузов и соображения, высказанные при обсуждении проблем преподавания востоковедческих дисциплин на страницах журнала «Народы Азии и Африки». В соответствии с многочисленными пожеланиями, а также в связи с введением в учебные планы исторических

факультетов педагогических институтов курсов историографии второе издание учебника было дополнено разделом по дореволюционной русской и советской историографии новой истории Азии и Африки, написанным Г.Ф. Кимом.

В процессе отбора материала для второго издания, как и для первого, особое внимание обращалось на те разделы, которые преподаются в средней школе. Это открыло возможность использовать книгу как пособие для учителей.

Рассматриваемый учебник является результатом долгого и кропотливого труда коллектива авторов, а также свидетельством развития отечественного востоковедения. В нем нашли отражение основные концепции изучения Востока советской исторической науки и взгляды самих авторов.

А.А. Губер убедительно доказывал необходимость изучения стран Востока комплексно, в рамках всеобщей истории. Его коллегам и ученикам неоднократно приходилось слышать от него о той великой задаче, которая стоит перед историками: о создании всеобщей истории человечества, отражающей единый мировой процесс⁷. Губер был убежден, что события, возникшие в одних странах, влияют на течение истории в других; идеи, формирующиеся в определенной исторической обстановке, становятся достоянием многих народов.

С его точки зрения, исторический процесс многообразен. Чтобы хорошо понять его, историк должен ясно представлять, как наряду с социально-экономическими процессами развивалась культура, идеология. Вот требования А.А. Губера к историческому исследованию: «Всякое историческое исследование должно быть конкретным, оно должно основываться на проверенных фактах. Оно должно последовательно и систематически излагать ход исторического процесса»⁸, – это были основные установки ученого. Отсутствие хронологической последовательности всегда вызывало с его стороны упрек.

Исследователь должен в своей работе использовать все доступные ему источники, как опубликованные, так и обнаруженные им в архивах, мемуары, свидетельства непосредственных участников и очевидцев событий. Он должен изучить все, что было написано его предшественниками: «Внимательное отношение к своим предшественникам, уважение к трудам, даже в тех случаях, когда их авторы по разным причинам не могли использовать всех тех источников, которые привлек он, всегда подкупает. Серьезному ученому нет нужды становиться в позу первооткрывателя, ибо сам труд его является лучшим доказательством, что подлинно новое внесено им в разработку проблемы»⁹. Тщательный подбор материалов, сжатое и ясное изложение Губер считал непременным условием исследования.

Исследователь подчеркивал значение Востока для современной истории человечества и обращал внимание на слабое знание истории Азии и Африки и в высших учебных заведениях, и в школе: «Нам приходится в вузах сталкиваться с таким незнанием в отношении стран Азии и Африки, которое вызывало бы всеобщее возмущение, если бы оно было проявлено в отношении любой европейской страны»¹⁰.

При жизни ученого было несколько изданий учебников для вузов. Интересен его взгляд на место учебника в вузовском учебном процессе. Он говорил: «Никакие учебники не могут поспевать за бурным развитием науки»¹¹. Выходом ему представлялось изучение студентами монографий. По его убеждению, разработка любой темы или теоретической проблемы содержала в себе и воспитательную цель: «Когда мы подходим к нашим монографиям и учебникам, мы не можем подходить, абстрагируясь, потому что эти

монографии и учебники являются, прежде всего, орудиями воспитания нашего студенчества, наших будущих востоковедов-историков»¹².

Второе издание учебника было выпущено главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» в 1975 г. под названием «Новая история стран Азии и Африки».

К сожалению, на данном этапе исследования в нашем распоряжении находится только учебник, изданный в 1982 году. Книга представляет собой третье, переработанное и дополненное издание учебника по новой истории зарубежного Востока для педагогических институтов, выпущенного в 1961 году. Государственным учебно-педагогическим издательством Министерства просвещения РСФСР.

В рассматриваемом нами третьем издании по возможности учтены результаты советских и зарубежных исследований, опубликованные во второй половине 70-х годов. В него внесены также дополнения и изменения в соответствии с пожеланиями, содержащимися в рецензиях на второе издание и высказанными преподавателями и студентами. Расширен материал, позволяющий понять исторические корни тех традиций афро-азиатских стран, которые влияют и на современное развитие. Приведены новые сведения по истории Вьетнама, Лаоса и Кампучии. Больше внимания уделено характеристике религий и религиозных и идеологических течений в странах Востока, дополнена историография. Приложены сводная хронологическая таблица наиболее важных событий, указатели имен и географических названий.

Хронологические рамки учебника – середина XVII в. – 1918 год. Он состоит из пяти тематических разделов: страны Азии и Африки в начале нового времени; усиление колониальной агрессии и народные движения середины XIX в.; превращение Японии в колониальную державу; Азия и Африка в последней трети XIX – начале XX вв.; пробуждение Азии. Основной материал дополнен историографическим блоком в конце учебника – «Изучение новой истории стран Азии и Африки в дореволюционной России и СССР», что несомненно является положительной стороной данного учебника, т.к. знание историографии изучаемого курса истории – одно из обязательных требований к студентам.

Рассмотрев основной советский учебник по новой истории стран Азии и Африки, можно сделать некоторые выводы. В связи с началом преподавания курса истории Востока в 1930-х гг. появилась необходимость в соответствующей учебной литературе. Учебник, сформировавшийся в это время, на долгое время стал образцом вузовской учебной книги. Основные принципы его построения являются основополагающими до сих пор. Рассматриваемый нами учебник по новой истории вобрал в себя лучшие традиции советской истории и методологии. Необходимо особо отметить наличие историографического раздела, что весьма ценно и полезно в учебном процессе, списка литературы и именного указателя. Современный учебник содержит только основной материал.

По сравнению с современными учебниками по новой истории стран Азии и Африки, советский учебник является более основательным с научной точки зрения: обширная фактологическая база, статистические данные и т.д. Вполне понятно, что он излишне политизирован, но в данном случае вопрос идеологии стоит особо и не рассматривается. Более важно принципиальное отношение советских ученых и методистов к содержанию учебной книги.

Таким образом, советский опыт создания вузовской учебной литературы по истории стран Азии и Африки является первым в отечественной истории и остается актуальным до сих пор.

Примечания

- ¹ *Базиянц А.П., Гринкруг И.М.* Три проекта организации изучения восточных языков и Востока в России в XVIII-XIX столетиях // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года) / под ред. Н.А. Халфина. – М.: Наука, 1984. – С. 33.
- ² *Чапкевич Е.И.* К истории становления марксистского востоковедения в России (марксистская публицистика о «пробуждении Азии») // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года) / под ред. Н.А. Халфина. – М.: Наука, 1984. – С. 7.
- ³ Там же. – С. 8.
- ⁴ *Гневущева Е.И.* Академик Александр Андреевич Губер. – М.: Наука, 1987. – С. 107.
- ⁵ *Бомсдорф Ф., Бордюгов Г.А.* Учебники истории: носители стереотипов, памяти о конфликтах или источник для взаимопонимания? // Мир истории. – 2004. – №1.
- ⁶ *Губер А.А., Ким Г.Ф., Хейфец А.Н.* Новая история стран Азии и Африки. – М.: Наука, 1982. – С. 3.
- ⁷ См. подробнее: *Гневущева Е.И.* Академик Александр Андреевич Губер. – М.: Наука, 1987.
- ⁸ Там же. – С. 117.
- ⁹ *Гневущева Е.И.* Академик Александр Андреевич Губер. – М.: Наука, 1987. – С. 120.
- ¹⁰ Там же. – С. 127.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. – С. 126.

А.В. АРТАМОНОВА, Г.М. ПУРЬНЫЧЕВА

ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ: ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

Колыбелью личностного развития является семья, которая воспитывает из биологического существа субъекта социальных отношений. Но в настоящее время традиционная семья и ее устои подвергаются ожесточенным нападкам со стороны средств массовой информации, которые искажают или отрицают ее социальные функции и ценности. В современном мире, вступающем в эпоху информационного общества, информация является не только набором фактов и сведений о событиях, объекте или субъекте. Она становится мощнейшим орудием (оружием) воздействия на человека, социальные институты, даже государства. В связи с этим встает проблема информационной безопасности и, в первую очередь, безопасности личности. Воздействие информационной лавины, которую выплескивают СМИ на человека, справедливо получило название «промывание мозгов», так как огромное количество новых разнородных сведений ломает логику традиционных ценностей. При помощи психотехник в сознание человека внедряются новые модели поведения в определенных житейских и профессиональных ситуациях, подменяется содержание понятий традиционных ценностей (например, польза = выгода). Активная работа СМИ идет по нескольким направлениям, по которым внедряются деструктивные установки и модели поведения. Одним из приоритетных направлений разрушительного воздействия СМИ представляются традиционные супружеские отношения, которые объявляются нецелесообразными и даже старомодными. В качестве альтернативных предлагаются модели гомосексуальных связей, полигиния и полиандрия, групповой брак, вплоть до коммун. В ситуации относительной доступности Интернет-ресурсов СМИ перспективой видят виртуальные

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ проект №06-03-00549а от 02.03.2007 г.

супружеские отношения, не предполагающие общения и взаимодействия «супругов» в реальности. Вся жизнь такой «семьи» интерактивна, с помощью многочисленных технических средств может симулироваться даже сексуальное общение «супругов». Но предлагаемые новшества не выполняют основных функций супружества: воспроизводство детей, социализация, способствующих выживанию общества как такового, то есть не являются социально приемлемыми. Следующим направлением воздействия СМИ выступают взаимоотношения родителей и детей. В материалах газет, журналов, программах телевидения часто встречаются образцы деструктивного поведения детей, которые моделируют и корректируют схему взаимоотношений детей с родителями в сторону неуважения и агрессии (мультсериалы «Симпсоны», «Гриффины» и т.д.). Еще губительнее последствия влияния на детскую психику «детских» голливудских фильмов («Один дома», «Деннис-мучитель», «Трудный ребенок», «Дети шпионов» и т.д.), которые дезинформируют детей в вопросах адекватного отношения к взрослым. Последние предстают как глупые, злые и жестокие существа, стремящиеся нанести вред ребенку: ограничить его свободу, насоветовать глупостей и принудить к полезному труду. Идеализируются и преувеличиваются реальные интеллектуальные возможности детей (дети «способны» к сложным мыслительным конструкциям, жесткому логическому анализу ситуации, отсутствию эмоциональных переживаний своих решений – сомнения, неуверенности). Физическая гиперактивность экранных детей направлена на деконструкцию, разрушение мира взрослых, пропагандируются жестокость (садизм), вследствие чего страдания других людей (живых существ) воспринимаются как развлечение, повод для шутки. Такие матрицы поведения, внедряющиеся в сознание ребенка, снимают с него ответственность за подобные поступки в реальном мире, поэтому за последние двадцать лет, как в России, так и в других странах, наблюдается рост тяжких преступлений, совершенных детьми. Подросток, находящийся под информационным давлением СМИ, предпочитает скорее следовать новым веяниям и тенденциям, чем проверенному времени и родителями опыту. Эрих Фромм, анализируя западный социум, пришел к выводу, что «родители больше не распоряжаются: они советуют, чтобы ребенок «захотел» сделать то или иное. Но родители старше и поэтому не в курсе «новейших» веяний; вот почему, они зачастую узнают от детей, какая установка требуется»¹. Такая направленность межпоколенных отношений актуальна и для современного российского общества, но не является характерной. Для России национальные обычаи семьи и стиль поведения домочадцев многие века определялись Домостроем: почитание старших, добродетельность, совестливость, трудолюбие, уважение к традициям, служение семье, общине, государству. Патриархальность семьи была нормой жизни, которая эффективно регулировала межличностные и межпоколенные отношения, практически исключала межпоколенные конфликты, стабилизировала институт семьи изнутри.

Анализ повседневного общения с молодежью показывает, что старшее поколение, а особенно люди пожилого возраста, воспринимаются в деловой сфере как конкуренты, необоснованно занимающие место, в частной жизни – как обуза и источник постоянных нравоучений. Этому немало способствуют СМИ, где образ человека среднего и старшего поколений значительно искажен. Человек среднего поколения представлен как недовольный собой, ищущий омоложения и исцеления от всех болезней (реклама), обремененный семьей и проблемами на работе (сериалы, фильмы), имеющий пробле-

мы в интимной сфере (ток-шоу, печатные СМИ, фильмы) субъект, которому либо некогда радоваться жизни, либо не из-за чего. Представитель старшего поколения наделяется следующими типичными чертами: физическая дряхлость, недееспособность, отсутствие интереса к жизни, сварливость, некомпетентность в вопросах морали, политики, экономики, культуры («отсталость» от жизни), старческая глупость. Поэтому социологические опросы в США и России выявили тенденцию негативного отношения к людям среднего и старшего возраста со стороны молодежи, отсутствие мотивации для межпоколенного общения.

Эта ситуация, на наш взгляд, может привести к катастрофическим для личности и общества последствиям. Люди среднего и старшего поколения являются носителями и трансляторами ценностей, жизненных ориентиров и опыта, многих навыков и умений, знаний, моделей коммуникации. Именно эти ценности, модели поведения, знания и навыки позволили им выжить, сохранить и развить личностный потенциал, добиться определенного положения в социуме и в целом, сохранить государство и общество как таковые. Оскудение информационного потока между поколениями уже сейчас приводит к тому, что молодое поколение движется преимущественно к рыночным жизненным ориентациям: создание и накопление материальных средств, обладание определенным набором вещей, эгоцентризм и т.д. Духовная составляющая жизни оттесняется или исключается вовсе. СМИ и массовая культура стимулируют эти процессы вместо того, чтобы пресекать. Э. Фромм заметил по этому поводу: «Основное зло современной культуры состоит именно в том, что она раскалывает на отдельные части различные жизненные сферы. Путь к оздоровлению общества – в преодолении этого раскола, в движении нового единения и интеграции общества и индивида»².

Дезориентация человека средствами массовой информации по вопросам семьи и брака касается не только проблем межпоколенной коммуникации, но и мотивации вступления в брак, моделей супружеских взаимоотношений. По результатам анализа телепрограмм (сериалов, фильмов), а также материалов периодической печати России нами были выявлены следующие мотивы вступления в брак, представленные СМИ в виде норм (выстроены в иерархической последовательности): 1) сексуальная совместимость, проверенная сожительством различной продолжительности; 2) материальная заинтересованность одного или обоих партнеров; 3) любовь одного из партнеров к другому; 4) взаимная любовь. Исходя из мотивов заключения брака взаимоотношения супругов могут развиваться по различным сценариям. Сериалы и фильмы любовной и семейной тематики, транслируемые ведущими российскими телеканалами дают богатый материал по этой проблеме. Анализ показывает, что преобладающей моделью телесемейных отношений является традиционная семья в стадии разрушения (развода), которая характеризуется холодностью супругов друг к другу, адюльтером, постоянными скандалами и неудовлетворенностью. Чаще всего неудовлетворенностью сексуальной, т.к. представляется, что секс в браке пресный, скучный и является пресловутой супружеской обязанностью (сериалы «Санта-Барбара», «Династия», «Возвращение в Эдем», «Отчаянные домохозяйки» и другие). В противовес внебрачным и добрачным сексуальным отношениям окружаются ореолом романтики, праздника и эмоциональной насыщенности (сериалы «Любовь и тайны Сансет Бич», «Саша + Маша», «Секс в большом городе», фильм «Дневник Бриджит Джонс 1, 2»). Очень редко адюльтер предстает в свете негативной моральной оценки. А ведь адюльтер – это измена, а измена – это

прелюбодеяние, а прелюбодеяние – это нарушение седьмой заповеди и один из семи смертных грехов в христианской традиции, на фундаменте которой стоит европейская цивилизация. Вся классическая литература дает пример осуждения адюльтера и возмездия за него (древнегреческие мифы о Зевсе и Гере, произведения У. Шекспира, О. де Бальзака, Л.Н. Толстого...), супружеская верность предстает как одна из высших ценностей брака. В наши дни идеал супружеской верности оттесняется призывом к свободе отношений, бесконечному поиску подходящего по всем параметрам партнера (супруга).

Часто в сериалах изображаются неполные семьи («Моя прекрасная няня», «Кто в доме хозяин?»), в которых с легкостью решаются проблемы воспитания и посторонние люди (няня, домохозяйин) включаются в состав семьи. Здесь присутствует идеализация жизни неполной семьи, которая также является в определенной мере дезинформацией. Пропагандируются так называемые гражданские браки, пробные браки – если дать объективное название – сожитительство (сериалы «Друзья», «Саша + Маша», «Татьянин день», фильм «Питер FM» и т.п.), в которых законный брак партнеров возможен только после проверки друг друга на совместимость в бытовых условиях, сексуальных предпочтениях.

На наш взгляд, современные СМИ ведут себя некорректно по отношению к семье и личной жизни человека, стремятся вынести наружу все сокровенные тайны и перипетии взаимоотношений людей. Здесь возникает еще одна немаловажная проблема – соотношение частной и публичной жизни, и границы их освещения в СМИ.

Частная жизнь, полагает Арнольд Гелен, есть «сфера непосредственного общения людей»; главное ее прибежище – это семья, «единственный противовес всякой публичности» в современном обществе³. По мнению историка частной жизни Ж. Дюби, публичное – государственные институты, а также то, что открыто и доступно всем; приватное – это дом и семья, то, что сокрыто от посторонних, принадлежит частному лицу⁴. А как выделить личную жизнь из частной? На мой взгляд – личная жизнь – это состояния человека, связанные с эмоциональными переживаниями своего внутреннего мира, мира, сконструированного собственным сознанием; частная жизнь – состояния человека, связанные с межличностным взаимодействием в кругу близких, родных и друзей; публичная жизнь – состояния человека, связанные с его профессиональной, общественной деятельностью, с осуществлением им социальных функций и это сфера формальных взаимоотношений людей, их социальных ролей.

Анализ современной информационной ситуации в России показывает, что частная и публичная жизнь поменялись местами. Мы отлично осведомлены о том, какие проблемы существуют в семьях известных людей, какого размера они носят одежду, какие скандалы и на какой почве возникают в среде шоу-бизнеса, кто, когда и с кем вступал в интимные взаимоотношения и чего ему за это было, какие пристрастия и слабости они питают, в каком ночном клубе были вчера и т.д. Но замалчиваются успехи в деловой и профессиональной сфере, если они не связаны со скандалом, общественная деятельность и упорный труд для достижения положительных результатов, наличие искренней дружбы между известными людьми и т.п. Создается впечатление, что вся творческая интеллигенция и представители шоу-бизнеса только отдыхают и прожигают жизнь, сплетничают, ходят по магазинам и салонам красоты. Нет сомнения в том, что определенная

часть богемы так и делает и она, к сожалению, диктует моду на такой образ жизни. Это один срез проблемы.

Другим аспектом является вынесение на суд общественности сферы, которая всегда была окружена табу и возрастным цензом, – сексуальных взаимоотношений. В традициях отечественной культуры вопросы пола исследовались в работах В.С. Соловьева «Смысл любви», Н.А. Бердяева «Метафизика пола и любви», В.В. Розанова «Уединенное», но они не были агрессивны и не уходили в вопросы физиологии. В современных СМИ все запреты сняты, так как ограничивают свободу слова, поэтому даже в изданиях, которые по определению являются общедоступными, семейными, появляются откровенные фотографии или целые колонки, посвященные теме секса. На телевидении сексуальную подоплеку имеют многие программы прайм-тайма (ток-шоу, сериалы, фильмы, реалити-шоу) и, конечно же, реклама (от средств для улучшения потенции, дезодорантов до шоколада и бытовой техники). Также на некоторых общедоступных каналах ежедневно или еженедельно выделяется время для трансляции передач эротико-порнографической направленности (ТНТ, РЕН-ТВ, ДТВ).

Интернет-ресурсы содержат массу информации по этому вопросу, доступ к которой не ограничен ничем, кроме надписи «Если вам нет 18 лет – немедленно покиньте этот сайт». Все попытки общественности воззвать к морали тщетны, наталкиваются на псевдодемократические лозунги свободы слова и печати, которые законодательно закреплены в нашей стране. Отметим, что в Америке свобода слова по вопросам секса значительно ограничена. Журналам, газетам, Интернет-ресурсам, телеканалам, содержащим такую информацию, присваивается маркировка «только для взрослых», доступ регламентируется внесением дополнительной платы и предъявлением документа, удостоверяющего личность и возраст потребителя. Эти меры были приняты после того, как на Америку лавиной обрушились негативные последствия сексуальной революции: детская проституция, ранний сексуальный опыт, детская беременность, распространения венерических заболеваний, СПИДа среди детей и подростков, рост преступлений на сексуальной почве и т.д. В современной России наблюдаются сходные «постреволюционные» процессы, так как частная жизнь людей напрямую зависит от социума и его устоев.

На наш взгляд, препарирование СМИ частной жизни человека ведет к духовному обнищанию, потере человеком жизненных ориентиров и утрате индивидуальности. Все тайны взаимоотношений полов известны с младенчества и стремиться к знаниям и житейскому опыту не имеет смысла. Выступая в роли нравственных наставников и учителей, СМИ забывают о гражданской ответственности, которую они должны нести за каждое слово, каждый кадр. Представляется, что это связано не только с понижением уровня нравственности в журналистской среде, но и с коммерциализацией СМИ, увеличивающейся дистанцией между журналистом и обществом, борьбой за рейтинг любыми средствами.

Важно отметить, что, дезинформируя население о семье как социальном институте, СМИ разрушают общество и государство изнутри, способствуют разобщению населения (традиционно родственные связи являются самыми прочными), ухудшению демографической ситуации, прямо и косвенно стимулируют случаи подросткового насилия на сексуальной почве, развивают агрессивность. Если эту проблему не решать сейчас, то можно упустить еще несколько поколений, которые будут находиться в таком же дезориен-

тированном состоянии, как и современные молодые люди 15-25 лет, которые попали в сходную ситуацию в начале 1990-х годов. На наш взгляд, это можно объяснить политическими интригами части элиты страны и проникновением западного капитала в индустрию СМИ. Прозападная ориентация некоторых чиновников способствует распространению негативных тенденций в сфере семейно-брачных отношений, насаждению нехарактерных для России ценностей семьи. В первую очередь, необходимо выделить гипертрофированное внимание к материальной обеспеченности супругов, возведение в доминанту сексуальных отношений (т.н. сексуальной совместимости), а также сведение всех функций семьи только к одной – социализации. Все эти компоненты важны в семейной жизни, но их влияние на супругов не столь велико. В русских семейно-брачных традициях, основанных на Домострое, одними из главных элементов-ценностей семьи (дома) были: любовь (к Богу, друг другу, ко всем людям), уважение, терпение, смирение и кротость, забота, взаимопомощь, дети. В Домострое семья сама по себе выступала как ценность. А материальная (хозяйственная) сторона семейной жизни упоминается лишь как работа, средство поддержания физического существования членов семьи, а не в качестве смысла и цели брачного союза.

Опыт повседневной жизни подтверждает второстепенность материальной сферы семейной жизни, когда число неудачных браков в среде материально обеспеченных людей неуклонно растет. Причем именно такие истории СМИ воспринимают с большим энтузиазмом и злорадством, публикуя материалы под заголовками «Богатые тоже плачут» и т.п. Некоторые неудавшиеся жены и невесты олигархов даже получают коммерческую выгоду, публикуя скандальные мемуары или руководства для невест (О. Робски, К. Собчак и т.д.). Многие процессы разрушения традиционной семьи, национального менталитета, оскудения культуры и духовной жизни в России вызваны еще и пропагандой доктрины «золотого миллиарда», где Россия выступает как сырьевой придаток. Такая ситуация должна спровоцировать ответную защитную реакцию. Необходимо выработать четкую программу совместных действий общества, государства и СМИ. Единая линия поддержки традиционной семьи должна быть на всех уровнях власти.

На наш взгляд возможным решением проблемы был бы следующий комплекс мер по обеспечению информационной безопасности традиционной культуры семейных отношений:

- повышение уровня ответственности СМИ за предоставляемые читателям, слушателям, зрителям и пользователям материалов, касающихся семьи и частной жизни, вплоть до введения уголовной ответственности за попытку манипуляции общественным мнением, сознанием;

- тесное сотрудничество СМИ и государственных структур, а также общества в целях решения проблем традиционной семьи (например, через Общественную палату);

- СМИ должны вести внутренний контроль над содержанием материалов, представляемых различным возрастным категориям граждан, оправдано будет применение общественной цензуры, а также необходимо возрождать «нравственный кодекс» журналиста. Недопустимо в детских и подростковых программах, материалах печати использование сексуальной символики, физиологической конкретики и намеков, так как это наносит непоправимый ущерб детской и подростковой психике, формирует нездоровый преждевременный интерес к проблемам пола. К тому же, разбуженный раньше времени сексуальный инстинкт у детей и подростков не находит должного

выхода и трансформируется в агрессию и деструктивное поведение. Это напрямую отражается на уровне детской и подростковой преступности, который за последнее десятилетие вырос многократно;

– создать платные кабельные каналы для взрослых, где возможна трансляция программ эротико-сексуального содержания.

Таким образом, в современной России назрела проблема информационной безопасности традиционной семьи, межпоколенного взаимодействия, регулирования отношений между СМИ и обществом. По мере возрастания влияния СМИ на повседневную жизнь человека, претензиями на общедоступность информации, СМИ должны пропорционально повышать уровень ответственности за представляемые аудитории материалы, чего в настоящий момент не происходит. Вмешательство СМИ в частную жизнь людей ведет к редукции духовных и нравственных событий, сведению их к удовлетворению естественных потребностей, что способствует возникновению духовного вакуума. Человеку некуда спрятаться от общественности, он ощущает себя в качестве экспоната на всемирной выставке, где каждый его шаг, любая мысль, чувство, действие мгновенно превращаются в повод для (психо)анализа, суждения, аналогии и т.д. (например, реалити-шоу «За стеклом»). Раньше прибежищем служила семья, где человек мог найти утешение, покой, внимание к его внутренней сущности. Но и этот последний приют человека отнимают и разрушают СМИ, «освобождающие» человека от неполной информации, осуществляющие свободу слова, а точнее «словоблудие».

Представляется, что нападки на семью не обоснованы с точки зрения логики, антропологии и этики. Традиционная семья защищает развивающуюся личность от разрушающих влияний, формирует здоровую матрицу взаимоотношений и препятствует развитию патологий в области психики. Традиционная семья способствует трансляции ценностей и моделей поведения, функционирующих в обществе, обеспечивает конструктивную межпоколенную коммуникацию, передачу опыта и не препятствует развитию гармонически развитой личности. Делом государства и общества, если оно нацелено на развитие, а не на регресс, должно стать формирование положительного образа традиционной семьи в сознании людей, всемерная поддержка этого института в деятельности СМИ.

Примечания

¹ Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. – М., 2005. – С. 179.

² Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. – М., 2005.

³ Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени/ под ред. Ю.Л. Бессмертного. – М., 1996. – С. 13.

⁴ Человек в кругу семьи. – М., 1996. – С. 21.

Методологические и философские проблемы исторической науки

**АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

В начале XXI века проблемы взаимосвязи философии, методологии и исторической науки обрели новые формы и качества, главным образом, потому, что появилась возможность реализации скрытого эвристического и методологического потенциала философского знания в условиях его освобождения от идеологического принуждения. Философия, выступая как наиболее общая форма самопознания культуры, вырабатывает мировоззренческие принципы исследования, рационализирует феномены социальной реальности в абстрактно-логическом выражении, создает новый понятийный и категориальный аппарат, прогнозирует направления научного исследования.

Рост научного знания, сложность его структурных уровней, введение абстракций, идеальных моделей, обращение к новым способам обоснования знаний требуют от ученого зрелой методологической позиции.

Проблемы исторической науки оказались в центре острых философских и политических дискуссий современности, в которых представлены практически все направления и научные школы.

Давая оценку состояния современной исторической науки, анализируя ее наиболее актуальные проблемы, мы с необходимостью сталкиваемся с известными трудностями. Сама оценка невозможна без определенных методологических оснований, а они до некоторых пор оказались «размытыми», поставленными под сомнение.

Представляется возможным соединение классических традиций анализа с элементами неклассических и постнеклассических подходов по принципу дополнительности при условии тщательной экспертизы социального объекта.

Попытаемся выделить наиболее актуальные методологические проблемы социально-исторического знания.

В структуре логико-гносеологических проблем выделяется *классификационная проблема* (предложены теоретический и прагматический подходы к обоснованию классификаций, идеи естественной классификации, в социально-гуманитарное знание пришли машинные методы, отсутствует единый критерий выбора). Проблема *теоретизации* в современной науке – не менее дискуссионна, так как существуют многочисленные подходы и определения самого понятия «теория», по-разному трактуются функции теории: объяснение, предсказание, понимание, систематизация. Идет поиск образца наиболее развитой теоретической дисциплины.

Г. Риккерт (1863–1936 гг.) обосновывал специфику исторических дисциплин через их ориентированность главным образом на духовную жизнь человека. Вслед за Гегелем он причислил историю к «наукам о духе» и предложил метод отнесения к ценности¹.

Для современного этапа развития науки *проблемы аксиологии* стали особенно значимыми: модернизируется предмет аксиологии, изучается методологический потенциал ценностного подхода, механизмы обмена, трансляции, смены систем ценностей, их природа и значение, многообразие ценностей и их классификаций. Представляется возможным говорить о возникающих контурах теории ценностей в целом, хотя в существующей исторической литературе многие авторы выглядят неуверенно, когда пишут о ценностях и их приложениях, идет смешение подходов, понятий, возникают ошибки в суждениях о референте ценности (материальный он или идеальный и т.д.).

Проблема предмета исторической науки остается весьма активной темой методологического выбора. Она включает в себя определения объектов, целей, методов, исследовательских программ. В современном социально-историческом познании идут процессы интеграции и дифференциации научного знания, предметная организация науки и постоянное разрушение предметных границ. Коротко можно обозначить основные подходы к определению предмета истории: 1) история исследует исторический процесс – всемирная история; 2) история – социальная дисциплина, изучающая развитие общества; 3) история, как гуманитарная наука, имеет дело с формами человеческой жизнедеятельности, с процессом производства (конституирования) культурных значений, текстов. Особенно активные дискуссии о предметных границах велись между историками и социологами. В настоящее время многие соглашались с тем, что предмет истории – прошлое, а социологии – настоящее.

Тенденции антропологизации знания во второй половине XX века проникли и в историческое познание, сделав «человека в истории» предметом анализа. Человеческая деятельность, люди, их сознание, отношения между ними становятся для истории подлинной реальностью, пересматривается роль личности в истории. «Маленький человек из толпы вытесняет великую историческую личность». Представляется важной целостность исторической предметности – она требует объединить «общество» и «человека». Предмет истории – общественный человек в меняющемся времени, люди, переживающие свою историю. И, наверное, самой популярной точкой зрения на предмет истории является обращение к «прошлому» как предмету исследования. В эпоху Возрождения была обнаружена темпоральность человеческого и общественного бытия, проникающая в прошлое и открытая будущему. Гуманисты стали различать далекое и близкое прошлое. В Новое время пытались с рационалистических позиций сформулировать закономерности истории, которые бы объясняли прошлое и настоящее, помогали предвидеть будущее. Вплоть до XIX века история выполняла функцию социальной памяти.

В современной исторической науке существуют методологические трудности с определением понятий: «прошлое», «прошлое человека», «событие», «исторический факт», «историческое состояние», «образы исторической реальности». В сознание современного историка все чаще входят философские категории: «свобода», «развитие», «прогресс», «социальное пространство и время», «общество» и др. Посредством механизма сопоставления систем понятий философской, социологической и исторической наук выявляется их продуктивность для исторического исследования – образуются новые понятийные ряды. Методы компаративистики, возникшие в философской методологии – сравнительный анализ, аналогии, параллели, диалог, полилог – все чаще применяются историками и дают интересные результаты. Современная философская культура характеризуется стилями мышления: сциентистским, антропологически-мировоззренческим, метафизическим, диалектико-материалистическим, критико-рационалистическим, религиозным, иррационалистическим, что, безусловно, влияет на позиции историков.

История, как гуманитарная наука, имеет дело с описанием, объяснением, пониманием. Поэтому *методологический потенциал герменевтики требует всестороннего осмысления историческим сообществом*. Историк истолковывает, интерпретирует литературные и другие («ушедшие», в этом смысле «умершие») памятники прошлого. Герменевтика, как особый метод гуманитаристики, широко используется в западной науке. Ф. Шлейермахер предметом герменевтики считал, прежде всего, тексты. Они отделены от иссле-

дователя большой временной, исторической, культурной дистанцией. Это исторические источники, памятники далекой и чужой исследователю культуры. Их надо осваивать, преодолевая «барьеры» для понимания, умело переводить, комментировать, интерпретировать. С точки зрения Ф. Шлейермахера (1768–1834 гг.) герменевтика обеспечивает понимание субъективной («факт мышления») и объективной («факт языка») сторон памятника взаимодействием этих двух моментов. Провозглашенный Шлейермахером принцип «лучшего понимания» призван помочь исследователю глубже познать мир автора текста, его содержание. В трудах В. Дильтея (1833–1911 гг.)² герменевтическая методология обогатилась психологическими приемами, с помощью которых обнаруживалось в текстах «невидимое», ментальное, «скрытые пласты информации». Г.-Г. Гадамер³ ввел в герменевтику понятия: «предпонимание», «традиция», «предрассудок», «горизонт понимания» и сформулировал основной вопрос исторической герменевтики: в чем состоит причина законности предрассудков, то есть где граница между навязанными историей и современным обществом стереотипами и оправданными предварительными сведениями. Надо признать герменевтику общим методом исследования текстов, языков, оценить ее нацеленность на раскрытие смыслов в вещах, событиях, действиях людей, понять ее значение в развитии взаимопонимания между народами, культурами, между традициями и современностью.

Высока эффективность *типологического метода* в истории, впервые примененного М. Вебером⁴. Историческое понятие функционирует в качестве типа, то есть результата типологизации. Тип – это способ абстрагирования – нахождения основных форм, отражающих реальные процессы.

М. Вебер, исследуя природу исторических понятий, предложил, что для успешного изучения истории они должны содержать в себе элементы общего и индивидуального. Вебер назвал такое понятие «идеальным типом» и определил его содержание как конструкцию мышления, предназначенную для измерения и систематического рассмотрения индивидуальных связей (например, европейский феодализм, капитализм, христианство). Теория «идеальных типов» как адекватных методологических средств социально-исторического познания Макса Вебера предложила использовать в исторической науке исследовательскую мыслительную модель, которая конструируется теоретически и только в качестве логической нормы соотносится с эмпирической реальностью. В ходе методологических поисков М. Вебер обозначил границу между знанием и оценкой, суждениями о фактах и суждениями о ценностях. Он отстаивал идею ценностной нейтральности социально-исторического научного знания.

Остается актуальной *проблема исторической реальности*, ибо картина всемирной истории носит, безусловно, творческий, опосредованный характер. Для историка важно осмыслить как соотносятся объекты исторической науки с их теоретическими конструкциями. Идут интересные дискуссии. Исследователь, который заглушил собственное Я, имеет дело не с историей, а с бессмысленной массой разнородных исторических фактов. Чаще всего исторический материал, с которым имеет дело ученый, уже оценен, интерпретирован. Нельзя смешивать определенное понимание исторической действительности с самой действительностью – с реальной историей. Важную роль в понимании играет воображение, оно дает нам целостное понимание. Внешние события – лишь повод для воображения историка. Из понимания проистекает истолкование. Историк воспроизводит картину

прошлого, переживая его заново, воссоздавая его как живое, и прошлое переносится в настоящее во всей индивидуальной целостности. Так, история, по мнению В. Дильтея (1833-1911 гг.) – такая область знания, которая лежит в пределах внутреннего переживания, принципиально отличного от внешнего мира природы⁵. Историческое познание в толковании В. Дильтея сближается с искусством, с художественным творчеством, ибо целостность исторических образований рассматривается сквозь призму целостности исторической личности. Вероятно, когда Коллингвуд пишет о единственной исторической реальности – имеется в виду реальность сознания историка. Отметим, что по вопросу о природе исторической реальности сложились две точки зрения: реализм и конструктивизм. Реалисты полагают, что историческая реальность должна непосредственно представлять перед исследователем, быть наблюдаемой, существовать в реальности. Марксисты в целом разделяли позиции реализма, ссылаясь на «объективную историческую реальность», которая лежит в основе исторического познания и обеспечивает его объективность. Представители конструктивизма указывали на опосредованность исторической реальности временем, историческим источником, на ее ненаблюдаемость. Они считали, что с помощью набора методологических средств и механизмов возможно реконструировать исторические события, хотя их знание и не предстанет в «чистом» виде. Умеренный конструктивизм – допустимая методологическая модель исторического познания, и он ближе к истине при условии, что ученый осмысленно действует, применяя различные мыслительные, семиотические и иные конструкции. Каждый исследователь создает, конструирует исторический предмет в соответствии со своими средствами и методикой познания.

В работах по теории истории историческая реальность трактуется чаще как предметно-субстанциональный фон, понятие, тождественное «прошлому». Так, историческая реальность определяется как данность, реконструируемая на основе источников в ее феноменологическом разнообразии⁶.

Философия истории – ведущее научное направление философского познания, сосредоточенное на феноменах человеческой истории. Оно имеет свою историю как череду попыток ответить на вопросы: как возможна история? Кто является ее творцом? Умопостижима ли история? Есть ли у нее начало и конец? и др. Термин «философия истории» ввел Вольтер, однако уже в древности в рамках философской традиции появляются отдельные идеи, исследующие исторические события. Слово «история» в ранних греческих работах означало кропотливый труд, «расспрос», собирание сведений, рассказов о делах людей прошлых времен и настоящих. История представлялась как совокупность «сырых фактов» и пересказов этих фактов, в чем еще нет науки, нет знания. Позднее история у древнегреческих мыслителей приобретает умопостижимую форму. Ею становится прежде всего форма циклического развития, в котором историческое бытие человека оказывается представленным как совокупность вечно повторяющихся фаз в трансформации общественного устройства, в частности, форм государственного правления. Эти идеи можно считать прототипами схем объяснения всемирной истории европейскими мыслителями Нового времени.

Циклический характер истории утверждал Дж. Вико. Позднее циклические концепции опирались на идеи конечности цивилизационного развития.

Русский историк XIX века Н.Я. Данилевский циклы в развитии общества связал с изменениями культурно-исторических типов, а в XX веке английский историк А. Тойнби выделил цивилизации.

Идею прогресса развивали М. Кондорсе, И.О. Гердер, Гегель, К. Маркс.

К. Ясперс предложил концепцию осевого времени истории, то есть однотипного, формирующего некую ось развития достижений в разных частях Земли.

Философия истории способна построить масштабные картины человеческой истории, по выражению Ф. Лиотара, создать «Большие рассказы». *Философия истории может претендовать на роль теории в историческом познании.* Однако анализ литературы показывает, что из-за своей «метафизичности», то есть оторванности от конкретно-исторической эмпирии, из-за абстрактности и бездоказательности философия истории не воспринимается работающими историками как необходимая составляющая научно-исторического знания. А. Данто считает, что прошлое – это только фрагмент истории, история принципиально не завершена, «осмысленность нашей речи об исторических событиях придает именно ограничение речи «конечной точкой» – нашим настоящим»⁷.

Критики философии истории как теории истории указывают на невозможность ее эмпирической проверки. Так, здесь действует «эффект Эдипа», делающий невозможным предсказание⁸, кроме того в отношении исторических законов не действуют контрфактуальные суждения (они устанавливают стандартный научный закон).

Представляется, что историософские теоретические схемы (философия истории) нуждаются в процедурах эмпирических интерпретаций для установления связей с конкретной историей. Решение этой методологической задачи обеспечит доверие историков к философским исследованиям.

Характеристика современного состояния проблем методологии истории не может быть полной без анализа постмодернизма, как философии и методологии. Хотя многие ученые не признают постмодернизм как методологию, все же некоторые его идеи отражают социокультурную реальность, выражают «дух времени» в искусстве, социологии, философии, науке, экономике, политике, истории⁹.

Постмодернизм зародился на почве неприятия стандартизации, однотипности, монотонности массового сознания, формирующихся под влиянием СМИ. Эта методология мыслится как способ противостояния унификации. Познание реальности осуществляется в постмодернизме путем ее субъективного представления. Мир выступает как текст, наполненный множеством смыслов. Как на «свободный поток сознания», на этот текст не распространяется единый принцип структурности. Значение текста определяется контекстами, а потому бесконечно изменчиво. Читатель свободен в интерпретациях от авторского замысла, от других читателей и критиков. Идея деконструкции наиболее известная в постмодернизме. Она включает в себя деконструкцию (разрушение) текста и конструкцию – создание нового смысла данного текста. Эта процедура имеет целью достижение понимания текста через его критическое прочтение. В ней главную роль играет философствующий читатель, а не автор. Р. Барт в работе «Смерть автора» провозглашает: «рождение читателя оплачивается смертью автора».

Постмодернистский метод деконструкции направлен не против смысла как такового, а против смысла «принесенного» историко-культурной традицией. Он нацелен против историзма, линейности и прогрессизма, то есть против всего принятого классикой (модерном).

Применение метода деконструкции к социокультурной реальности породило концепцию симуляции Ж. Бодрийера (р. 1929 г.), суть которой состоит

в том, что отказ от бинарных оппозиций приводит к смешению воображаемого и реального миров, в результате чего мир утрачивает реальность и выступает как совокупность моделей. Бодрийяр предложил вместо понятия «реальность» использовать термин «симулякр», трактуя реальность как акт творения, совершаемый субъектом, растворенным в культурном контексте. «Мы живем в мире симулякров», копий никогда не существовавшего оригинала. Представляется, что идея симулякра выполняет функцию информационной защиты, хотя это, конечно, пассивный, малорациональный способ защиты.

Сфера применимости постмодернистского подхода к исследованию исторических феноменов остается неопределенной, хотя уже сейчас фиксируется использование этой плюралистичной методологии в работах по политической истории, например.

К сожалению, на основе принятия идеи «исчезновения социального» некоторые историки и политологи активно переписывают историю, делая ее события объектом рекламы, деформируя смыслы, создавая исторические образы, имеющие весьма отдаленное отношение к реальности. Оказывается весьма сложным делом разобраться в этих новых интерпретациях истории, провести грань между собственно исторически реальным и всего лишь фиктивным, между знанием действительным и вымыслом.

Один из основателей славянофильства, философ-энциклопедист, богослов, историк А.С. Хомяков (1804-1860 гг.) в работе «О смысле исторической науки и творчестве историка» стремился осмыслить методы и средства исторического исследования, обращал внимание на личностные качества ученого, его духовность, внутреннюю интуицию в познании «мрака древности». Он был убежден в том, что «все настоящее имеет свои корни в старине; даже самое неожиданное и странное явление, будучи хорошо исследовано, приводит вас к своему зародышу, которой есть не что иное, как плод прошедшего времени...»¹⁰. Эти идеи, безусловно, заслуживают внимания нынешнего поколения ученых.

«Дело историка было всегда весьма трудным... Звание историка требует редкого соединения качеств разнородных: учености, беспристрастия, многообъемлющего взгляда, Лейбницевской способности сближать самые далекие предметы и происшествия, Гриммова терпения в разборе самых мелких подробностей и пр.»¹¹.

Историков, как и представителей других наук, всегда интересовала проблема ценностей научного исследования, нормы научной профессии, вопросы гражданской и социальной ответственности, ценностные ориентации и нравственный кодекс ученых.

С.Л. Яки характеризует современную науку как нравственно несостоятельную и инертную¹². Представляется, что данная оценка уместна и в отношении исторической науки. Научное сообщество историков не смогло возвыситься над общим уровнем нравственности общества, допустило большие деформации в историческом сознании, практически заново (уже в который раз!) переписало историю Отечества, проявив нравственную глухоту в отношении традиционной культуры прошлых поколений, стремясь к стереотипам социального успеха. Историческая реальность ставит каждого исследователя перед нравственным выбором. Выбор не предопределен, бремя свободы не может быть снято с человека. Но общественная ситуация может влиять на выбор, предлагая спектр возможных решений, шкалу моральных и гражданских оценок. При этом важно, чтобы, обобщая исторический

опыт, вступая в диалог с разными формами духовной и практической жизни людей, учась на своих поражениях и победах, ученый утверждал ценность истинного познания и самопознания, реализовывал высшие идеалы Истины, Добра и Красоты.

Примечания

- ¹ См. об этом: *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре / пер. с нем., под ред. С. Гессена. 2-е изд. – СПб., 1911.
- ² См.: *Дильтей В.* Собр. соч. Т. 1. – М., 2000; *Описательная психология.* – М., 1994; *Возникновение герменевтики // Собр. соч. Т. IV.* – М., 2001.
- ³ *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. – М., 1988; *Актуальность прекрасного.* – М., 1991.
- ⁴ См.: *Вебер М.* Избр. произведения. – М., 1990. – С. 459, 495-497, 503-506.
- ⁵ См.: *В. Дильтей.* Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч. Т. 1. – М., 2000. – С. 271-272.
- ⁶ См.: *Хвостова К.В., Финн В.К.* Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. – М., 1997. – С. 18.
- ⁷ См.: *Данто А.* Аналитическая философия истории. – М., 2002. Гл. 1. Субстантивная и аналитическая философия истории.
- ⁸ См.: *Поппер К.* Ницше историзма. – М., 1993; *Данто А.* Аналитическая философия истории. – М., 2002. – С. 19.
- ⁹ См.: *Ильин И.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996. – С. 201.
- ¹⁰ См.: *Хомяков А.С.* Соч. в 2 т. – Т. 1. – М., 1994. – С. 34.
- ¹¹ Там же. – С. 40.
- ¹² См.: *Яки С.Л.* Спаситель науки. – М., 1992. – С. 220.

Ю.П. КУЛЬКОВ

ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ В МЕЖСУБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ПОЗНАНИИ ПРИРОДЫ (историко-философский анализ)

Познавательная деятельность, подобно любой человеческой деятельности, имеет социальную природу и не существует вне общественных отношений. Являясь репрезентацией как освоенных человечеством форм деятельности, так и предполагаемых ее форм, познание включает в себя многообразие социальных взаимодействий. В рецепции знаний природы следует выделить воздействие на этот процесс социальных взаимодействий в широком и узком смысле. Первые детерминированы их общечеловеческой природой, присущи любой деятельности. Вторые представлены социальными взаимодействиями узкопрофессионального характера, обусловлены спецификой производства естественнонаучных знаний.

Деятельность человека по освоению природы в формах знания вторична и следует за освоением природы в формах организации предметных структур практики: «Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления»¹. Подобно усложнению отношений между людьми в процессе развития материального производства происходят прогрессивная эволюция, совершенствование межсубъектных отношений в процессе духовного производства знаний.

Исторически этот процесс представлен переходом от производства знаний, вплетенного в материальное производство, к профессиональной деятельности по освоению природы в знаниях. Соответственно, были преодолены нерегулируемые отношения между исследователями природы путем их

замены организацией форм их взаимодействия. В генезисе структур, реализованных в соответствующих формах организации межсубъектных отношений в познании, необходимо выделить следующие этапы:

1) этап простейших форм организации, характеризующийся индивидуальным, кустарным обучением и обменом информацией исследователей природы (единичные коммуникации);

2) этап создания специализированных для обучения и обмена информацией учреждений: пифагорейский кружок, «Академия» Платона – в античную эпоху; школы и университеты – в средневековье (особенное в коммуникации);

3) этап систематической координации исследовательской деятельности ученых путем обмена произведенной информацией о природе в рамках организованного научного сообщества. Получившее наименование общения, оно выступает высшей формой межсубъектных отношений с его существенным отличием от иных информационных отношений когерентностью и взаимосоогласованностью мышления естествоиспытателей².

На всех этапах в познавательную деятельность и в ее результат включен общечеловеческий контекст, общечеловеческие ценности. Достигнутый уровень человеческой культуры входит в осмысление исследуемых объектов природы. Первому этапу предшествует осмысление природы в форме недостоверного предзнания путем создания фантастических мифологем и их включения в интерпретацию образов исследуемого. Как показано в трудах выдающегося исследователя Л. Леви-Брюля, сознание первобытного человека находится целостно во власти коллективистских представлений³. В таких представлениях, во-первых, познавательный, интеллектуальный элемент как бы растворен, слит в эмоциональном элементе; во-вторых, мир дан первобытному человеку как сплошное, целостное, в котором естественное и сверхъестественное, обыденное и мистическое неразличимы одно от другого; в-третьих, сознание подчиняется закону партиципации (сопричастности), оказывается пралогическим или дологическим. Захлестнутое эмоциональной волной, мышление не в состоянии достичь дифференцированного отражения природы и обнаружить противоречивость бытия. Первобытное мышление укоренено в бытии социальных отношений мистического характера.

Развитием практического отношения к природе обусловлено расширение сферы жизнедеятельности человека, подключение к нему, вначале робкое, природных, реальных связей. Распад и разложение первоначальных синтезов, предассоциаций коллективистских представлений обусловлены жизнедеятельностью, опытом, вследствие которого устанавливаются взаимосвязь объектов и овладение логикой взамен фантастической сопричастности. Преодоление абсолютизации мыслительных ассоциаций фантастического толка, постепенное подключение к ним природных связей обуславливает начало дифференцированного отражения объектов. Познание природы обретает возможность обмена полученной информацией о ней, обуславливающее становление межсубъектных отношений для реальной информационной связи в процессе этой деятельности. Особым видением бытия, выделением в нем синкретического единства мистических и природных связей детерминированы социальные отношения людей этого этапа исследования природы. Имевшее место в первобытном обществе пралогическое мышление дополняется логическим, вследствие чего эмоционально-фантастическая форма взаимоотношений людей дополняется межсубъектными отношениями коммуникации. Прежний фантастический «довесок» преодолевается преобразованием в форму монотеистического существа,

способствующего духовному единению исследователей природы в различные формы их организации для кооперативного производства знаний. В условиях отсутствия познавательных норм и правил, религиозная вера в творца становится и «моралью», и основанием единения естествоиспытателей в некоторое сообщество, выполняя функцию предрассудка в этом единении. Им обусловлен постепенный переход от монологичности обмена информацией в процессе коммуникации к диалогичности форм, в единстве которых реализуется кооперация естествоиспытателей.

Третий этап развития межсубъектных отношений характеризуется когерентностью и взаимосогласованностью мыслительных действий исследователей природы. Выделенным в процессе взаимодействия с естественной природой общего предметного содержания, установлением ценностного отношения к природе детерминировано общее в мыслительной деятельности естествоиспытателей. Форма социальной организации естествоиспытателей в целях совместного, взаимосогласованного способа производства знаний исходит из общего в ценностном содержании их мыслительной деятельности. Единство их модельных действий с идеалом и нормативностью в производстве знаний согласуется формами сознательного целеполагания и интеллектуальными ориентациями. Этими чертами характеризуется высшая форма взаимоотношений исследователей природы, называемая общением.

Основанием общения становится форма познавательной жизни субъекта, функционирующая независимо от эмпирической составляющей процесса познания. Не частным качеством субъекта, а обретенной формой, присущей естествоиспытателю с мыследействием в закрытом социокультурном концептуальном пространстве, определяется тип производимых знаний. Форма познавательной жизни естествоиспытателя в этом пространстве оказывается идентичной форме жизни другого, становится надсубъектной характеристикой познавательного процесса. Ею определяется тип используемых познавательных ценностей, реализованных в субъективной вере в достижение успеха в познании природы.

Надсубъектным характером формы жизни естествоиспытателей согласованы их мыслительные действия в рецепции знаний, с выходом на новое качество межсубъектных отношений в исследовательской деятельности. Возможностью не только эпизодического обмена информацией, а взаимообусловленного, взаимосогласованного, взаимодополнительного использования информации в сущности новой форме межсубъектных отношений обусловлено формирование коллективного субъекта. Производство знаний обретает форму сотворчества, а их мыслительные действия новую характеристику – когерентность. Интерсубъективность, кооперация исследователей природы поднимается на высшую форму их взаимоотношений – общения, а сам коллективный субъект обретает форму научного сообщества.

Общение исследователей природы в рамках закрытого концептуального пространства исходит из единой цели – конструирования мыслительных моделей, детерминируемых формой жизни естествоиспытателей. Их мыслительные действия регулируются, контролируются исходящими из нее интеллектуальными ориентациями, парадигмами и проблематиками. Наличием общего в способе мыслительных действий, целенаправленностью модельных действий естествоиспытателей обусловлено становление прототипа производимых знаний. Представленная этими действиями схема метода исследования в конечном счете исходит из предельно общей схемы исследуемой сферы – научной картины мира.

Единой формой жизни членов научного сообщества, объективацией единой социально-познавательной их природы определяется тип мыслительных модельных действий. Эти действия закономерно ведут к конституированию социальных по своей сущности познавательных норм, что нами рассматривается аналогично производству капитала. Именно «капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении»⁴. Таково и конституирование познавательных норм: они невозможны вне научного сообщества, но невозможны и без наличия некоторых объективных условий освоения естественной природы, исходных из постоянства ценностного отношения к ней. Установление познавательных норм достигается общением исследователей природы в рамках научного сообщества при осмыслении научной проблематики согласно правилам, детерминируемым единством познавательных ценностей. Нормативностью мыслительных действий исследователей природы этап теоретического естествознания сущностно отличается от предшествующей науки.

Функционирование коллективного субъекта естественнонаучного познания – научного сообщества стало предметом исследования социологов во второй половине XX века. Среди многообразных аспектов социологической мысли следует выделить критический анализ содержания теоретического развития науки в контексте и терминах окружающей социальной структуры и ценностей. Научный поиск социологов науки направлен на выявление социальных, экономических и религиозных факторов в воздействии на организацию науки с соответствующим определением ее роли и места в обществе. Это направление представителем западной «социологии науки» Бэн-Дэвид определяет как институционалистское, отличая его от исследования взаимодействующего (*interactional*) аспекта. Исследования социологов науки во втором направлении включают в себя анализ и нахождение закономерностей взаимоотношений групп ученых, рассмотрение коммуникационных сетей в науке и природу структурирования взаимоотношений в специфическом поле науки. Сдвигом науки от лабораторных групп исследователей к коммуникационным сетям различных научных направлений представлена новая ориентация науки на деятельность научного сообщества⁵. В деятельности научного сообщества как коллективного субъекта познания естественной природы социальный контекст выделен триединством гносеологического, аксиологического и социологического аспектов науки.

Западными исследователями социального контекста функционирования науки первыми были подняты проблемы, связанные с формированием, функционированием и развитием форм и способов социальной организации научной деятельности. Впервые вопросы бытия науки и научной деятельности как социального института, внутринаучных социальных механизмов были поставлены Т. Куном в книге «Структура научных революций». Введением понятий «нормальная наука», «парадигма», «научное сообщество» им был обозначен круг внутрисоциальных проблем функционирования науки.

Конституирование «социологии науки» в качестве научной дисциплины в западном ее исполнении происходило путем конкретизации общесоциологических разработок к исследовательской деятельности и сформированных, прежде всего, в концепции структурно-функционального анализа. В частности, при ее формировании были взяты на вооружение идеи эманационной теории (*emanationist theory*) развития науки П. Сорокина, в которой наука рассматривалась как следствие и результат реализации системы

культурных ценностей. В развитии этой науки особая заслуга принадлежит Р. Мертону. «Основные достижения этой науки являются результатом его пятидесятилетнего труда» – подчеркивает Н. Сторер⁶. В «Социологии науки», согласно ее репрезентации западными представителями, научное познание рассматривается как функция социальной активности исследователей природы путем рационального определения выявленных проблем, исходящих из познавательных ценностей⁷. Слабости этой науки, в нашем понимании, проистекают из внеисторического абстрактного рассмотрения познавательных ценностей, из априорного их представления, чем обусловлено как неадекватное понимание причин активности субъекта в познании, так и формирование научного сообщества.

При конкретно-историческом рассмотрении социального аспекта научного познания феномен научного сообщества появляется как продукт определенного этапа исторического развития науки. Мы считаем его появление связанным с устойчивостью мировоззренческой установки субъекта и возникновением высшей формы взаимоотношений ученых – общения. Формирование научного сообщества в качестве коллективного субъекта познания природы является объективным процессом реализации исторической тенденции к повышению эффективности труда в производстве знаний путем ее оптимизации как фактора, способствующего их росту.

Формированию научного сообщества предшествовали этапные достижения в осмыслении коллективного фактора в науке в форме «Я мыслю» Р. Декарта, трансцендентального субъекта И. Канта, «Я» И.Г. Фихте. Выделением надэмпирической и надличностной их сущности подчеркнута кардинальное отличие выдвинутых ими субъектов от индивидуального субъекта.

Из форм ценностей, способствующих естествоиспытателю рецепции знаний определенного типа, возвышается идеал в качестве исторического прообраза решения научных проблем. Он способствует самоидентификации члена научного сообщества с другими благодаря самоидентификации субъекта со сформированной социоприродной реальностью. Самоидентификация и самоопределение в качестве характеристик общения осуществляются обретением естествоиспытателем ценностного сознания как компонентом общественного сознания. Таким подходом мы считаем недопустимым как отождествление общения с коммуникацией с общением, так и абсолютизацию коммуникации в качестве единственного способа существования социального механизма науки⁸.

Общение является высшей формой в исторической эволюции взаимоотношений исследователей природы и в таком качестве способствует формированию социального механизма функционирования науки лишь на этапе теоретического естествознания. В обосновании такого воззрения мы солидаризируемся с М.С. Каганом, выделившим отличительные черты общения от любой коммуникации⁹:

1) общение имеет и практический, материальный и духовный, информационный, и практически духовный характер, коммуникация же (если не иметь в виду другого значения этого термина, когда он употребляется во множественном числе и обозначает пути сообщения, средства связи) является чисто информационным процессом – передачей тех или иных сообщений;

2) общение характеризуется субъект-субъектным отношением, а коммуникация выступает как субъект-объектное отношение; получающий информацию субъект функционирует в нем в качестве объекта;

- 3) общение симметрично, разнонаправленно в межсубъектных взаимодействиях, коммуникация асимметрична и однонаправленна;
- 4) общение диалогично, а коммуникация монологична;
- 5) общению соответствует увеличивающаяся информация, а процессу коммуникации – убывающая.

Человекоразмерным подходом нами предложены дополнения приведенных характеристик общения следующими чертами, не свойственными коммуникации: – общение нуждается в самоидентификации естествоиспытателя; – общение опирается на структурирование самосознания естествоиспытателя; – общение характерно внутренне-субъектным оперированием информацией; – общению присуще сотворчество; – общение исходит из воспитания социально-познавательных качеств; – общение специфично оперированием образцами мышления.

Общение и коммуникация дополняют друг друга на различных этапах формирования научного сообщества: если коммуникации принадлежит ведущая роль при становлении научного сообщества, то общению – в процессе его функционирования. Это так потому, что межсубъектные отношения при коммуникации сводятся к передаче информации и к пассивному ее восприятию, а в процессе общения познающий субъект выступает сотворческой личностью. Соответственны и методы достижения поставленных целей: в коммуникации – передачей информации путем обучения, а в общении – воспитанием естествоиспытателя, активным процессом формирования личностного параметра с соответствующей предынформацией для производства знаний.

Западной «социологии науки» присущ позитивистский подход в обосновании формирования и функционирования социальных механизмов в познании природы. Например, согласно мнению одного из ее представителей М. Рихтера, необходимым условием формирования научного сообщества становится выделение стандартов, образцов мыслительной деятельности, позволяющей науке обрести нормативность.

В нашем понимании, нормативность связана с теоретическим освоением природы. На дотеоретическом и преднаучном (*prescientific*) этапах познания природы выделение культурно-познавательной системы с соответствующими образцами мышления возможно лишь через предположения типа *ad hoc*¹⁰. В этих системах неизбежны эмпирические знания. Им не присуща функция самоорганизации. На этапе теоретического естествознания формированию самоорганизующейся культурно-познавательной системы (без эмпирических дополнений) сопутствует социальный механизм познания природы – научное сообщество. Функционирующее путем межсубъектного общения, научное сообщество базируется на нормативности и культуре. По М. Рихтеру, обретение познанием «культуры» включает в себя: 1) требование доктринального совершенства, выражающееся в ограниченной рационализации приемлемых систем; 2) требование практической используемости абстрактных систем; 3) неуязвимость выделенных абстрактных систем к эмпирическим неподтверждениям; 4) конкретность эмпирического вопроса¹¹.

Эти характеристики присущи лишь познавательной сигнификативной системе с типологическим единством знаков. Н. Сторер в духе социологических взглядов Р. Мертона в качестве характеристики обретения познанием культуры с институализацией науки выделяет становление ценностей и нормативности познавательного процесса¹².

Начало социологического «видения» науки Р. Мертон связывает с введением в оборот Р. Бойлем (XVII век) термина «невидимый коллега» (*invisible college*) для представления группы исследователей природы одной ориентации осмысления эмпирических данных¹³. Словом «невидимый» Р. Бойль подчеркнул неявную согласованность действий естествоиспытателей в исследовательском процессе. Они вовлекаются в кооперацию, в структуру ее организации, в нашем обосновании, не декларативно, не документально, а путем их самоорганизации в коллектив на основе сформированного единого ценностного сознания. Непосредственное формирование этой науки, по мнению Р. Мертона, происходило с 1930 по 1950 год в общем русле развития социологической мысли. Ее вдохновители Сен-Симон, О. Конт и К. Маркс, как утверждает он, выделили проблематику этой науки, введя понятие «парадигма» для идентификации базисных концепций, теоретических предположений в естественнонаучных исследованиях. В качестве ядра парадигмы Р. Мертон выделяет фокус взаимоотношений социальных структур и когнитивной структуры вообще и структуры научного знания в частности. Введение парадигмы позволило связать идентификацию и соответствующую оценку основных форм мыслительной деятельности с социально-культурными основаниями науки.

«Социология науки» претерпела эволюцию: от первоначально рассматриваемых ею интеллектуальных ориентаций, парадигм и проблематики к исследованию профессиональной идентичности путем институализации для исследований и воспитания естествоиспытателей, выпуска журналов для распространения научной информации. К перспективным для «социологии науки» Р. Мертон относит исследования проблем о взаимоотношении в производстве научных знаний научного сообщества и окружающего общества, о процессах распределения интеллектуальных интересов. В творческой эволюции самого Р. Мертона С. Блюм отмечает переход «от рассмотрения науки как обусловленной внешними общественными условиями к детальному исследованию социальных процессов, сопровождающих научные открытия и развитие науки»¹⁴.

В решении социологических проблем Р. Мертон исходит из идеи нормативности структуры науки, из исследования динамики норм путем рассмотрения связей и зависимостей познавательных целей и формирования общественных институтов, воздействия на познание внутринаучных и внешних социальных факторов.

«Социология науки» имеет свою предысторию. Как своеобразную точку отсчета для становления социологических идей мы рассматриваем выдвинутую В. Уэвеллом концепцию совпадения индукций (*consilience of inductions*): «... случаи, в которых индукции классов различных фактов совершаются в виде совместных прыжков, принадлежат лишь наилучшим образом устроенным теориям, имеющимся в истории науки. И я имею случай отразить эту черту в ее очевидности как свободу описания особой фразой, и ее термин будет совпадением индукций»¹⁵. Представлением индукции в виде предположительного процесса В. Уэвелл радикально изменил традиционное ее понимание, представленное перечисляющей и элиминирующей ее разновидностями Ф. Бэкона и Д.С. Милля. Для проверки ее достоверности им развита выдвинутая Д. Гершелем идея независимой или дополнительной поддержки успешного предсказания явлений природы. Гипотезы, которые успешно предсказывают прежде неизвестные (или удивительные) процессы становятся до-

стоверными. Такой успех он связывает с внутренним шифром интеллектуального действия.

Подобным представлением индукции В.Уэвелл внес свой вклад в развитие знания индукции. Согласно его представлению, новая концепция вводится не случайно, не неожиданно, не вследствие ее очевидности, а исходит из достигнутой ступени всеобщности абстракции и возможности генерализации. Достоверность индукции обеспечивается успешной связью фактов с соответствующей им концепцией. По В. Уэвеллу, индукции совпадают: 1) если гипотеза в состоянии объяснить два и более известных класса фактов; 2) если гипотезой предсказываются случаи, отличные от тех, которые уже были осмыслены в форме этой гипотезы; 3) если гипотеза обеспечивает успех в рассмотрении явлений, не объяснимых на основе прежнего знания. Совпадение индукции он считает необходимым и достаточным критерием их истинности. В. Уэвелл рассматривает формирование гипотезы как дешифровку неизвестного языка, о чем следует судить по энергии (power) успешного предсказания. Включение свидетеля, полагает он, есть важный момент процедуры проверки совпадения, и что с включением двух независимых свидетелей уверенность в истинности гипотезы увеличивается. Процедура совпадения индукций им рассматривается как критерий формирования подлинной науки о природе. Этой процедурой он характеризует становление индуктивной эпохи в познании. Прекращение совпадений индукций означает исчерпание исследовательскими традициями своего статуса.

В таких чертах исследовательского процесса, как признание шифра гипотезы, необходимость ее независимой поддержки, утверждение всеобщности абстракции для проведения процедуры индукции, мы усматриваем конструирующие характеристики его организации. В этом В. Уэвелл испытал влияние идеи Д. Юма о единообразии природы как необходимого условия проведения процедуры индукции. Придавая познавательной деятельности предположительный статус, В. Уэвелл рассматривает науку как процесс и результат социальной активности познающего субъекта. Достоверность мышлений естествоиспытателя достигается включением независимого свидетеля. Таким подходом В. Уэвелл предвосхитил прообраз научного сообщества. Основная слабость его учения во внеисторическом абстрактном подходе к исследованию социологического аспекта науки, исходящего из игнорирования исследования оснований активности исследователя природы.

В предыстории «социологии науки» как особое «звено» (на что обращено внимание Р. Мертоном) следует выделить концепцию «предположительного» знания К.Р. Поппера. Мы рассматриваем концепцию К.Р. Поппера как своеобразный мост, соединяющий концепцию совпадения индукций В. Уэвелла с непосредственными идеями «социологии науки». Философия К.Р. Поппера была подвергнута глубокому критическому анализу со стороны отечественных исследователей методологических проблем науки¹⁶. В формировании «социологии науки» концепция «предположительного» знания К.Р. Поппера сыграла позитивную роль, рассмотрев науку как результат интеллектуальной активности. Из этого исходит его критика неопозитивистской формы обоснования эмпирической проверки теоретических положений, отождествления логики научного открытия с индуктивной логикой¹⁷. Он обосновал правомерность дедуктивного метода в науке, в котором присутствует и иррациональное в виде творческой интуиции. К таким взглядам К.Р. Поппер подошел анализируя специфику научных предложений как ингредиентов причинного объяснения:

– универсальные предложения включают в себя содержание гипотез о характере естественных законов;

– в единичных предложениях представлены частные вопросы, рассматриваемые им в качестве начальных условий.

По утверждению К.Р. Поппера, «из универсальных предложений в конъюнкции с начальными условиями мы дедуцируем единичные предложения»¹⁸. Универсальные предложения характеризуются им как проблематичные суждения; как результат выбора они представляют собой догадку, предположения, в принципе опровержимые. Принципиальная опровержимость или фальсифицируемость выдвигается К.Р. Поппером в качестве критерия научной достоверности: «Только в случае фальсифицируемых систем, согласных с нашими правилами эмпирического метода, возможно их противопоставление конвенционалистским стратегемам»¹⁹. Согласно его воззрению, теории эмпиричны, если они опираются на единичные базисные предложения, дедуцируемые из этих теорий: «Теория должна быть названа эмпирической или фальсифицируемой, если она делит класс всех возможных базисных предложений недвусмысленно на следующие два непустых класса: 1) класс тех базисных несовместимых предложений (или тех, которые запрещены), представляющих класс потенциальных фальсификаторов теорий; 2) класс базисных непротиворечивых предложений (или тех, которые разрешены). Можно сказать кратко: «Теория фальсифицируема, если класс ее потенциальных фальсификаторов не является пустым»²⁰. Классом потенциальных фальсификаторов предопределяется, по терминологии К.Р. Поппера, ступень суровости проверки теории. Соответственно, достоверность теории недостижима и следует стремиться лишь к их правдоподобию, ибо в них функционируют и универсальные предложения с их предположительной сущностью. Поэтому знание постижимо «только как специальный вид мыслительной сущности, или как предрасположение, или как специальный вид веры, характеризуемой, например, историей или отношением к другим верам»²¹. Его вывод: постижение знания есть психологическая проблема, означающая, что необходимо «путем повторения представить или вообразить регулярность в себе, что и приводит к воображению регулярности в мире»²². Ее решение – в сфере активной деятельности в форме предположений и опровержений, в применении метода проб и ошибок.

К.Р. Поппер обосновывает достижимость выделения рационального из иррационального: «Наука должна начинаться с мифов и с критики этих мифов; но не с совокупности наблюдений или включения экспериментов, а путем обсуждения мифов или логических приемов. Научная традиция достижима из ненаучной»²³. В различении рациональной или научно-теоретической конструкции от ненаучных (фантастических, мифологических и т.д.) К.Р. Поппер исходит из принципа фальсификации. По его мнению, в целях достижений рациональности необходимы:

1) демаркация науки и примитивной магии: «мы должны отбросить точку зрения, что вера в науке иррациональна, как вера в примитивной практике магии»²⁴;

2) критическое осмысление науки путем включения в ее анализ наблюдаемых данных;

3) исследование рациональности теоретической конструкции для научных и практических целей.

Признав возможность достижения рациональной веры в научных исследованиях, он, в силу методологических убеждений, не в состоянии ее теоретически обосновать. А именно, в правдоподобном представлении научного знания своеобразно выражен определенный его скептицизм относительно самого результата познавательной деятельности исследователей природы.

Этот скептицизм реализован выдвинутой им концепцией «третьего мира», рассматриваемой как некий идеал для эволюционного приближения к объективному знанию путем предположений и опровержений. «Третий мир» представлен К.Р. Поппером как логическое содержание теорий: «образцами объективного знания являются теории, опубликованные в журналах и книгах и хранимые в библиотеках»²⁵. Объективное знание рассматривается им в качестве своеобразной парадигмы для теоретического знания. «Третий мир» – это как бы независимо функционирующая совокупность идей и концепций, в которой выражен идейно-мыслительный потенциал человеческого общества. Специфика «третьего мира» в том, что это незапланированный продукт человеческой деятельности, имеющий как бы автономный статус. Этот «мир» активно воздействует на производство научных знаний, определяя их типологическую окраску. Так, активный процесс производства научных знаний, представляя собой результат духовного опредмечивания второго или субъективного мира, покрыт «зонтиком понимания» в форме отношения к объектам «третьего мира»: «Мой центральный тезис состоит в рассмотрении любой интеллектуальной активности в понимании как зависимой в основном, если не в полном смысле слова, от предшествующего анализа нашего восприятия структурных целостностей «третьего мира»»²⁶. «Третий мир» становится мерой оценки понимания, определяющего формирование научного сообщества. Функционирование научного сообщества – следствие и результат бытия «третьего мира».

Выдающаяся заслуга Т. Куна – в выдвигании идей для формирования западной «социологии науки». Как подчеркивают Р. Мертон и Л. Лаудан, настоящим идеологом этой науки следует считать Т. Куна²⁷. Для обоснования функционирования социального механизма научно-познавательной деятельности Т. Куном выдвинута идея существования нормальной науки и аномалий в научных исследованиях. Нормальная наука характеризуется им как период относительно спокойного развития науки. В это время исследователь при решении естественнонаучных проблем исходит из парадигмы: «Под парадигмой я подразумеваю признанные научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения»²⁸. Известна критика парадигмы²⁹. Мы же отметим мировоззренчески-информационную сущность парадигмы. В качестве репрезентанта определенности мировоззрения ею информационно регулируется, управляется процесс производства естественнонаучных знаний. Исследователь, воспринявший некоторую парадигму, неявно и стихийно участвует в формировании научного сообщества, ибо придерживается в научном творчестве одних и тех же методологически-мировоззренческих установок при решении научных проблем. Этим обеспечивается сотворчество членов коллективного познающего субъекта – научного сообщества. Отметим, что нечеткостью и многозначностью парадигмы обусловлены затруднения в понимании методологии ее формирования и соответственно раскрытия взаимосвязи функционирования научного сообщества с определенной парадигмой.

Трудами В. Уэвелла, К.Р. Поппера были созданы предпосылки формирования «социологии науки» путем научного обоснования философско-гносеологического аспекта этой науки. Заслуга Т. Куна – непосредственная постановка социологических проблем научного познания с основными положениями и очертаниями содержания «социологии науки». Обоснованием соответствующего этой науке предмета исследования, определением круга исследуемых проблем характеризуются труды Р. Мертона, М. Рихтера, Л. Лаудана, Д.М. Займана и др. Ими признано, что основное содержание «социологии науки» вытекает из исследования деятельности субъекта в естественнонаучном познании, его активности в производстве научных знаний. «Наука есть мастерство человека по производству окружающего его мира», – утверждает Д.М. Займан³⁰. Р. Мертон и Д. Гастон рассматривают ее в качестве науки, занимающейся интердисциплинарной, социальной стороной изучения науки или науки о науке³¹. «Наука представляет собой активность по разрешению проблем», – заявляет Л. Лаудан³². По справедливому замечанию Д. Займана, активность в науке, в противоположность искусству и религии, не может стать деятельностью одиночек типа Робинзона: «Исследуя природу науки, мы должны рассмотреть условия, которые объединяют ученых: как они организованы и как информация проходит между ними»³³.

Западная социология науки представлена двумя подходами в объяснении роста знания. Рациональной версии его интерпретации придерживаются И. Лакатос, К. Поппер, Л. Лаудан и др. Наиболее видной фигурой иррационального понимания роста знаний является Т. Кун. По мнению выдающегося представителя рационалистического направления Л. Лаудана, наука нацелена на решение проблем, что зависит от теоретического видения мира, от принятых методологических норм. Поэтому субъективными предположениями о сущности исследуемой реальности и, соответственно, о методах теоретического решения выявленных проблем определяются исследовательские традиции. Их эволюцией он объясняет рост знаний. В качестве основного социологического вопроса Л. Лауданом выдвинута проблема согласия ученых в исследовательской деятельности. Им намечен путь ее решения иерархической моделью познавательного процесса с тремя взаимосвязанными уровнями: фактов; методологический; аксиологический.

В достижении согласия, по Л. Лаудану, необходимы: во-первых, согласие относительно исследуемых фактов путем их селекции и отделения ценных от неценных; во-вторых, преодоление методологических расхождений путем использования лишь определенных приемов и процедур в исследовательской деятельности; в-третьих, выработка согласия относительно познавательных намерений и целей. Существенно, что Л. Лаудан выработке целей и намерений придал первичную функцию по отношению к методологии и выделению фактов, ибо в его воззрении в аксиологическом уровне представлены фундаментальные цели и ценности научного познания. Таким подходом он неявно придает субъекту решающую роль в познании. Выбором целей и ценностей обусловлена теоретическая активность субъекта и методологическая рефлексия. Аксиологическим содержанием определяется целостность познания и рост знания. Парадигма Т. Куна – синтез аксиологии, методологии и теоретического знания.

Иерархической моделью Л. Лаудан разрешает противоречие между К. Поппером с его «третьим миром» и Т. Куном с его парадигмой. Однако, как отмечено им, «не существует в природе познавательных целей, прида-

ющих им внутренний иммунитет критицизму и модификации»³⁴. По его мнению, эти цели не поддаются рациональному обоснованию, что приводит к возможности постановки научной общественностью утопичных целей и их противопоставления настоящим рациональным мыслительным ценностям.

Итак, формирование «социологии науки» представляет своеобразное зеркало, отражающее достижение наукой культуры, наступление цивилизованного этапа производства научных знаний в теоретических изысканиях. Историческим формированием образцов мыслительного процесса путем абстрагирования ценностного отношения к природе, выделения определенности научно-познавательных ценностей с общественной формой их функционирования нами обосновывается становление научного сообщества с внутренней взаимной самосогласованностью мыслительных действий его членов. Межсубъектными информационными взаимоотношениями осуществляется способ существования научного сообщества. В этой информации представлена программа производства потенциально возможных знаний, прогностическая функция о типе этих знаний. Память будущего заключена в нейродинамических структурах субъекта, сформированных в условиях его деятельности в пределах социоприродной реальности. Из идентичности таких структур, а значит, и форм познавательной жизни для членов научного сообщества исходит неформальная организация и функционирование когерентности их мыследействий. Процессы с существенной их зависимостью от предыстории получили наименование немарковских. Таковым является социальный процесс организации производства научных знаний в рамках функционирования культурно-познавательной системы «научное сообщество – социоприродная реальность».

Примечания

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 3. – С. 25.
- ² Содержание категории «общение» путем сравнительного анализа с коммуникацией раскрыто М.С. Каганом (Каган М.С. Мир общения. – М.: Политиздат, 1988. – С. 143-144). В исследованиях Л.А. Микешиной, В.А. Лекторского и др. межсубъектные отношения характеризуются категорией «коммуникация» (См., например: Микешина Л.А. Философия познания. Полемика главы. – М.: Прогресс – Традиция. 2002; Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. – М.: Наука, 1980; Он же. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- ³ См. об этом: *Levy-Bruhl L. Les Fonctions dans les societies inferieures.* – Paris: Librairie Felix-Aldan, 1922; *Леву-Брюль Л. Первобытное мышление.* – М.: Атеист, 1930; *Леву-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении.* – М.: Гос. антирелигиозное изд-во, 1937 и др.
- ⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 23. – С. 176.
- ⁵ См.: *Blume S. Sociology of sciences and sociologies of science // Perspectives in the sociology of science.* John Willy & Sons – Chichester. – N.Y.; Brisbane; Toronto. 1977. – P. 1.
- ⁶ *Storer N.W. Introduction // Merton R. The Sociology of Science.* – Chicago, L.: The Univ. of Chicago Press, 1973. – P. 11.
- ⁷ См.: *Ziman I.M. Public Knowledge.* – Cambridge: Univ. Press, 1968. – P. 10; *Laudan L. Progress and its Problems.* – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1977. – P. 2.
- ⁸ См. об этом: *Мирский Э.М., Садовский В.Н. Проблемы исследования коммуникаций в науке // Коммуникация в современной науке.* – М.: Прогресс, 1976. – С. 5-6; *Лекторский В.А. Указ. соч.* – С. 18.
- ⁹ *Каган М.С. Мир общения.* – М.: Политиздат, 1988. – С. 143-144.
- ¹⁰ *Richter M. Science as a cultural process.* – Cambridge; Massachusetts, 1972. – P. 67-68.
- ¹¹ Там же. – P. 71.
- ¹² См.: *Storer N.W. Introduction // Merton R. The Sociology of Science.* – Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1973. – P.15.
- ¹³ См.: *Merton R. The Sociology of Science An Episodic Memoir // Merton R. Gaston I. The Sociology of Science in Europe.* – L.; Amsterdam: Southern Illinois Univ. Press, 1977. – P. 5.

- ¹⁴ *Blume S.* Sociology of sciences and sociologies of science // Perspectives in the sociology of science. – Chichester: N.Y.; Brisbane; Toronto: Willy & Sons, 1977. – P. 2.
- ¹⁵ *Whewell W.* The Philosophy of the Inductive science. – N.Y.; L.: Johnson Reprint Corporation, 1967. – V. 2. – P. 65.
- ¹⁶ См.: *Серов Ю.Н.* Концепция «предположительного» знания Поппера // Позитивизм и наука. – М.: Наука, 1975; *Мамчур Е.А.* Проблема выбора теории. – М.: Наука, 1975; *Лекторский В.А.* Субъект. Объект. Познание. – М.: Наука, 1980.
- ¹⁷ *Popper K.R.* The Logic of Scientific Discovery. – N.Y.: Science Editions, 1961. – P. 28.
- ¹⁸ Там же. – P. 60.
- ¹⁹ Там же. – P. 84.
- ²⁰ Там же. – P. 86.
- ²¹ *Popper K.R.* Conjectures and Refutations. – N.Y.; Evanston: Harper Torch books, Harper & Row Publishers, 1968. – P. 225.
- ²² Там же. – P. 46.
- ²³ Там же. – P. 50.
- ²⁴ Там же. – P. 57.
- ²⁵ *Popper K.R.* Objective Knowledge. – Oxford: Clarendon-Press, 1972. – P. 73.
- ²⁶ Там же. – P. 166.
- ²⁷ См.: *Merton R.* The sociology of science. – Chicago; L.: The Univ. of Chicago Press, 1973; *Laudan L.* Science and Values –Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 1984.
- ²⁸ *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – С. 11.
- ²⁹ См.: *Masterman M.* The nature of a Paradigm // Criticism and the Growth of Knowledge. – Cambridge: Univ. Press. 1970. – P. 59-91.
- ³⁰ *Ziman J.M.* Public knowledge. – Cambridge: Univ. Press, 1968. – P. 2.
- ³¹ *Merton R., Gaston J.* The sociology of science in Europe. – L.; Amsterdam: Southern Illinois Univ. Press, 1977. – P. 9.
- ³² *Laudan L.* Progress and its Problems. – Berkeley; Los Angeles; – L.: Univ. of California Press. 1977. – P. 11.
- ³³ *Ziman J.M.* Указ. соч. – P. 10.
- ³⁴ *Laudan L.* Science and values. – Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press.1984. – P. 62.

М.Ю. БИЛАОНОВА

ГЕРМЕНЕВТИКА И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ*

Герменевтический подход и его методологические решения, осознанно или нет, применяются практически каждым исследователем-гуманитарием, столкнувшимся с проблемой интерпретации. Имея дело с текстом, историческим источником, мы пытаемся понять автора, его точку зрения и передать ее в культуру современным языком, при этом стремимся понять и раскрыть историческую обстановку, жизненные реалии, в которых бытийствовал и формировался автор. Авторское видение событий детерминировано определенной культурной средой, политической ситуацией, нравственной и мировоззренческой позицией. И задача исследователя – «понять» чужое слово. Герменевтика имеет целью «установление ценностных, диалогических отношений понимания, сознания, сочувствия, соучастия»¹.

Следует отметить, что гуманитарий своими интерпретациями исторических текстов берет на себя обязательства точного истолкования, понимания, верных интерпретаций (условно верных, т.к. они никогда не лишены признаков субъективных оценок). Так, философские тексты древних мыслителей являются важнейшими духовными источниками современной культуры. Из них мы узнаем о содержании философских идей, концепций. Без текстов изучать историю философии (и историю науки вообще) просто не-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект №06-03-00245а.

возможно. Безусловно, прав профессор Алексеев А.П. обозначивший высокий статус философского текста как целостного многоаспектного феномена, реализующего логико-гносеологическую, прагматическую, этическую и эстетическую функции².

Анализ источников и литературы показывает, что механизм истолкования текстов, исторических фактов, событий представлен по-разному разными авторами. В работе А.П. Алексеева путь к тексту пролегает «через аргументацию, рефлексию над философской аргументацией, осознание ограниченного значения собственно аргументации в философии, «обнаружение» парааргументации и аргументационного ресурса текста, роли идеи как специфического понятийно-высказывательного комплекса, содержащего ценностные, «достижительные» и «инструктивные» составляющие, необходимости сравнений и метафор, которые не могут быть низведены до статуса «неразвернутых аналогий»³.

Ф. Шлейермахер представил герменевтику как универсальную теорию истолкования текста-памятника. Памятники – это тексты, которые отделены от ученого большой временной, исторической, культурной, языковой дистанцией. Эта дистанция есть барьер в истолковании текста, препятствующий освоению смысла памятника. В ситуации непонимания исследователю на помощь приходит герменевтика. Ее приемами текст – эта «застывшая речь», начинает открывать свои тайны, возникает диалог между интерпретатором и текстом. Важно то, что у Шлейермахера грамматическая интерпретация (интерпретация факта языка) и психологическая (интерпретация факта мышления) являются «полностью равнозначными», дополняющими одна другую. Шлейермахер считал достижимым понять автора или его текст лучше, чем он понимал себя, когда создавал этот источник («ибо в нем он говорит не только то, что хочет, но и то, чего не хочет»). То, что скрыто от автора, может открыть интерпретатор с позиции новой исторической реальности. Однако фигура интерпретатора должна быть соразмерна фигуре автора, и только в этом случае интерпретатор сможет понять авторский замысел. Ф. Шлейермахер разработал процедуру интерпретации: 1 – принцип герменевтического круга; 2 – принцип диалога; 3 – принцип конгенитальности.⁴ Первый принцип заключается в том что, чтобы понять целое надо понять его отдельные части, но для понимания отдельных частей необходимо иметь представление о смысле целого. Принцип диалога заключается в том, что интерпретатор и текст ведут своеобразный диалог: текст уже содержит ответы и нужно только правильно подобрать вопросы. Последний принцип базируется на таланте исследователя – интерпретатора.

Для В. Дильтея герменевтика – это часть грандиозного методологического проекта, цель которого состоит в обосновании значимости историко-гуманитарного познания («наук о духе»). «Понимание» трактуется при этом как та процедура, благодаря которой «жизнь» вообще может быть прояснена и осмыслена. Согласно Дильтею, операция понимания становится возможной благодаря способности, которой наделено каждое сознание, проникать в другое сознание не непосредственно путем переживания (*re-vivre*), а опосредованно, путем воспроизведения творческого процесса исходя из внешнего выражения.⁵ В принципе герменевтического круга выделяется и такой аспект: понимание текста как проявление жизни творческого индивида возможно при условии понимания духовного мира соответствующей эпохи, что в свою очередь предполагает понимание оставленных этой эпохой «жизне-

проявлений». Каждый, кто пытается понять, должен учитывать чувства тех людей и их понимания.

Поль Рикер под герменевтикой понимает теорию операций понимания в их соотношении с интерпретацией текста: слово герменевтика означает не что иное, как последовательное осуществление интерпретации. Под последовательностью он подразумевает слово. Если истолкованием называть совокупность приемов, применяемых непосредственно к определенным текстам, говорит Рикер, то герменевтика будет дисциплиной второго порядка, применяемой к общим правилам истолкования. Понимание – искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другим сознанием через их внешнее выражение (жесты, позы, речь). Цель понимания – совершить переход от этого выражения к тому, что является основой интуиции знака, выйти вовне через выражение⁶.

Существенный вклад в развитие герменевтики привнес Г.–Г. Гадамер. Он противопоставил абстрактному мышлению науки здравый смысл, язык, игру, эстетический вкус, сообразительность и образованность. Гадамер широко определяет герменевтику как искусство взаимопонимания между людьми, социальными группами, между настоящим и прошлым и т.д. Процесс понимания является, прежде всего, характеристикой языка и протекает в форме диалога людей. Разговор это не просто множество монологов, среди которых побеждает наиболее яркий и убедительный. Он также не сводится к простому пониманию мысли другого. В разговоре возникает некое общее поле, выражающее суть дела.⁷ Гадамер пишет об опыте переговоров и взаимопонимания, считая важными идеи об опыте и знании Аристотеля и Платона, принимая во внимание феноменологию духа Гегеля, где опыт связан с сомнением, поворотами сознания, с практическим отношением к миру. Для него опыт есть динамический и рефлексивный процесс, который воздействует на самого себя и на мир. В опыте важна открытость иному, человек с богатым жизненным опытом лучше приспособлен к восприятию новых фактов, он готов услышать другого. Подлинный опыт, по Гадамеру, тот, в котором человек осознает свою конечность, а понимание оказывается формой этического действия. Гадамер искал структуры понимания и обратился к опыту искусства и истории. Произведение искусства не удастся исчерпать в понятии, и опыт истории неисчерпаем понятиями. Находясь внутри события, мы не знаем, что с нами случается и лишь, оглядываясь назад, понимаем, что произошло. Гадамер выделил предпонимание – как определяющуюся традицией предпосылку понимания, как условие понимания. Горизонт понимания образуется совокупностью предрассудков и «предсуждений», обусловленных традицией. Традиция связывает историю и современность. Философ пишет: «Понимание можно мыслить не так, как действие субъективности, а как возвращение к традиции, в которой прошлое и настоящее постоянно содействуют друг другу»⁸. Гадамера обвинили в консервативности, в попытке возрождения исторических традиций и предрассудков.

В западной философии герменевтика уже не воодушевляет исследователей как универсальная методология; она сохраняется как локальная (региональная) практика анализа исторического процесса, как элемент философских методов. Поль Рикер предложил идею дополнительности герменевтики как метода исследования прогрессивного развития культурных смыслов. Альтернативный герменевтике подход предлагает голландский философ Ф.Р. Анкерсмит. Он утверждает необходимость рассмотрения внутреннего

мира ученого, его мыслей, чувств, переживаний и их роли в процессе написания истории.

Анкерсмит говорит, что фактически в теоретической сфере исторической науки сложилась кризисная ситуация. Все известные на сегодняшний день методы исторического исследования не просто не могут дать историку исчерпывающего знания о прошлом, но вообще лишают его возможности даже прикоснуться к нему. По мнению Анкерсмита, классическая научная традиция утверждает, что историку прошлое недоступно, поэтому историческая теория обесмысливает его деятельность. Если раньше в анализе культурных процессов на первый план выходили исторические тексты, язык исторических сочинений, то Анкерсмит предлагает отказаться от помощи языка в интерпретации исторических событий и обратиться к непосредственному опыту восприятия прошлого. Философские принципы науки, сформулированные в 17-19 вв. привели к тому, что стал невозможен и немислим контакт с реальностью, не опосредованный разумом, категориями рассудка, теорией, правилами и языком. Возникает необходимость в разработке новых методов, при помощи которых субъект может изучать объект и получать истинное знание. Такими методами в гуманитарных науках выступают герменевтика и структурализм. Анкерсмит в своей работе доказывает, что эти методы бесполезны и их без сожаления можно «смело сдать в лавку интеллектуальных древностей»⁹. Одним из фундаментальных положений, формулируемых автором, является мысль, что не существует самого объекта, на исследование которого нацелены герменевтика, структурализм и другие подобные методики. Эпиграфом к своей работе Анкерсмит взял высказывание Б.Спинозы: «Кроме этих двух родов познания существует, как я покажу впоследствии, еще третий, который будем называть знанием интуитивным. «Этика». Часть вторая. Теорема 40. Схолья II»¹⁰.

Основным пороком герменевтики, структурализма, семиотики и других методик Анкерсмит считает «лингвистический трансцендентализм», т.е. плененность проблемой языка. Как ни различны данные методики, их роднит общая установка – единственное, что доступно исследователю, это язык и никакое соприкосновение с прошлой реальностью невозможно. Автор считает, что значение никогда не следует приписывать самому тексту, как если бы текст состоял из слов, предложений, а сверх этого имелась бы особая вещь – «значение текста». Он убежден, что значение возникает только тогда, когда читатель не просто прочитал, а, скорее, «воспринял» текст и после этого сконструировал репрезентацию текста в соответствии со своим жизненным опытом чтения. Значения текстов существуют только в нас самих.

Работа Франклина Рудольфа Анкерсмита¹¹ еще не стала известной в отечественном философском сообществе, т.к. вышла тиражом всего 500 экземпляров, однако за рубежом воспринимается как крупное философское произведение, некий критический поворот в развитии исторической теории, поэтому представляется необходимым конспективное изложение материала, чтобы позиция Анкерсмита была прояснена. Во введении автор формулирует основную задачу книги – реанимировать понятие опыта, исследовать и объяснить параллелизм в развитии историописания и философии, показать чему историописание может научить философа. Неожиданно звучит тезис, что «существует «интеллектуальный опыт» и что наш разум не хуже, чем наши глаза, уши и пальцы, может работать как вместительница опыта».¹² В то же время, автор предупреждает о невозможности редуциро-

вать интеллектуальный к каким-нибудь сложным комбинациям ощущений. Скорее всего, уместно сравнение с предметами интеллектуального опыта К. Поппера в теории «третьего мира – мира идей», в качестве неуловимой, всепроникающей субстанции. Анкерсмит называет свой проект «интеллектуальным эмпиризмом». Исторический опыт – это то, как мы воспринимаем прошлое и как этот опыт прошлого возникает в момент одновременного раскрытия и восстановления прошлого. «Вначале исторический опыт приводит нас к раскрытию прошлого как реальности, которая однажды каким-то образом «оторвалась» от безвременного настоящего. В этом заключается «момент утраты». Но вместе с тем исторический опыт стремится к восстановлению прошлого, снова преодолевая барьеры между прошлым и настоящим. И это можно было бы охарактеризовать как «момент желания и любви»... «Возвышенный характер исторического опыта происходит из этого парадоксального союза чувств любви и утраты, то есть из сочетания удовольствия и боли, определяющего наше отношение к прошлому»¹³.

Данная установка порождает некоторые следствия. Так, историописание оказывается «золотой жилой» для философов, «они уйдут от стремлений к истине и займутся рассмотрением опыта» – хотя традиционно опыт рассматривается как слуга истины. Кроме того, с необходимостью потребуются реорганизация философии истории, ибо современная историософия базируется на достижениях философии языка («нет ничего вне текста»). Анкерсмит критически осмысливает концепции герменевтики, деконструктивизма, (пост)структурализма, семиотики. Решительно отвергая теорию, он занимается реабилитацией романтического мира чувств и настроений, определяющих наше отношение к прошлому.

Первые две главы этого объемного труда посвящены реабилитации опыта через критику лингвистического трансцендентализма Рорти. Это отправная точка. Анкерсмит ставит проблему исторического опыта в контексте современных философских дискуссий. В третьей главе обсуждается понятие исторического опыта Хейзинги, а в четвертой – излагаются взгляды на исторический опыт Гете и Гердера, Эйхендорфа, Буркхардта и Бенямина. Пятая глава посвящена вопросам современности, которые рассматриваются через контекст гадамеровской концепции опыта.

Представляется, что Г.–Г. Гадамер оказался основным собеседником Анкерсмита и вся аргументация строится вокруг него. Цитируя самого автора, итоги дискуссии сводятся к следующим утверждениям: 1) «для правильного отношения к понятию исторического опыта, нам понадобится смелость, чтобы развести между собой истину и опыт»; 2) такая «антикогнитивистская концепция опыта» автоматически «снимает вечные колебания между историзмом и универсализмом, вызываемые проблемой объективности»; 3) следует «принять концепцию опыта, которая не предполагает существование субъекта опыта»; 4) «возвышенный исторический опыт с точки зрения определенных культурных и цивилизационных контекстов возможен в отсутствие каких-либо субъектов опыта»¹⁴.

В шестой главе Анкерсмит вновь обращается к Гадамеру и его работе «Истина и метод», обсуждая соотношение эстетического и исторического опыта. Делается вывод о преимуществе прагматического эстетического опыта в понимании исторического опыта. Если первые шесть глав являются по характеру теоретическими, то далее Анкерсмит дает практическую иллюстрацию способа обращения с понятиями исторического опыта. Это капризно Франческо Гварди и орнамент рококо. Эти примеры служат показателем

природы исторического опыта. Они пережиты автором, прочувствованы и использованы в качестве аргументации. Далее в книге Анкерсмита (8 глава) показано, как понятие исторического опыта поможет лучше осмыслить природу исторического сознания на Западе, понять «опыт разрыва» с прежней идентичностью¹⁵.

Голландский философ в своей работе показал кризисные явления, которые в целом характерны для современной науки. Наука, в современном смысле этого слова возникла в 17 веке как противопоставление теологии и схоластики. Ее отличала ориентированность на истину и вера в возможность достижения знания, которое бы соответствовало действительности. Другой важной особенностью науки стал закон достаточного обоснования, т.е. фундаментализм. Ничего не должно браться на веру. Кроме вышеназванного, еще одной специфической особенностью классической науки стало создание эталона научного знания, на который бы равнялись все науки. И, наконец, наука объявила себя самодостаточной областью, не зависящей от социально-экономических, политических, мировоззренческих и других условий.

Интенсивное развитие науки в 19-20 вв. привело к парадоксальным результатам. Многочисленные экспериментальные данные показали, что реальность не укладывается в теорию. Стало очевидно, что философские основания фундаментальной науки абсурдны. Например, теория относительности А. Эйнштейна, смоделировала такое устройство Вселенной, которое противоречит здравому смыслу (пространство одновременно ограничено и постоянно расширяется). В квантовой механике Н. Бора принцип дополнительности допускает принятие за истину два противоположных положения, а в самой точной из наук математике не работает логический закон «исключенного третьего». Обнаружены такие задачи, которые могут иметь не только положительный и отрицательный ответ, но и множество промежуточных. Стало очевидно, что возможности разума ограничены, истины не существует, следовательно невозможно доказать философские основания естествознания. Математика и физика перестают быть эталоном для остальных наук. Утрачивается социокультурная автономия научного знания. Вера, иррациональное начало превращается в науку. В результате ученые вернулись к тому, от чего отказались в 17 веке – к «протонауке» Античности и Средневековья, в которой рациональное и иррациональное неразрывно связаны и определяют друг друга¹⁶.

В современной науке существует две мыслительные традиции, одна из которых восходит к рационалистам 17 века и утверждающая, что возможности познания человека безграничны. Другая традиция возникла еще в Античности, один из ярких представителей которой является Аристотель, который считал, что истинное знание о мире невозможно, так как мир – это материя, пребывающая в процессе постоянного становления. Окончательное знание возможно только о форме, как о чем-то завершенном. Эти две тенденции взаимоисключают друг друга, при этом ни одна не является самодостаточной. Как пишет Анкерсмит, в историописании должна быть золотая середина между опытом и методом. Избыток одного нуждается в дополнительном внедрении другого. Возвышенный исторический опыт – это всего лишь первый этап в творчестве ученого, за которым следует собственно научная деятельность, когда субъект отделяется от объекта и процесс познания строго регламентирует методология.

Примечания

- ¹ Сузи В.Н. Герменевтика: история и концепции. – Петрозаводск, 2005. – С. 3.
² Алексеев А.П. Философский текст: идея, аргументация, образы. – М.: Прогресс – Традиция, 2006.
³ Там же. – С. 7-8.
⁴ Вольский А.Л. Фридрих Шлейермахер и его герменевтическая теория. // Шлейермахер Ф. Герменевтика. – СПб., 2004. – С. 13.
⁵ Поль Рикер. Герменевтика. Этика. Политика. – М., 1995. – С. 4.
⁶ Поль Рикер. Герменевтика. Этика. Политика. – М., 1995. – С. 3.
⁷ Гадамер Г.-Г. Язык и понимание // Актуальность прекрасного. – М., 1991. – С. 48.
⁸ Гадамер Г.-Г. Истина и метод. – М., 1988. – С. 345.
⁹ Там же. – С. 140.
¹⁰ Б. Спиноза. Этика, доказанная в геометрическом порядке / Спиноза Б. Изб. соч. – Минск: «Поппури», 1999. – С. 399.
¹¹ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007.
¹² Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – С. 27.
¹³ Там же. – С. 29-30, С. 489-490.
¹⁴ Ф.Р. Анкерсмит. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – С. 34-35.
¹⁵ См. об этом там же. – С. 479.
¹⁶ Кезин А.В. Классический и современный идеалы научности // Ценности познания и гуманизация науки. – М. 1992. – С. 10-16.

Ю.С. ОБИДИНА

**МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ, ЧЕЛОВЕКА И ГРАНИЦ
ЕГО БЫТИЯ В РОССИЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ**

В начале XIX в. гуманитарное познание формировалось как самостоятельное направление российской науки. Выступая зачинателями отечественной философии истории и культуры, русские исследователи были вынуждены заимствовать методологический арсенал у западных ученых. При этом они успешно осваивали важнейшие тенденции западной философско-гуманитарной мысли, глубоко вникая в ее методологическую сущность. Для многих из них заимствования не стали препятствием в разработке собственных оригинальных позиций¹.

Отечественные исследователи стремились подойти к разным направлениям анализа западной философии избирательно, отвергая одни познавательные установки и преобразуя другие. Выступая сторонниками объективного знания, они не могли ограничиться рассудочно-понятийным аппаратом. В ходе своих исследований они углубляют аксиологический подход к культуре и человеку, отстаивая правомерность мировоззренческих пристрастий, религиозных и нравственных установок самого аналитика.

Для русских исследователей главной в анализе была интеграция разума, религиозной веры и мировоззрения в процессе получения объективного знания. При этом они преодолевали односторонности рациональной логики, эмпирической очевидности, теологических установок. Им важнее было раскрытие внутреннего смысла бытия культуры, интуитивное «схватывание» целостных культурных форм, вчувствование в главный объект изучения – в человека. Отсюда – слабое разделение объекта и субъекта познания².

На Западе познавательные установки такого рода также существовали, например, среди философов романтического направления, позже – среди экзистенциалистов. Однако в целом на протяжении XIX-XX вв. эти позиции так и не стали определяющими в гуманитарном познании. В России, напротив, позитивистские и сциентистские подходы в течение длительного

времени не приобретали зрелых форм. В отечественной гуманитарной мысли XIX в. они существовали скорее в смягченной, романтизированной форме, нежели как серьезное стремление исследователей выработать точное знание о культуре и человеке, опираясь на методы естественно-научного знания.

Однако познавательные установки, свойственные дореволюционным русским ученым, которые снижали рационально-логический потенциал их анализа, восполнялись другими сторонами исследований, которые обуславливались самобытным взглядом на мир, особым типом эвристики. Кроме того, русские исследователи нередко превосходили западных по масштабности исследования, по целостности охвата и глубине проникновения в явления общественной и культурной жизни, в человеческое бытие. Отечественные исследователи в большей степени сосредотачивались на разработке смысловых аспектов культуры, на исследовании процессов целостного жизнетворчества народа. Сама личность становится для многих русских философов тем центром, вокруг которого формируется анализ культуры, что придает отечественным гуманитарным исследованиям антропоцентристский характер. Импульсы культурной эволюции русские аналитики связывали преимущественно не с политико-юридическими, экономическими или социальными обстоятельствами, а с взаимодействиями иного плана – с Божьей благодатью, всечеловеческим пониманием, с осознанием нравственных и эстетических планов бытия³.

Отечественные мыслители охотнее ставили перед собой познавательные, культурологические, нравственные цели, в то время как утилитарно-прагматические или экспериментальные проблемы не попадали в фокус их аналитического внимания. Неприятие рассудочно-рационалистических принципов анализа, олицетворявших в то время науку в целом, не помешало представителям отечественной гуманитарной мысли создавать оригинальные теории, прогностические проекты, выдвигать мироустроительные идеи. Более того, именно отечественными аналитиками исследуемого периода были поставлены такие проблемы, значимость которых для выживания мировой культуры оказалось возможным осознать только в настоящее время⁴.

Начиная с первой трети XIX в., отечественная методологическая база разрабатывалась в практике анализа культуры и человека на религиозно-православном мировоззренческом фундаменте. Вместе с тем, данная методология не приобрела узкоатеологической направленности. Иными словами, она развивала принципы не православного вероучения, а философского знания, которое базировалось на православном мировоззрении, оставаясь мирским по своему характеру. В этом ряду следует сделать исключение для воззрений П.А. Флоренского, зрелого С.Н. Булгакова, которые развивали как светское, так и религиозно-философское направление анализа культуры⁵.

Отечественные философы того периода связывали свой анализ с поисками истины, которая мыслилась не отчужденной от многообразия мира, истории и познающего человека, а слитой с ним. Русские философы шли по пути выявления универсальности культуры и общества не посредством усредненных представлений о разных народах и культурах, а через раскрытие ключевой роли их духовных основ: нравственного, религиозного, художественно-эстетического потенциала, реализуемого в жизнетворчестве любого народа. Все это позволяет говорить о том, что в отечественном гуманитарном познании в то время царил особый тип научно-философской рациональности, неотделимой от сущности культуры и человека⁶.

Универсальные черты, способные интегрировать разные народы, отечественные философы связывали с христианско-православной культурой, в то время как в разных этнических сообществах они видели, прежде всего, самобытные черты, культурное несходство которых, по их мнению, благотворно воздействует на развитие человечества в целом. Подобное видение сущности универсального и уникального в культуре заметно отличалось от европоцентристской трактовки соотношения в ней всеобщего, особенного и индивидуального в области культурного развития мира.

Методологической вехой отечественного гуманитарного познания стали воззрения Вл. Соловьева, чей вклад в углубление отечественной философии культуры трудно переоценить. Базирование культурфилософской методологии Соловьева на религиозной основе особым образом пересекалось с идеями не только славянофилов, но и неоплатоников, пантеистов, отчасти эволюционистов и дарвинистов. Вместе с тем Соловьев не принимал позитивистский рационализм как метод⁷.

Сам философ стремился снять границы между рациональным мышлением и мистическим духовидением. Так, он развивал идеи важности продуцирования «цельного знания», которое дает возможность отвечать на вопрос о смысле человеческого существования, о последней цели космического и историко-культурного процесса. Эта идея позже получает развитие у представителей русского космизма, а также у С. Франка, который использовал представление о трансрациональности, т.е. о непостижимости всех проявлений бытия как нераздельного единства рациональности и иррациональности.

Для отечественной философии и теологии культуры весьма важной оказалась выдвинутая Соловьевым религиозная концепция всеединства. Философ понимал всеединство как единство во множественности, как становление мировой души, стремящейся соединиться с Божеством. Мировой процесс развития человеческой культуры рассматривается им как борьба Божественного слова и адского начала за власть над мировой душой. Рано или поздно, согласно Соловьеву, борьба завершится победой единства над распадом и враждою (в этом можно усмотреть аналогию с будущими представлениями П. Тейяр де Шардена о завершении истории, также носящими христианский характер). Подобное единство Соловьев усматривает в богочеловеческой личности Христа. На его взгляд, именно в личности Христа явлен синтез религиозно-созерцательного начала, свойственного религиям Востока, и начала личного, человеческого, развивавшегося в лоне западной культуры⁸.

Понимание Соловьевым всеединства задавало такой масштаб познавательной универсальности, что с помощью данной категории можно было анализировать надмировой уровень, природную стихию, историко-культурный и индивидуально-психологический срез человеческого бытия, а также обращаться к изучению гносеологических, этических, антропологических, религиозных и иных аспектов мирового развития⁹.

На рубеже XIX-XX вв. культурфилософские идеи Соловьева в той или иной форме развивали С.Н. и Е.Н. Трубецкие, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин и др. Теоретико-методологическая база исследований давала возможность развивать разные аспекты его воззрений применительно к культуре, что его последователи использовали в полной мере.

Главной задачей своей жизнедеятельности Флоренский считает нахождение путей к цельному мировоззрению, понимаемому в духе рус-

ской философской традиции как синтез веры и разума, интуиции и рассудка, богословия и философии, искусства и науки. Культура у Флоренского – не первичная и самодавлеющая ценность, религиозный культ – ценность высшая, ибо он представляет собой единство трансцендентного и имманентного, чувственного и рационального, духовного и телесного.

В центре философского творчества Н.А. Бердяева стояли проблемы личности, религиозно мистические проблемы. Бердяев стремился синтезировать христианство и язычество, западную и восточную культуры в их церковных и секулярных аспектах.

Философская мысль Карсавина движется в русле российской метафизики всеединства, основы которой были заложены Вл. Соловьевым и А. Хомяковым, а также продолжает традиции европейской спекулятивной мистики Плотина, Кузанского, Гегеля. Все бытие представляет собой сложную онтологическую структуру. Бог есть выражение личного образа бытия – именно к Божеству, а не к человеку прилагается понятие личности.

Особую роль в формировании методологических концепций изучения культуры сыграли русские писатели-символисты, и в особенности, Д.С. Мережковский. В трилогии «Христос и Антихрист» писатель хотел выразить свои философские взгляды на историю и будущее человечества. Основная идея неохристианского религиозного учения Мережковского состояла в утверждении полярности мировой жизни, в которой всегда борются две правды – земная и небесная, дух и плоть, Христос и Антихрист. Первая проявляется в стремлении духа к самоотречению и слиянию с Богом, вторая – в стремлении человека к самоутверждению, владычеству индивидуальной воли. В истории эти два потока могут разъединяться, но дух постоянно стремится к их высшему слиянию, которое станет венцом исторической завершенности. «Переломные» этапы человеческой истории наиболее ярко отражают столкновение противостоящих сил.

В XIX–XX вв. отечественный анализ культуры и человека развивался не только с религиозно-философских позиций, но и в рамках научно-философской мифологической школы, культурно-исторического подхода, психолого-культурологических, лингвистических, фольклорно-мифологических изысканий.

В настоящее время теоретико-методологические проблемы отечественного гуманитарного анализа подвергаются новому осмыслению, однако до сегодняшнего дня остаются малоисследованными¹⁰. Это можно объяснить как парадигмальной и мировоззренческой дезориентацией, так и субъективными факторами.

Гносеологические установки русских исследователей обладают более широким аналитическим охватом, нежели те, которые развивались в рамках европоцентристских прогрессистских теорий общественного познания. Познавательные установки русских аналитиков позволяют адекватно исследовать, во-первых, самобытные качества любой культуры, во-вторых, традиционные сообщества без опасения недооценки в них наиболее важных признаков, в-третьих, заметно разнящиеся, несхожие между собой культурные формы. В большей степени методология русской аналитики ориентирована на выявление места каждой культуры в Божественном универсуме, в космо-планетарном пространстве, а также на анализ традиционных сообществ при их столкновении с динамичной культурой Запада.

Примечания

¹ Аванесова Г.А. Методология анализа культуры, общества и человека в отечественном гуманитарном познании XIX-XX вв // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – №9. – С. 83.

² Аванесова Г.А. Указ. соч. – С. 85.

³ Философия русского космизма. – М., 1996. – С. 34.

⁴ Ионов И.Н. Российская цивилизация и истоки ее кризиса. IX – начало XX вв. – М., 1994. – С. 7.

⁵ Пути и миражи русской культуры. – СПб., 1994. – С. 5.

⁶ Аванесова Г.А. Указ. соч. – С. 87.

⁷ Славянофильство и современность. – СПб., 1994. – С. 127.

⁸ Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры (опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков). – М., 2001. – С. 38.

⁹ Аванесова Г.А. Указ. соч. – С. 91.

¹⁰ См., например, Стрельцов А.С. Философия и культура в русской гуманитарной мысли XIX-XX вв. – М., 2002.

**ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О СУДЬБЕ ПРОФЕССОРА Н.В. НИКОЛЬСКОГО (1878-1961)**

Н.В. Никольский – выдающийся представитель первого поколения чувашской интеллигенции, оставивший заметный след в истории отечественной тюркологии и регионалистики. Тюркологи Н.А. Баскаков и А.Н. Кононов характеризуют его как крупного исследователя тюркских языков Поволжья¹. Современные чувашские ученые считают Н.В. Никольского первым профессиональным чувашским историком, этнографом, фольклористом, лексикографом, который «был и остается центральной фигурой среди исследователей дореволюционного периода Чувашии»². Марийские исследователи отмечают его роль в изучении угро-финских народов³.

Научные интересы Н.В. Никольского сформировались в период учебы в Казанской духовной академии. В 1899–1903 гг. он обучался на миссионерском отделении в татарской группе. Здесь особое внимание уделялось изучению языков, религии и этнографии тюркских и монгольских народов России. Одновременно Н.В. Никольский посещал занятия профессоров Казанского университета – Н.Н. Фирсова (русская история), И.Н. Смирнова (этнография), Н.Ф. Катанова (тюркские языки).

Происхождение (чуваш), влияние академических и университетских преподавателей определили интерес Н.В. Никольского к языкам, истории, этнографии и культуре нерусских народов Среднего Поволжья, главным образом, чуваш.

Период 1903–1917 гг. – время становления Н.В. Никольского как педагога и ученого. Н.В. Никольский преподавал чувашский язык и соединенные с ним предметы на миссионерских курсах при Казанской духовной академии (1903–1917) и в Казанской духовной семинарии (1907–1917), историю – в Казанской учительской инородческой семинарии (1906–1910). В 1915 г. он был утвержден в должности приват-доцента Казанского университета и читал здесь курс по «истории христианского просвещения инородцев Поволжья». За все это время Н.В. Никольским было опубликовано около сорока научных работ. Среди них такие фундаментальные труды как «Конспект по этнографии чуваш» (1908, 190 с.), «Русско-чувашский словарь» (1909, 640 с.), «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках: Исторический очерк» (1912, 416 с.), «Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных исламу» (1912, 322 с.).

Работы получали положительные отзывы казанских исследователей (Н.В. Никольский был принят в действительные пожизненные члены Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете) и столичных ученых⁴.

Таким образом, к 1917 году Н.В. Никольский был высокопрофессиональным преподавателем и ученым, известным в российских научных кругах. О том, как складывались отношения Н.В. Никольского и советской власти свидетельствуют его личное дело из архива Марийского педагогического институ-

та (МГПИ) и архивные материалы Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Татарстан (УФСБ РФ по РТ).

Из личного дела профессора кафедры истории МГПИ Никольского видно, что до 1931 года он продолжал заниматься активной преподавательской и организационной работой в высшей школе. Чтобы прожить, особенно в годы нэпа, Н.В. Никольский преподавал сразу в четырех вузах. Присутствующие в личном деле профессора Никольского противоречия в датах и названиях вузов следует объяснять бесконечными реорганизационными реформами высшей школы, слиянием и переименованием институтов, имевшие место в 1920-1930-е годы.

До 1922 года профессор Никольский продолжал преподавать в Казанском университете историю и этнографию народов Поволжья. Одновременно этот же курс он читал в Казанском педагогическом институте. С 1919 по 1922 год Н.В. Никольский – профессор Северо-Восточного археологического и этнографического института. После реорганизации института в 1920 и 1922 годах – профессор Восточной академии, затем – Восточного педагогического института. Здесь он работал до 1931 года. В 1920-1922 годах Н.В. Никольский – профессор и директор Восточной консерватории⁵.

Наряду с преподаванием Н.В. Никольский продолжал свои научные исследования. В 1919-1929 годах он опубликовал более двадцати работ. Среди них: «Конспект по истории народностей Поволжья» (1919), «Сборник исторических материалов о народностях Поволжья» (1920), «История мари» (1920), «Конспект по истории народной музыки народов Поволжья» (1920), «Краткий курс этнографии чуваш» (1928).

1931-1946 годы – особый период в биографии ученого. В 1948 году Н.В. Никольский подал заявление о зачислении штатным профессором в Марийский государственный педагогический институт. Отвечая на вопрос анкеты «основная профессия», Н.В. Никольский написал «исследователь». Далее он пояснил, что с 1931 года «в качестве научного исследователя работал в научно-исследовательских институтах Казани, Саранска, Чебоксар, Йошкар-Олы, институте истории, этнографии и языка АН СССР»⁶. Следовательно, у профессора Н.В. Никольского в 1931-1946 годы не было официального постоянного места работы. Это было связано с арестами и начавшейся идеологической травлей.

15 января 1931 года Н.В. Никольский был арестован по делу академика Платона, т.е. в связи с начавшимися арестами среди казанского духовенства и преподавателей Казанской духовной академии. На допросах Н.В. Никольский утверждал, что его связи с казанским духовенством носили служебный характер, а после Октябрьской революции были потеряны, «т.к. я работаю в качестве профессора советских вузов»⁷.

Хотя арест был недолгим и 11 марта 1931 года Н.В. Никольский был отпущен, он положил начало открытой идеологической травле ученого. Это было время, когда погромная критика старой профессуры являлась условием продвижения наверх. В 1931 году в связи с открытием в Чебоксарах Чувашского государственного педагогического института было закрыто чувашское отделение Восточно-педагогического института в Казани. Профессор Н.В. Никольский представлял реальную опасность для молодых выдвиженцев. В 1931 году в журнале «Советская этнография» появились разгромные статьи С.С. Кутяшова. Они нарушали нормы не только научной этики, но и элементарной порядочности. Тенденциозно, в недопустимой форме критиковались работы Никольского «Краткий курс этнографии чуваш» и

«Народная медицина у чуваш». Они характеризовались как не имеющая особой ценности «идеалистическая пошлятина». Сам Н.В. Никольский был назван «видным апостолом воинствующего миссионерства», «псевдо-ученым», «мистиком» и «агентом жандармско-полицейского самодержавия»⁸. Единственное с чем можно согласиться в критике С.С. Кутяшова, это то, что Н.В. Никольский не приспособлялся к марксистской исторической науке и сохранял старые научные взгляды.

Арест 1931 года и открытый разгром трудов Н.В. Никольского создали вокруг него особую атмосферу. Он не мог устроиться на работу и был вынужден уйти на пенсию. В 1933 году последовал новый арест как члена организации «Братство святителя Гурия». В постановлении о предъявлении обвинения утверждалось, что «Группа... являвшихся в прошлом активными деятелями монархического-руссификаторской организации «Братства св. Гурия», создав определенную организацию повела к/р деятельность с распространением ее на целый ряд районов Татарии ... направляла свою деятельность на разложение колхозов, срыв хозяйственно-политических кампаний проводимых партией и Соввластью, с каковой целью разжигала и использовала религиозные чувства населения, преимущественно из националистов...»⁹. Роль Н.В. Никольского определялась следующим образом: «Никольский Н.В. – сам инородец, олицетворение связи с инородцами в Казани и навещавший их на местах»¹⁰.

Из следственных материалов видно, что уполномоченных ОГПУ интересовали связи Н.В. Никольского с казанским духовенством. Физические меры к нему не применялись, сам он держался достойно. Знакомство с обвиняемыми (епископом Андреем Ухтомским и Р.П. Даулеем) объяснял своей научной и преподавательской деятельностью, утверждал, что к моменту ареста потерял с ними всякую связь¹¹.

Н.В. Никольский отрицал обвинение и в том, что его труды являлись «орудием миссионерства» и «лили воду на мельницу миссионеров»¹². В октябре 1933 года Н.В. Никольский был отпущен под подписку о невыезде.

Преследование и травля не сломили ученого, но и не позволили реализоваться полностью. Не имея возможности занимать штатные должности, он работал по поручениям национальных НИИ. Так по поручению Мордовского НИИ ЯЛИ Н.В. Никольский написал «Историю мордвы». Значительная часть выявленных им документов вошла в многотомное издание «Документы и материалы по истории Мордовской АССР»¹³. Но основная масса материалов, собранных Н.В. Никольским в 1930-1940-е годы, не была издана и составляет многотомное рукописное наследие, хранящееся в архивах Марийского Научно-исследовательского института и Чувашского государственного института гуманитарных наук.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Архив УФСБ РФ по РТ. Архивно-следственное дело 2-2527. Т. 1.

1.Л.1-2.

«Утверждаю»

Зам. ПП ОГПУ по АТССР

/Невернов

Постановление

/о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения/

1933 года, марта 25 дня, я, уполномоченный III-го отделения СПО ПП ОГПУ ТР – Каменьщиков, рассмотрев имеющийся материал на священника Дружинина А.И., бывшего миссионера Даулея Р.П., архимандрита Бузова Тихона, б. торговца Пчелинцева А.Я. и других всего в числе 20 человек – Нашел

Группа последователей епископа Андрея, б. князя Ухтомского, в составе перечисленных служителей культа, бывших помещиц, купчих и проч. элемента – являвшихся в прошлом активными деятелями монархическо-руссификаторской организации «Братства св. Гурия», создав определенную организацию повела к/р деятельность с распространением ее на целый ряд районов Татарии. Конкретно организация эта по имеющимся материалам с достаточной полнотой уличается в том, что направляла свою деятельность на разложение колхозов, срыв хозяйственно-политических кампаний проводимых партией и Соввластью, с каковой целью разжигала и использовала религиозные чувства населения, преимущественно из националистов, распространяла к/р воззвания епископа Андрея.

На основании изложенного и руководствуясь 128, 143-147, 158 ст. ст. УПК – Постановил:

Привлечь к делу в качестве обвиняемых за вышеизложенное, с предъявлением обвинения, предусмотренном 58-II ст. УК СФСР и избрать мерой пресечения содержание под стражей в Казанском Центр. изоляторе следующих лиц:

1. Дружинина Алексея Ивановича, священника, проживающего в с. Усады Казанского р-на ТР.
2. Даулея Романа Павловича, преподавателя, проживающего в г. Казани по ул. Ленина, дом 44 кв. 2.
3. Бузова Тихона архимандрита, проживающего в г. Казани – Поп. Стенная дом 15.
4. Пчелинцева Андрея Яковлевича, ювелира – г. Казань Университетская дом 4 кв. 20.
5. Никольского Николая Васильевича, без определенных занятий, ул. Баймана, 49, кв. 2 (ход со двора).
6. Никольской Александры Владимировны, зуб. врача, ул. Баймана 49 кв. 2.
7. Кузнецовой Александры Владимировны, домовладелицы – г. Казань.
8. Васильева Александра Васильевича без определенных занятий, Поп. Академическая, дом 4 кв. 2.
9. Разумовского Михаила Михайловича, быв. белого офицера – г. Казань. Поп Горшечная, 17 кв. 2.
10. Гладышевой Зои Александровны, домовладелицы, Привольная ул. 6.
11. Гладышевой Татьяны Александровны, – то же.
12. Кузьминой Елизаветы Александровны, домовладелицы, Солдатская ул. дом 24.
13. Румянцевой Евдокии Григорьевны, домовладелицы – Суконная слобода. Песчаная ул., 23 кв. 1.
14. Волынцева Никиты – иеромонаха, Суконная Слобода.
15. Анциферовой Евгении Николаевны, домовладелицы, ул. Лесгарта, 14 кв.
16. Крупенниковой, Надежды Александровны, б. купчихи, Казань, Коперативная 2 кв. 2.
17. Сапожниковой Софьи Степановны, домохозяйки, ул. Милославского, дом 3 кв. 1.
18. Ярыгиной Елизаветы Александровны, домохозяйки, г. Казань.

19. Десницкой Нины Константиновны, быв. помещицы, ул. Ленина, 43 кв 1.
20. Марковой Пелагеи Ивановны, Казань, ул. Баумана, 51/9.

Копию для постановления препроводить для сведения прокурору ТР и УСО
ПП ОГПУ ТР.

Уполном. III-го Отд. СПО /Каменьщиков
«Согласен» Нач. III-го Отд. СПО /Джакупов
Нач. СПО /Эпштейн

2. Л.56-57 об.

О.Г.П.У.

Протокол допроса

1933 г. Марта мес. 26 дня я, оперуполномоченный III-го отд. СПО Виясов
допросил в качестве обвиняемого

1. Фамилия Никольский
2. Имя и отчество Николай Васильевич
3. Возраст и год рождения 1878 г. 55 л.
4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство) Крестьянин д. Юрмикейкино Чуваш респ.
5. Место жительства (постоянное и последнее) Казань Баумана дом 49 кв. 2.
Родители крестьяне. Чуваш. Гражданин СФСР
6. Род занятий (последнее место службы и должность) профессор
Сотрудник академии наук
7. Семейное положение (перечислить близких родственников, их имена, фамилии, адрес, род занятий до революции и в последнее время) женат

Племянники:

1) Николай Изосимович Никольский. Д. Юрмикейкино Чуваш. республ.
До и после революции кр-вал.

2) Сергей Изосимович Никольский

3) Агния Изосимовна Никольская

Живут там же. Ныне колхозники

8. Имущественное положение (до и после революции, допрашиваемого и его родственников) Из имущества кроме домашнего обихода ничего не имею.

9. Образовательный ценз Высшая, окончил 1903 г. Духовную академию, университет, сельхоз ин-т

10. Партийность б/п

11. Сведения об общественной и революционной работе Руков. чув. кружка

15. Показания по существу дела) В 1931 года с 15 января по 11-го марта находился под стражей в ОГПУ. по информации Михеева в связи с академиком Платоном о составлении карты Поволжья, т.к. ...к этой платоновщине не подлежал и ничего общего не имел в силу чего меня выпустили на свободу. В последнее время я работал в В.П.И. качестве профессора фольклора и этнографии.

Во время моей работы после революции никакого отношения с духовенством не имею, было время когда-то до революции имел служебные связи с казанским духовенством и как-то с Ухтомским Андреем который являлся начальником курса по подготовке духовенства для нерусских приходов, а я был временным лектором чув. языка в этом курсе в порядке обязательного поручения от епархиальной власти, за обучение в духовной академии.

После Октябрьской революции потерял всякое отношение с духовенством т.к. я работаю в качестве профессора советских вузов.

Общество братство «святителя Гурьево» существовало до самого последнего дня Октябрьской революции. Руководителем и возглавляющим это общество являлась епархиальная власть, я в этом кружке состоял, работал в качестве технического эксперта по переводу наиболее трудных русских духовных учебников на чувашский язык.

Все это общество в конечном счете ставило целью угнетение мелких народностей, ...в этом кружке руководящей должности не имел.

...знаю Ухтомского Андрея, Яблокова Андрея, которого уже нет наверное в живых. Так же не знаю жив ли Ухтомский. Переписки с ним не имею, также не слышал от других.

Цель моего посещения в церковь исключительно послушать хор. пение, а других целей у меня нет, со священниками я никогда не встречался как на квартире и также на улице.

З. Л.58, об.-59.

О.Г.П.У.

Протокол допроса

1933 г. марта мес. 27 дня. Я, оперуполномоченный III-го отд. СПО Виясов допросил в качестве обвиняемого

1. Фамилия   Никольский
2. Имя и отчество   Николай Васильевич

15. Показания по существу дела) Окончил Казанскую духовную академию в 1903 г. получил звание кандидата богословия и стал преподавателем миссионерских курсов в течении пяти лет – лектором чувашского языка. Одновременно преподавал в женской учительской школе.

Взгляд мой на систему Ильминского таков: он первый открыл окно развития национальных языков и этим националисты мелких народностей старались воспользоваться. В том числе и я приложил все свои силы на изучение мелких народностей, их языка, этнографии и главным образом чуваш с целью выявления творческих способностей этих народностей и решения вопроса о последующем культурном и политическом их развитии.

На мои работы я получал хорошие отзывы крупных научных работников, как академиков Самойловича, Маара, Зеленина и др.

Многие мои работы (как словари) известны за границей и выписывались у меня; так на книгу «История народной музыки у народов Поволжья» (изд. 1929 г.) имелись хорошие отзывы профессоров Римского университета, Берлинского университета, Лондонского университета, фамилии которых не помню.

Переписки с ними не имел и писем от них не получал.

В обществе «братства святого Гурия» я стал работать с 1908 г. и работал до его органического прекращения – 1914 г. в качестве технического эксперта по просмотру со стороны языковой первоначальных учебников русского языка для нерусских, словарей и русской истории. Работая в этом обществе я имел возможность получать материалы от членов общества для своей научной деятельности в области этнографии и фольклора.

В настоящее время из деятелей «братства святого Гурия» никого не знаю и ни с кем ни какой связи не имею.

Эльменя Д.С., Петрова Д.П. (Юман) я знаю первого по работе в Наркомнаце РСФСР Казанского отделения. Петрова Д.П. знаю лично и по его календарю, поэмам. Переписку с ними не имею.

4. Л.81

Протокол продолжения допроса от 29 марта 1933 г.
гр-на Никольского Николая Васильевича

В 1906 г. я сам лично с января месяца по июнь в Казани на свои средства издавал еженедельно чувашскую газету «Хыпар», с целью показать чувашам, что газета и на чувашском языке возможна и что дело их самих развить и расширить это дело. В издании газеты участвовали сельские учителя и грамотные крестьяне. Тираж шестьсот (600) экземпляров. В этой газете идеи ни какой партии не проскальзывали, она была беспартийная и надклассовая т.к. я выступал и был противником всякой партии. Поэтому совершенно неверны мнения о том, что «Хыпар» был органом кадетско-эсэровской партии и я в этой партии не состоял. В июне месяце того же года эту газету отобрала группа молодежи чуваш, исключенная из Симбирской чувашской учительской школы за «бунт». В их руках она стала революционной и в январе 1907 г. ее закрыли за «вредные и противоправительственные действия».

Историей религии вообще я стал заниматься с 1903 г. в целях дачи окончательных выводов путем сравнительного метода относительно чувашских религиозных верований. Но окончательные выводы в свет еще не вышли.

Материалистический взгляд на религию у меня появился с 1916 года, а до этого у меня был лишь исторический взгляд – в сущности идеалистический.

5. Л.87-88, об.

Продолжение допроса Никольского Н.В. от 29/3 – 33 г.

Сам я с момента вступления в научную деятельность ни к какой религии не принадлежу и недаром меня в старое время называли нигилистом. Отдельные места в моих работах, в частности «Кратком конспекте» изд. 1911 г. носили религиозный характер. Теоретически обосновывали закономерность существования на небе бога, на земле царя и подчинение ему чувашина, как например, «На небе бог – хозяин, на земле – царь, поэтому чувашин-охотник, когда захотел перейти к земледелию, идет к царю, просит у него земли; обязуется за последнюю платить натурой, отдельные редакционные приписки священника-профессора Малова давали определенное руководство священникам в деле развития богослужения, как средства просвещения, но все же я уверяю, что мои книги хотя бы и объективно не являлись орудием миссионерства и не могли лить воду на мельницу миссионеров, потому что они были распространены в очень ограниченных количествах и среди самостоятельно мыслящих людей, главным образом среди учителей.

...в церковь я хожу редко лишь в тех случаях, когда обещается выступление хора. В основном бываю в Богоявленском храме, где служит архиепископ Афанасий, которого я знаю с 1916 г., когда он приезжал в Чувашию по назначению своей епархиальной власти и взял у меня русско-чувашский словарь.

Сейчас с Афанасием никаких связей не имею. Так же бываю и в Петропавловской церкви, где служит Протопович, которого я не знаю и думаю, что и он меня не знает.

Жена моя Александра Владимировна Никольская – дочь попа, окончила высшие зубо-врачебные курсы и на дому работает зубным врачом. В церкви она бывает редко и лишь в целях музыкальных. Посетителей у нее бывает мало – два-три человека в день, которых она лечит по 10 дней. Лечатся у нее главным образом городские – интеллигенция, и иногда приезжают из районных местностей, главным образом, учительницы и врачи.

Даулея Романа Павловича я знаю как сослуживца по Казанской учительской семинарии, где он был преподавателем русской словесности, а я преподавателем истории с 1906 по 1910 г. Он там работал по 1916 г., после чего его перевели в Уфу.

После я его видел в 1928 г. в Казани; тогда он говорил, что работает преподавателем рабфака. С тех пор я видел его раза два, но не раскланивались.

Васильева Александра Васильевича я знал из газет, где после революции обзывались о нем, как о негодном директоре училища по своим старым методам управления, старым правилам и традициям.

Лично я его узнал в 1925 г в археологической экспедиции проф. Смолина для раскопок курганов чувашей, где он был членом экспедиции. С тех пор я его ни разу не видал и никакого разговора с ним не имел. Сейчас даже не знаю, где он работает.

На квартире у меня из посторонних никто не бывает т.к. и сами ни куда не ходим и никого не принимаем.

6. Л.118-118 об.

Протокол дополнительного показания от 15 апреля 1933 г.

Никольского Николая Васильевича

...Из деревень к нам в гости никто не посещает, а бывают только пациенты – лечить зубы к жене.

Возможно, что бывала Ксения Степановна и священник Аронов, но мне жена об них ничего не говорила и я их не знаю. Надежду Боровицкую, Александру Григорьевну и иеромонаха Феодосия я не знаю; так же допускаю, что они может и были у жены с зубами, но я о них ничего не слышал и никого из них не знаю.

Кузьмину Елиз. Ал. не знаю и жена об ней мне ничего не говорила.

По поводу предъявленного обвинения сообщаю, что я ни к какой группе последователей епископа Андрея не принадлежал и не принадлежу, даже не знаю где он живет и этим не интересовался. Против колхозов я никогда не думал даже выступать, а наоборот, сам я и мои родные состоят членами колхоза. Я еще при царизме (в 1906 г.) написал книжку «как жить, чтобы богатым быть», где я проповедовал идею коллективизации бедноты.

7.Л.260

Копия с копии

Выписка

из донесения Казанского полицмейстера Салова в департамент полиции

«о братстве св. Гурия»

«...учрежденное в 1867 г. преимущественно в целях национализации и русификации туземного инородческого населения и воспитания этого населе-

ния в духе монархической государственности «братства святителя Гурия» за 50 лет своего исторического существования проделали в Казани и Казанской губ. Большую и особо политическую работу.

В своей деятельности оно ориентировалось, главным образом, на сельские местности б/Казанской губ., в самой же Казани имело как бы свой штаб и в особенности своего рода школы кадров, в виде крещено-татарских школ, миссионерского отделения Казанской академии, кружков сестер сотрудниц и т.д.

В числе главных учредителей «братства» был начальник 7-го округа корпуса жандармов, генерал-майор Селезкин.

До последних дней епископ Андрей быв. князь Ухтомский из духовенства протоирей Яблоков, протоирей Дружинин..., из мирян М.Г. Иванов (г. Томск); Н.В. Никольский и Р.П. Даулей. Дружинин А.И. один из секретарей «братства», напечатавший для него ряд программных статей; Никольский Н.В. – сам инородец, олицетворение связи с инородцами в Казани и навещавший их на местах и, наконец, всего более ценный Даулей Р.П. секретарь «братства», открывавший лично с еп. Андреем миссионерскую Покровскую общину, активный участник, даже кружка сестер сотрудниц «братства». В числе сестер сотрудниц были: Крупенникова Н.А., Десницкая Нина Константиновна и др.»

Копия с копии верна:

Пом. Уполномоченного 3-го отд. СПО
ПП ОГПУ по РТ

/Блинов

8. Л.261

«Утверждаю»

Полномочный Представитель
ОГПУ Татарской АССР

(В. Гагарин)

11 октября 1933 г.

Постановление

1933 года, октября 10-го дня я, пом. уполномоченного III-го отделения СПО Блинов, рассмотрев следственное дело №4513 в отношении обвиняемых: Никольского Николая Васильевича, Даулея Романа Павловича и Дружинина Алексея Ивановича, принимая во внимание, что нахождение их на свободе повлечет на ход следствия по данному делу не может

Постановил

Ранее избранную в отношении гр-н: Никольского, Николая Васильевича, 1878 г. рождения, чувашина, с высшим образованием, б/п; Даулея, Романа Павловича, 1873 г. рождения, татарин, педагог, с высшим образованием, б/п; Дружинина, Алексея Ивановича, 1886 г. рождения, русский, б/п, священник, с высшим образованием, – меру пресечения содержание под стражей изменить, освободить их из под стражи под подписку о не выезде.

Копией сего уведомить Прокурора ТР для сведения и УСО ОГПУ ТР – для исполнения.

9. Архивная справка УФСБ РФ по РТ

Никольский Николай Васильевич, 1878 года рождения, уроженец д. Юрмикейкино Чувашской республики..., из крестьян, чуваш, гражданин СССР, образование высшее, беспартийный, профессор, сотрудник Академии Наук...

25 марта 1933 года арестован как член организации «Братство святого Гурия». Виновным себя не признал. 11 октября 1933 года вынесено постановление ПП ОГПУ ТАССР об освобождении Никольского Н.В. из-под стражи под подписку о не выезде. Решения по его делу не принято. Сведений о дальнейшей судьбе Никольского Н.В. не имеется.

9 июня 1999 года по Закону РФ от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» Никольский Н.В. реабилитирован.

Основание: архив УФСБ РФ по РТ. Архивно-следственное дело 2-2527. Т1, 4.

Справку составила:

Референт УФСБ РФ по РТ /Хафизова С.С.
И.о. начальника подразделения /Кадикова Р.Г.

Примечания

¹ Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М., 1969. С. 40-49; Кононов А.Н. Библиографический словарь русских тюркологов: Дооктябрьский период / под ред. и с введ. А.Н. Кононова. – М., 1974. – С. 215.

² Леонтьева А.М. К вопросу об исторических взглядах Н.В. Никольского // Уч. записки ЧувНИИ. – Чебоксары, 1966. – Вып. 31. – С. 310-320; Дмитриев В.Д. Н.В. Никольский – ученый, педагог, общественный деятель: учеб. пособие. – Чебоксары, 2002; Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского. Материалы конференции, посвященной 120-летию со дня рождения ученого. – Чебоксары: ЧГИГН, 2002.

³ Николай Васильевич Никольский: материалы к библиографии ученого. Сост. Г.Н. Айплатов. – Йошкар-Ола, 1993.

⁴ Рец. на книгу «Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных исламу»: Бартольд В.В. // Мир ислама. – 1912. №4. – С. 587-596; К-ский П. // ЖМНП. Новая серия. – 1912. Июль. – XL. – С. 83-93.

⁵ Архив МГПИ. Личное дело профессора Н.В. Никольского. Оп. 1. Ех. 901.

⁶ Там же. – Л. 3-4, 20-21, 27.

⁷ Архив УФСБ РФ по РТ. Архивно-следственное дело 2-2527. Т. 1. Л. 56-57 об.

⁸ С.С. Кутяшов. Против национализма в чувашской этнографии // Советская этнография – 1931. – №2. – С. 43-63. Он же. Против национал-демократического уклона в анализе религии чуваш // Советская этнография. – 1931. – №4. – С. 19-43.

⁹ Архив УФСБ РФ по РТ. Архивно-следственное дело 2-2527. Т. 1. Л. 1.

¹⁰ Там же. – Л. 260.

¹¹ Архив УФСБ РФ по РТ. Архивно-следственное дело 2-2527. Т. 1. Л. 59, 88-88 об., 118-118 об.

¹² Там же. – Л. 87.

¹³ Дмитриев В.Д. Н.В. Никольский – чувашский ученый, просветитель, общественный деятель. – Чебоксары, 1993. – С. 55.

С.А. БАКАНЫЧЕВА

СВИДЕТЕЛЬСТВО ХОЛОКОСТА (из личного архива А.И. Васильевой)

Существует ли так называемый «еврейский вопрос»? В мировой науке сомнений нет. В большинстве университетов Европы и США читаются специальные курсы «Еврейские исследования», где изучают историю евреев, их современное положение. В России этот вопрос до сих пор в значительной мере политизирован или табуизирован.

Отношения между русскими и евреями подмечал еще Ф.М. Достоевский. Обращаясь к этой теме более ста лет назад, он уже тогда заметил многие скрытые тенденции, возникавшие в результате взаимоотношений русских и евреев. Он писал: «О, не думайте, что я действительно затеваю поднять

«еврейский вопрос»... Поднять такой величины вопрос, как положение еврея в России и о положении России, имеющей в числе сынов своих три миллиона евреев, – я не в силах. Вопрос этот не в моих размерах».

Почему длительное время в России старались не поднимать «еврейский вопрос»? Считалось, что эту проблему вообще нельзя обсуждать. По мнению известного философа и математика И.Р. Шафаревича, «не гуманно оперировать такой абстракцией, как «еврейский вопрос» или «еврейство»: этим игнорируется человеческая индивидуальность, одни люди признаются ответственными за действия других. Отсюда всего шаг до отправки в лагеря или газовые камеры по классовому или расовому признаку».

Некоторые современные ученые придерживаются мнения, что не существовало холокоста, и в газовых камерах нацистских лагерей погибли только вши, что гетто организовывали только для проживания мирных граждан. В современной научной литературе и публицистике «*холокост*» (от древнегреческого *Holocaustosis* – всеожжение, уничтожение огнем, жертвоприношение) обозначает политику нацистской Германии, ее союзников и пособников по преследованию и уничтожению евреев в 1933-1945 годах.

Катастрофе евреев в годы второй мировой войны посвящено множество публикаций. Но, несмотря на огромное количество данных, имеющих в распоряжении историков, остается без ясного и четкого ответа важный вопрос о происхождении одного из самых чудовищных преступлений в истории человечества. Отсутствие единого мнения историков по этому вопросу легко объяснимо: письменный приказ уничтожить всех евреев до сих пор не найден.

Также имеют место утверждения, что цифры погибших евреев в годы Великой отечественной войны сильно завышены, что отношение к евреям было такое же, как и ко всем гражданам оккупированных территорий. Конечно, в годы войны погибали мирные жители всех национальностей, но такому целенаправленному глобальному истреблению, как евреи, не подвергался ни один народ.

Одним из доказательств угнетения и унижения еврейского народа в годы второй мировой войны является предсмертное письмо советского врача Владимира Михайловича Хромого. Его сохранила и передала копию оригинала в лабораторию гендерных исследований ветеран труда Марийского педагогического института им. Н.К. Крупской, кандидат педагогических наук доцент Лариса Ильинична Васильева (Шафран). Л.И. Васильева много сделала по организации педагогического образования и методике преподавания английского языка в педагогическом институте; до сих пор в сфере образования работают ее многочисленные ученики. Как и большинство евреев, живущих в Республике Марий Эл, Л.И. Васильева переехала в Йошкар-Олу в годы Великой Отечественной войны. Ее семья была эвакуирована вместе с заводом им. 13-летия Октября г. Киева, на котором ее отец Илья Борисович Шафран работал начальником планово-производственного отдела.

Во время учебы в Киевском университете, уже после окончания войны, Л.И. Васильева познакомилась со своим мужем – Михаилом Михайловичем Васильевым. Он родился в городе Проскурове (сейчас – г. Хмельники), в большой, интеллигентной семье, в которой было шестеро детей. Вместе с ними жил дедушка Михаила – Владимир Михайлович Хромой (в семье его называли дядя Вилли), он был известным терапевтом и уважаемым человеком на Украине. Как и семья Шафран, семья Хромого-Васильевых должна была эвакуироваться с Украины в самом начале войны, но они сами оттягивали свой переезд, не предполагая о последствиях жизни на ок-

купированной территории. Владимир Михайлович стажировался в Германии, и, несмотря на то, что в Польше уже были концлагеря, он не верил, что немцы будут уничтожать евреев. В итоге, его семья не успела эвакуироваться, и судьба всех ее членов была трагична. После оккупации немцами г. Проскурова новые власти разрешили Владимиру Хромому вести медицинскую практику, принимать больных крестьян. Так продолжалось до 17 октября 1941 г.: в этот день всем евреям города и округа объявили, что их будут переселять в гетто. Владимир Михайлович не захотел такой судьбы для себя и своей семьи и принял решение покончить жизнь самоубийством. Перед тем, как принять морфий, он написал предсмертное письмо, адресованное своей жене, детям и близким друзьям. Это письмо сохранится в личном архиве Л.И. Васильевой, мы его полностью публикуем.

«Мои дорогие, безмерно любимые Мусенька и детки!

Чаша терпения моего переполнилась. Дальше выносить издевательства и тот позор, коим подвергаются пленные, а в особенности еврейский народ со стороны победителей – «культуртрегеров» и их прихвостней – “украционалистов” то в виде постоянных грубых побоев, то в виде ношения разных пятен на груди и спине, то в виде выселения его в особые, напоминающие средневековье, гетто, то в виде единичных расстрелов, то в виде расстрелов массовых (Каменец-Подольск, Минводы, Кузьмин, Сатанов, Феньштин, Винница, Киев и пр.), – я не в силах. И вот на пороге семидесятого года жизни и сорок пятого года моего врачебного стажа я расстаюсь с жизнью. Мне очень тяжело, очень больно покинуть всех Вас, мои дорогие, как живущих со мною совместно, так и рассеянных по лицу земли русской, но иначе поступить я не мог.

Прощайте, мои дорогие, безмерно любимые! Не вините меня! Дать Вам в руки яд я не решался. Крепитесь, а если не сможете, последуйте моему примеру! Свое медицинское имущество и библиотеку завещаю больнице, в коей работал последние 14 лет, а об остальном имуществе, ежели Вас не будет в живых, “позаботятся” вероятно, культуртрегеры и их прихвостни так же точно, как они сейчас “заботятся” об имуществе выселенных из домов или замученных евреев. Если Вы решитесь последовать моему примеру, то предварительно распределите имущество между Марией Никифоровной Чеботарёвой, моими сослуживцами – друзьями и моими учениками – друзьями. Крепко, крепко целую Вас и Марию Никифоровну. Крепко, крепко Вас всех обнимаю.

Моя последняя просьба к друзьям – из сослуживцев моих, учеников и пациентов, не оставляйте семью мою без попечения, а меня похороните возле моей покойной дочурки Цицил и ежели возможно, то и рядом.

Мое предсмертное проклятье всем угнетателям многострадального еврейского народа.

Ваш бесконечно Вас всех любящий и любимый В. Хромой
17.10.1941 г.»

Все члены семьи последовали примеру деда и приняли морфий. Подруге семьи – Марии Никифоровне Чеботарёвой удалось спасти внука Михаила. Но, тем не менее, он вместе с бабушкой, на которую морфий не подействовал, оказались в гетто. Как вспоминает Л.И. Васильева, евреев, выселяемых в гетто, охраняли румыны, и их можно было подкупить. Мария Никифоровна выкупила и вывезла Мишу в безопасное место. Бабушке спастись не удалось, ее и многих жителей гетто в этом же 1941 г. расстреляли. Отец маль-

---

чика М.С. Васильев избежал этой страшной участи, так как еще в 1937 г. был сослан в сталинские лагеря как «враг народа».

В 1942 г. Миша попал в плен к немцам и, как многие юноши и девушки, был отправлен работать на один из заводов Германии. Жизнь ему спасло то, что его высокого и светловолосого, не принимали за еврея. В 1945 г. вместе с другими советскими пленными он был освобожден. Вернувшись из плена, Михаил отслужил в армии, закончил седьмой класс экстерном, учился в техникуме, затем в Кишиневском сельхоз институте, а в 1950-е гг. вместе с женой приехал в Йошкар-Олу, где работал на одном из крупнейших военных заводов. Свои воспоминания об ужасах военных лет Михаил Васильев рассказал жене лишь однажды, когда вез ее знакомить со своим отцом в г. Лодзьен Пензенской области. Как страшное свидетельство тех военных лет в семье сохранилось предсмертное письмо В. Хромого.

Во время войны в семье Л.И. Васильевой (Шафран) погибло около двадцати близких родственников и шесть родственников со стороны мужа. И такая судьба – не исключение для большинства семей советских евреев. Почти каждая из них хранит горькие воспоминания о различных проявлениях холокоста.

Ю.С. ОБИДИНА

**БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: О КОНФЕРЕНЦИИ
«ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО ПРОСТРАНСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
В РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

3-5 октября на базе Чувашского государственного университета под эгидой Российского гуманитарного научного фонда и Российского общества интеллектуальной истории прошла всероссийская научная конференция, посвященная памяти Анны Васильевны Арсентьевой (1954-2007), заслуженного работника образования Чувашской Республики, профессора, заведующего кафедрой средневековой и новой истории Отечества, проректора по учебной работе ЧГУ. В работе конференции приняли участие ученые и преподаватели ВУЗов Москвы, Казани, Нижневартовска, Йошкар-Олы. Конференция стала первым опытом проведения Всероссийских конференций для Чебоксарского отделения РОИИ, председателем которого является профессор Иванова Татьяна Николаевна.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась Т.Н. Иванова, председатель Чебоксарского отделения РОИИ, Г.П. Чернова, министр образования и молодежной политики ЧР, Н.П. Карачарсков, заслуженный художник Р.Ф., народный художник ЧР, А.П. Аверьянова, управляющая делами администрации Порецкого района, заслуженный работник культуры ЧР. Они отметили огромный вклад А.В. Арсентьевой в историю Чувашского университета и всей Чувашии, что в ее жизни и деятельности, как в микрокосме, отразились процессы формирования единого образовательного пространства науки и высшей школы.

Пленарное заседание открылось докладом Л.П. Репиной, зам. директора Института всеобщей истории РАН, председателя Российского общества интеллектуальной истории, д-р ист. наук, проф., которая, соотнесла университетское образование и общественные интересы России, выделив в нем социально-правовой аспект. Проблема, поднятая Л.П. Репиной, получила продолжения на секционных заседаниях.

На секции «Парадигмы российского образования: вызовы XXI века» обсуждались тенденции и перспективы российского образования, возможные социально-культурные последствия процесса глобализации в сфере образования для России, а также проблемы качества образования в Чувашской республике.

Секция «Социокультурный портрет преподавателя высшей и средней школы: общее и специфическое в «столице» и «провинции» сосредоточила свое внимание на проблеме личностных качеств преподавателя и компетенции в высшем педагогическом образовании.

В секции «История образования в Чувашии и Поволжье» особое внимание привлекли доклады, посвященные региональному компоненту в истории России.

Одной из самых многочисленных оказалась секция «Становление и развитие российской высшей школы в конце XVIII – начале XXI вв.». Она сосредоточила свое внимание на проблемах изучения и преподавания истории в конце XX – начале XXI вв., глобальных и региональных проблемах в историографической практике.

Самой многочисленной на конференции была делегация Марийского университета. Это отражает не только высокий уровень научной деятельности преподавателей, но также и тот факт, что на этой конференции марийская делегация впервые выступила «объединенным фронтом» двух вузов – МарГУ и МГПИ им. Н.К. Крупской.

В итоге участники конференции пришли к заключению, что пора приступить к выработке новой модели высшего образования, адаптированного к современным условиям, в достаточной степени интегрированного в мировую систему образования и науки. С целью реализации сформулированного замысла данную проблематику было предложено обсудить на Десятой (юбилейной) конференции «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век», которая состоится в г. Москве 12-14 ноября 2008 года.

А.К. РОКИНА

ОНЛАЙН АРХИВ ЛОНДОНСКОЙ ГАЗЕТЫ «THE TIMES» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БЕЛИКОБРИТАНИИ

Как пишет Марк Тангейт в своей книге «Медиагиганты», цитируя Руперта Мердока, владельца медиаимперии, «многие газеты в мире пользуются словом *times* в своих названиях, но только одна отождествляется с именем The Times». И действительно, «The Times» была первой газетой с таким названием. Основанная 1 января 1785 г. английским типографом Джоном Уолтером, «The Times» стала первой газетой, взявшей себе такое имя. Первоначально название издания было – «Daily Universal Register», с 1788 г. полное название газеты – «The Times – Daily Universal Register», которое позднее было сокращено до «The Times».

Во времена Джона Уолтера занятие журналистикой не являлось прибыльным делом, единственной наградой для издателя могло быть приобретение политического влияния. Тиражи британских газет были небольшими, и в 1795 г. тираж «The Times», составивший 4800 экз., считался рекордным.

«Таймс» была первой газетой, которая печаталась по новой технологии – с помощью пара на станке Кенига и Бауера, в отличие от предшественников, которые печатались вручную. Именно использование новейших технологий позволило издателю (а в том время это был уже Джон Уолтер – Второй) не только увеличить тираж газеты, но и давать в номер последние новости.

История газеты – история достижений научно-технического прогресса в сфере средств массовой информации. С 1860 г. «Таймс» печатается с двух сторон, благодаря созданию Уолтером новой печатной машины. Именно «The Times» стала первой английской газетой, доставленной 11 декабря 1849 г. в Париж к полудню в день своего выхода из печати.

В 1932 году газетой был создан собственный шрифт – Times New Roman, разработанный для того, чтобы повысить удобство чтения газеты. Позже шрифт стал использоваться для печати дешевых книг в мягких обложках. Сейчас же он является наиболее используемым шрифтом в мире.

В 1831 году «The Times» получила прозвище «Громовержец». Тогда ежедневный тираж издания достиг 6000 экз. (тираж ближайшего конкурента едва приближался к 6000). Точность и качество репортажей, своевременность освещения событий, высокий уровень передовиц и аналитических статей, осведомленность в хитросплетениях европейской политики сделали «The Times» ведущим европейским периодическим изданием. Во

многих европейских столицах собственные корреспонденты этой газеты пользовались таким же вниманием, как и послы иностранных держав. Пресса в лице «The Times» стала подлинной «четвертой властью».

Наибольшую популярность газета приобрела в период Крымской войны (редактор Джон Дилейн), когда она стала первым изданием, отправлявшим корреспондентов на места боевых действий. Тогда военные действия освещал корреспондент «The Times» Уильям Рассел, первый военный корреспондент в истории британской прессы. Репортажи Рассела с места боев послужили вдохновением поэтов, некоторые строки его репортажей становились крылатыми выражениями, а его разоблачения военных и политических кругов привели к отставке правительства и к смене военного руководства.

В течение XIX в. газета освещала наиболее значительные события в мировой политической истории. Публикации и позиция «The Times» сыграли значительную роль в общественно-политической истории Великобритании. Это и первая парламентская реформа 1832 г., давшая право голоса мелкой и средней буржуазии и уничтожившая часть «гнилых местечек» в пользу промышленных центров, принятие закона об эмансипации католиков, отмена хлебных законов в 1846 г.

Газета активно поддерживала Билль 1832 г. (Great Reform Bill of 1832), который боролся с коррупцией и увеличивал электорат Великобритании с 400000 до 800000 человек (что по-прежнему было небольшим процентом от всего населения). Во время гражданской войны в США «The Times» представляла точку зрения обеспеченных классов, высказываясь в пользу конфедератов, но против рабства.

В редакторских колонках, опубликованных в июле 1914 г., главный редактор «The Times» Викхем Сидд высказывался за вступление Великобритании в Первую мировую войну. 31 июля он назвал попытки сохранить нейтралитет Великобритании «грязной международной еврейско-немецкой финансовой попыткой склонить нас к поддержке нейтралитета».

В мае 1920 г. под его же редакторством на передовице «The Times» поддельный антисемитский документ «Протоколы сионских мудрецов» был объявлен подлинным и евреи были провозглашены главной мировой угрозой. Уже на следующий год корреспондент лондонской газеты в Стамбуле Ф. Грейвс опроверг подлинность документа и опубликовал доказательство на страницах «The Times».

В век новых информационных технологий лондонская газета не отступила от своих инновационных традиций, газета имеет отцифрованную версию, а в 2002 г. «The Times» впервые ввела для читателей платный доступ на некоторые страницы своего веб-сайта.

Для всех, кто интересуется историей Великобритании, значительный интерес представляет электронный архив «The Times». Все выпуски газеты, начиная с 1785 года и по 1985 год, были оцифрованы и размещены на веб-сайте издания. Архив представлен в виде факсимильных копий выпусков газеты, по которым возможен поиск с использованием ключевых слов.

Так, например, по запросу «Королева Виктория» архив газеты выдает 70441 результат, который включает все упоминания королевы в материалах газеты за период с 1785 по 1985 гг. В архиве также существует возможность поиска по заданным датам и периодам.

Доступ к онлайн архиву «The Times» платный в том случае, если используется поиск по нему. Но, тем не менее, существует возможность бесплатного доступа к некоторым материалам газеты. Так в частности, блог архива

«The Times» регулярно представляет подборки архивных материалов по различным темам (полный список тем по ссылке <http://archive.timesonline.co.uk/tol/archive/topics/>). Все материалы, используемые в подборках, открыты для бесплатного просмотра. Темы разделены по направлениям: войны и революции, катастрофы, открытия и исследования, политика и гражданские права, королевская семья, преступления, культура и общество и спорт. Также открыты к просмотру все материалы, ссылки на которые представлены на текущей заглавной странице архива.

Архив содержит сведения не только по истории Великобритании, здесь много данных и по мировой истории. Интересным примером могут стать подборки архивных материалов по теме «Убийство Президента Линкольна». В данной публикации ссылки на открытые архивные материалы включают не только статью в «The Times», посвященную непосредственно событию, но и выпуски новостей, письма с соболезнованиями от членов парламента и рабочих Лондона. В подборку включена фотогалерея и материалы «The Times», посвященные человеку, признавшемуся в убийстве президента и его казни.

Особенно интересны материалы, посвященные английской королевской семье. Подборка материалов о коронации Елизаветы II – замечательный пример полного архива документов, посвященных событию – начиная от официальных статей и списков гостей и заканчивая расписанием дополнительных поездов и автобусов в день коронации. Подготовка к церемонии, коронационная процессия в Вестминстерском аббатстве, вступление на престол – все эти церемониальные события отражены в архивных материалах «The Times».

Материалы периодической печати – важный источник при проведении исследований того или иного временного периода, события или явления, исследований не только исторических, но и социологических и журналистских. Важно понимать, что специфика данного источника не столько в достоверности исторических фактов (как раз наоборот, истории известно много журналистских материалов, искаживших реальность), сколько в отражении повседневной жизни, а также возможности проследить отношение общества к событиям и явлениям.

Литература

Марк Тангейт. Медиагиганты. Как крупнейшие медиакомпании выживают на рынке и борются за лидерство. – Изд-во: Альпина-Бизнес-Букс, 2006.

А.В. КИРИЛЛОВА

РУССКИЕ В ИТАЛИИ: НОВЫЙ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРС ДЛЯ ИСТОРИКОВ И ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

История русской эмиграции в Италии, несмотря на значительность этого явления, до последнего времени была изучена мало. Отечественные исследователи прежде обходили стороной эту тему, и их внимание было обращено преимущественно на крупные феномены – «русские» Париж, Берлин, Прагу. Вместе с тем интеллектуальные силы российской эмиграции в Италии были относительно слабы и раздроблены, и здесь, в отличие, скажем, от Франции или США, не появилось сколько-нибудь значительных трудов по истории собственной диаспоры. Что касается итальянских русистов, то они, уделяя внимание отдельным ярким личностям, долгое время не касались в целом эмигрантской темы – из-за ее сложности, малодоступности и распыленности архивов и т.д. Кроме того, в Италии до недавнего времени до-

минировала так называемая «cultura di sinistra», то есть левая, весьма идеологизированная культура, согласно установкам которой послеоктябрьская эмиграция рассматривалась как реакционное, консервативное явление, не заслуживавшее серьезных усилий исследователей.

Для того, чтобы заполнить лакуну в панораме исследований русской эмиграции в Италии и для обеспечения широкого доступа к их результатам, был создан веб-сайт «Русские в Италии» – www.russinitalia.it, посвященный документам, материалам и свидетельствам, которые позволяют воссоздать целостное представление о феномене.

Проект «Русские в Италии» родился благодаря инициативе группы ученых-славистов университетов гг. Милана, Пизы, Салерно и Венеции. Координаторы проекта: Антонелла д'Амелия (университет г. Салерно), Эльда Гаретто (университет г. Милано), Стефано Гардзонио (университет г. Пиза), Даниела Рицци (университет г. Венеции).

В основе проекта лежит идея восстановления полной картины русского присутствия и связей русской культурной эмиграции с итальянской культурой и обществом в Италии в первой половине XX века. Хронологические рамки проекта, с небольшими отклонениями, охватывают период, начиная с революции 1905 года и кончая Второй мировой войной, когда феномен эмиграции достигает наибольшего роста и носит преимущественно интеллектуальный характер.

Исследователи инициаторы проекта поставили перед собой следующие задачи:

1) дать подробное описание русской эмиграции в Италии, как феномена исторического и культурного, наблюдаемого как изнутри, так и в соотношении с итальянским обществом той эпохи (аспект, оставленный без должного внимания в исследованиях итальянской культуры XX в.);

2) определить роль русской интеллигенции и деятелей искусства в Италии в первой половине XX в. в их контактах с итальянской культурой (литературой, искусством, театром), прессой и издательской деятельностью, оказавших большое влияние на распространение и восприятие русской культуры в Италии;

3) восстановить данные о численности и культурно-политической деятельности русской колонии в Италии в первой половине XX в.;

4) воссоздать общую картину феномена, где наряду с важными событиями и выдающимися личностями (Горький и его *entourage* на Капри и в Сорренто; Вячеслав Иванов, катализатор русского присутствия в Риме; Александр Амфитеатров и группа русских революционеров на Ривьере Лигурии и т.д.), находят место малоизвестные факты, лица и забытые страницы, восстановление которых возможно только путем скрупулезного исследования многочисленных деталей и новых архивных данных.

Отталкиваясь от уже существующих, многочисленных, но не последовательных исследований, было начато составление аккуратного списка следов русского присутствия в публичных и частных итальянских архивах. Прежде всего были подробно описаны некоторые важные частные русские архивы (Иванова, Белобородова, Григоровича, хранящиеся в Исследовательском центре Вяч. Иванова в Риме) и инвентаризирован архив Анджели и Ольги Синьорелли (Фонд Джорджо Чини в Венеции). Отдельные материалы этих двух значительных архивов (фонд Иванова насчитывает 530 дел, состоящих из произведений и писем поэта на русском и на итальянском; фонд Синьорелли состоит, главным образом, из эпистолярного материала на раз-

ных языках и насчитывает 600 корреспондентов) ранее уже изучались, но не хватало, однако, полного описания обоих и распространения полученных данных в научных кругах на международном уровне. Таким образом, проект направлен на сбор архивных материалов, которые до сих пор не принимались во внимание при описании и анализе русского присутствия в Италии.

Интерес для исследования представляют как отдельные персонажи, так организации и учреждения (основанные русскими в Италии или итальянские с участием русских). Обнаруженные данные были дополнены результатами исследования периодических изданий той эпохи, а также других европейских, русских и американских архивов.

Сайт имеет две языковые версии, итальянскую и русскую, и состоит из следующих разделов:

1. В разделе Архивы приводится список просмотренных архивов, составленные инвентарные описи, а часто и подробное описание некоторых неизданных переписок; даются ссылки на другие сайты национальных и зарубежных архивов.

2. В Словаре русской эмиграции в Италии объединена вся собранная информация о русской интеллигенции, деятелях искусства и политиках, живших и работавших в Италии в первой половине XX в. Статьи будут периодически обновляться новыми данными.

3. Русские места в Италии представляет собой первую историко-географическую карту присутствия русского сообщества с указанием наиболее важных мест.

4. В секции Неизданное будут размещаться фотографии рукописей, неопубликованные тексты и т.д.

5. В секции Публикации помещается содержание серии «Русско-итальянский Архив» и журнала «Europa Orientalis», а также статьи, исследования, библиографические обзоры и другие публикации по теме проекта, опубликованные исследователями-участниками проекта.

Русская и итальянская версии базы данных в настоящий момент неоднородны, поскольку значительная часть собранного и размещенного на сайте материала, находится в процессе перевода на русский язык.

В общем, на наш взгляд, данный сайт является прекрасным источником информации и фактического материала по истории русской эмиграции в Италии. И что очень важно – предоставляет возможность широкому кругу людей познакомиться с данным феноменом ближе.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАКАНЫЧЕВА Светлана Александровна – младший научный сотрудник Марийского государственного университета.

БИЛАОНОВА Марина Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Марийского государственного университета.

ВОРОБЬЁВА Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

ГОРБАШОВА Галина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

ИВАНОВА Тамара Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

ИВАНОВА Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

КЕЙДАН Владимир Исидорович – филолог-архивист, доцент Института славистики университета г. Урбино, Италия.

КОЛЕСОВА Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории марийского государственного университета.

КОДАЙОВА Даниэла – научный сотрудник Института истории Словацкой академии наук.

КРАСНОВА Марина Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

КИРИЛЛОВА Анастасия Владимировна – студентка V курса исторического факультета Марийского государственного университета.

КРЮЧКОВ Игорь Владимирович – доктор исторических наук, проректор Ставропольского государственного университета.

КУЛЬКОВ Юрий Петрович – доктор философских наук, профессор кафедры философских и методологических наук Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

КУРОЧКИНА Светлана Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры регионоведения Марийского государственного университета.

ШИРОКОВА Марина Алексеевна – ассистент кафедры всеобщей истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

НЕФЕДОВА Татьяна Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

ОГОРОДНИКОВ Алексей – выпускник гуманитарного факультета Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской.

ОБИДИНА Юлия Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

ПУРЫНЫЧЕВА Галина Михайловна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Марийского государственного технического университета.

РОКИНА Анна Константиновна – научный сотрудник Марийского государственного университета.

ТУМАНОВ Андрей Геннадьевич – аспирант кафедры международных отношений Марийского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ	5
ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ.....	5
<i>Е.Е. ВОРОБЬЕВА</i> К вопросу соотношения археологических и этнографических источников на примере домостроительства населения марийского поволжья во II-I тыс. до н.э. (методологический аспект).....	5
<i>С.А. КУРОЧКИНА</i> Отпечатки пальцев гончаров на керамике с селитренного городища.....	8
<i>М.Н. КРАСНОВА</i> Влияние кастового строя и гендерных установок на формы брака в Древней Индии.....	13
<i>Ю.С. ОБИДИНА</i> Некоторые аспекты представлений о смерти и бессмертии в античной традиции в зарубежной историографии	23
НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ	29
<i>Т.Н. ИВАНОВА</i> Концепция Великой французской революции В.И. Герье в свете современных дискуссий отечественной историографии.....	29
<i>Г.Ф. ГОРБАШОВА</i> Повседневная жизнь викторианцев на страницах «Вестника Европы».....	44
<i>А.Г. ТУМАНОВ</i> Журнал «Вестник Европы» как источник по истории викторианской Англии последней трети XIX века.....	53
<i>В.И. КЕЙДАН</i> Русские в Италии: из истории заговора накануне визита Николая II в Рим.....	59
<i>Д. КОДАЙОВА</i> Образ России у С.Г. Ваянского и Т.Г. Масарика: между русофильством и европеизмом.....	65

<i>И.В. Крючков</i> «Промышленная революция» в Венгрии в последней трети XIX – начале XX веков: «догоняющая модернизация» страны и ее социальные последствия	73
<i>А.Г. Кугуелов</i> Проблема военнопленных в годы первой мировой войны	92
<i>Т.Г. Нефедова, А.Д. Огородников</i> Ветераны 6-й немецкой армии о повседневной жизни в окружении в 1942-1943 гг.	99
<i>Т.И. Иванова</i> Превентивная политика в антитеррористической стратегии правительства канцлера Г. Шрёдера (2001-2004 гг.)	107
<i>М.А. Широкова</i> Советский вузовский учебник по новой истории стран Азии и Африки: история и историография	126
<i>Артамонова А.В., Пурьнычева Г.М.</i> Традиционная семья: проблема информационной безопасности	131
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	137
<i>Г.М. Пурьнычева</i> Актуальные методологические проблемы социально-исторической науки	138
<i>Ю.П. Кульков</i> Естествоиспытатель в межсубъектных отношениях в познании природы (историко-философский анализ)	144
<i>М.Ю. Билагонова</i> Герменевтика и историческое познание	156
<i>Ю.С. Обидина</i> Методология исследования культуры, человека и границ его бытия в российском гуманитарном знании	162

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ.....	167
<i>Е.В. КОЛЕСОВА</i> Власть и интеллигенция: архивные материалы о судьбе профессора Н.В. Никольского (1878-1961).....	167
<i>С.А. БАКАНЫЧЕВА</i> Публикация свидетельства холокоста из личного архива Л.И. Васильевой.....	176
ХРОНИКА.....	180
<i>Ю.С. ОБИДИНА</i> Будущее российской высшей школы: о конференции «Формирование единого пространства образования и науки в российской высшей школе: история и перспективы».....	180
<i>А.К. РОКИНА</i> Онлайн архива лондонской газеты «The Times» как источник по истории Великобритании.....	181
<i>А.В. КИРИЛЛОВА</i> Русские в Италии: новый Интернет-ресурс для историков и литературоведов.....	183
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	186

ДШ

ЗАПАД-ВОСТОК
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

Литературные редакторы:

*О.А. Егошина,
Л.Н. Еремеева,
Т.Ю. Михеева,
Е.Г. Смоляр*

Компьютерная верстка

С.А. Окишева

Дизайн обложки

В.В. Смирнова

Тем. план 2008 г. №214.

Подписано в печать 09.02.2009 г. Формат 60×84/8.

Усл. печ. л. 22,20. Уч.-изд. л. 16,15.

Тираж 300. Заказ №3411.

Оригинал-макет подготовлен к печати в РИЦ и отпечатан ООП
ГОУВПО «Марийский государственный университет».
424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1.

ЗАПАД-ВОСТОК